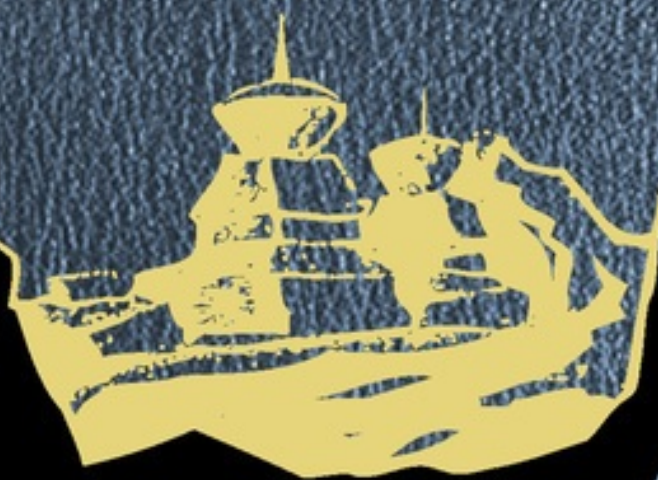

Николай Рерих
ШАМБАЛА
Сияющая

Мифы, легенды,
афоризмы

Жемчужины мудрости

В этом сборнике работ великого русского художника, путешественника, мыслителя Н.К. Рериха представлены произведения разных жанров – белые стихи, философские притчи, рассказы, очерки, афоризмы. Тематика этих работ разнообразна – от легенд и притч до рассказов о таинственных явлениях природы; от основ философских учений Востока до мудрых советов и напутствий. Одно неизменно: о чем бы ни писал Н.К. Рерих, его произведения всегда дают читателям вдохновляющий импульс, новое видение жизни и своего места в ней. Книга содержит иллюстрированные вклейки.

Николай Константинович Рерих

Шамбала Сияющая. Мифы, легенды, афоризмы

СТИХОТВОРЕНИЯ

*На небе заря разгорается,
Скоро Ярило покажется,
Засияет блеснёт красно солнышко —
И проснётся земля
Святорусская...*

Я выше вас, глупцы слепые!
Всегда в грязи ползете вы,
На своды неба голубые
Поднять не смея головы.
И вечно жалуясь, страдая
Самими созданной тоской,
Со страхом гибель ожидая,
Вы все согнулись под сумой.
Я выше вас! Мечтам послушный,
Я видел небо, рай и ад —
И горе жизни равнодушной,
И смерть меня не устрашат.
Я не копил сокровищ груду —
И этим горд! Вы не могли
Подняться с ними от земли,
А я без них парю повсюду!

06.11.1902

Дремлет земля Святорусская

Дремлет земля Святорусская.
Закрывается туманом-пологом,
Вековой чащей оградилася,
Болотами да крепями опоясалась,
Поляницею могучею раскинулась.
Не пройти ее, не объехать в три года.
Разметалась она из края в край,
Разбросалась от ночи до полудня —
Дремлет земля Святорусская.
Черный ворон летит из поднебесья,
Сел вещун на высокий дуб, —
На высокий дуб, на раскидистый,
Каркает ворон недоброе,
Чует вещун свару горькую,
Свару, лихую усобицу:
Станет род на род —
Будет ворону богатый пир.
Закипает лихая усобица,
Из лесов потянулись родичи,
Покрывают струги Ильмень-озеро,

Слышен клич боевой,
зазвенел топор —

Кровь-руда полилася напрасная.
Радошны соседи недобрые!
Тесным кольцом опоясали
Русскую землю привольную
Финская Емь, Водь, Ижора,
Чудь, Весь и Меря проклятая,
От восхода Мордва с Черемисою,
От полудня хозары надвинулись,
Полунощные гости бродячие,
Удалые дружины варяжския,
В греки идут великим путем —
Водным путем да волоком
Топчут землю Святорусскую.
На богатство ее на великое
Зарягся гости проезжие.
Устоит ли земля Святорусская?
Словенские родичи врозь идут.
Ой лежит над Русью глухая ночь,
Не видать на небе ни звездочек,
Не видать ни месяца яснаго,
Не плескает рыба на озере,
Выпь не гудит над болотами,
Рысь молчит – притаилася, —
Топоры звенят по лесным долам,
Тетива поет и стрела свистит,
Зарево светит пожарное —
Лежит над Русью глухая ночь.
По рекам, озерам и заводям
Челноки наспех потянулись,
В городке на вышке повешены
Пуки соломы горящие —
Окрест разнести вести важные.
За далеким Перуновым озером
Среди леса стоячего древнего
Стоит над яром высокий дуб —
Сварожич живет под тем деревом.
Без Перуна без бога великого
Не вершится дело славянское.
Место над дубом утоптано.
Горит под дубом святой огонь.
К дубу собираются родичи:
«Стоять ли земле без хозяина?»
Старцы земли Новагорода
Соберутся под дубом раскидистым;
Ворон на дубе не каркает —

На небе заря разгорается,
Скоро Ярило покажется,
Засияет-блеснет красно солнышко —
И проснется земля Святорусская.

Искусству – поем

Искусству – поем.
Искусство – славное,
Искусство – красное,
Искусство – высокое,
Искусство – гордое,
Искусство – радость,
Искусство – светлое.
Фос, Пур и Флокс!
Искусство храните.
Отгоните жестоко
Темных, жалких, нелепых.
Стук, Стук, Стук!
Пришли на искусство.
Идут черные, идут серые!
Зачернела лестница шапками,
Застучали ступени подошвами.
Ближе и дальше – черно, черно.
Занимайте классы, товарищи!
В декоративном раздеться!
Идти в резной!
Стали и сели.
Делили искусство.
Взяли чужое,
Свое прогнали,
Дальше и больше —
Ничего не осталось.
Пустой дом!
Фос, Пур и Флокс!
Искусство храните.
Отклоните жестоко
Противных, жалких!
Искусство восхвалим.
Оно – гордое, оно – светлое,
Далекое, близкое, красное,
Славное!
Искусству – поем!

Свечи горели.

Яркое пламя трепетным
светом все обливало.

Казалось: потухни оно —
темнота словно пологом
плотно закроем глаза,
бесконечной, страшной
завесой затянет.

Напрасно взоры скользнут,
в пустоту утопая.

Полно! Один ли света источник
дрожащие, мрачные тени
бросает вокруг?

Робко, украдкой сине-лиловый
рассвет

тихонько в окошко струится,
гордым блеском свечей затуманен.
Никому не приметный, ненужный
серый отсвет бросает.

Свечи горели. В холоде отблеска утра
новый тон заиграл,
тепловатый, манящий...

Хочется штору поднять,
да и сам он дорогу
скоро пробьет.

Ласковый свет разливается.

Черный угол туманом затянут.
Ярче светлый... Вечный, могучий
светоч встает... А свечи?

Молитва гаятри

Слушайте! Слушайте!
Вы кончили споры и ссоры?
Вот молитва моя!
Порази в корень нищету
моего сердца.

Песня, которую я должен спеть,
еще остается неспетой.
Ты призвал меня на праздник
этого мира, и тем благословенна
жизнь моя.

Могу ли я принести Тебе
мое безмолвное поклонение?
Мою молитву без слов,

Какой сон недобрый!
К чему может он быть?
Будто бы лежал я больной
и томился дойти до источника.
И не мог. Кто мне поможет?
Женщина идет. Женщины добры.
Она мне воды принесет.
«Женщина, подойди к источнику
и принеси мне напиток».
«Я не могу, я несвободна.
К источнику доступ нам запрещен».
Но идет простой человек.
Он просьбу услышит.
«Брат, от источника принеси
мне воды».
«Я ведь крестьянин,
 нам не дозволено».
Еще идет человек; его попрошу.
«Не смейся, я ведь еврей, нам нельзя».
Сколько народу прошло, и всем
почему-то нельзя.
 Запрещено, не позволено.
Бесмысленный сон! Царь наш,
Когда приезжал, сказал нам,
Что свободны все люди.

Мне сказали, что я болен.
Сказали, что я буду лежать.
Я буду лежать. Буду смотреть
в небо за окном. Может
быть, больной, я увижу иное
небо. Может быть, облака
построятся в храмы.
Дрожит воздух. Мелькают
невидимые мушки. Когда же
увижу иное небо? Не знаю,
скоро ли буду болен опять.
Если встану, я уйду к делу.
Опять не увижу дальнего неба.
Сегодня, быть может, мы его

не увидим, но завтра, я знаю,
мы найдем дальнейшее небо.
Но чтобы молиться, я выйду из
душного храма. Я уйду
под облачный свод.

Обернись

Не уходи, мой друг, в темноту.
Сядь так, чтоб я видел тебя.
Иначе призраки ночи
займут твое место.
Окружены мы теньями.
Вызвало их неразумное слово.
Их разогнать не умеем.
Им повелеть мы не можем.
Близится час полунощный.
Зажги, друг, ярче огонь.
К света источнику ты
обернись.

1917

Встретим

К двери, друг, подойди.
Не бойся двери открыть.
Крепко светильник держи,
Не затушил чтобы вихрь.
Слышишь, он к двери подходит.
Если, открыв, ты ничего
не увидишь – не бойся, он
все-таки здесь. Что должно
прийти, то пришло.
Пришедшее
встретим.

1917

Зов

Подойди, подойди, не останься.
Милый мой, я хочу тебя
Видеть. Еще ни разу ко мне

словах ее расскажу я;
будут светильники полны,
пышно убраны столы,
и огонь в очаге разгорится.
Из последнего слова начало
сделаем мы и, долго
сидя за столами, громкой
и ясною речью встретим мы время
царства ночного – глубокую
полночь.

В пути

Друзья, от вас ухожу я.
Во взгляде моем ваши лица
уже изменились. Я вижу,
что знал вас я мало.
Вы меня тоже не знали.
Многое я тайком накопил.
Сохранное не показал вам.
За это простите. Зато
многое вы соберете.
Большую часть новым
друзьям не дадите. Меня
вы поймете и перед долгим путем
подарите мне, что утаил я,
оно мне в пути пригодится.
Смотрите, идут уже там
впереди. Рано вышли в дорогу.
Пристально вы посмотрите.
Темные точки на склоне
горы – ведь не камни, путники это.
Скоро и я для вас стану
таким же камнем далеким.
Но не забудьте, что это не
камень, ведь это я, тот,
который долго жил с вами.
Лицо мое знали вы близко
и четко. Хотя ваши лица
для меня изменятся, но буду
вас помнить и пожалею,
если встречался с кем мало.
Теперь вещи для жизни я вам
оставляю. В пути они
мне не нужны. Если из
них пропадет или

износится что, не жалеите.
Вернувшись, найду я, что
надо. За перевалом путники
скрылись. Не печальтесь, что
пойду я один. Путников встречу
в пути.

Оставлю

Доживу ли? Сумею ли я
испытать мой знак
вновь найденный?
Не могу я его показать никому.
Его власть рассказать я не смею.
Мы ходили далеко, а он
был оставлен так близко.
Прост по виду он был.
До приезда Царя я его сохраню
и по зову отдам Ему в руки.
Но пока он лежит у меня.
Наконец, я вижу его.
Сердцем я знаю, что он
настоящий. Ни твари, ни люди
не могут сделать его.
Мне показал он такое,
о чем рассказать я не смею.
Грамотой тайной я запишу
и оставлю.

Властитель ночи

Должен Он прийти – Властитель ночи. И невозможно спать в юрте на мягких шкурах.
Встает Дакша, и встают девушки. И засвечивают огонь. Ах, томительно ждать. Мы его
призовем. Вызовем. Огонь желтый, и юрта золотая. И блестит медь. Начинается колдовство.
Пусть войдет Он, желанный. Придет ведунья. И зажжет травы. И вспыхнет зеленый огонь.
Надежда!

И ожидание. Но молчат тени, и нейдет Он. Ах, бессильны добрые слова. Пусть войдет та,
злая. И бросит красные травы. И заволочет туманом стены. И вызовет образы. И духи возникнут.
Кружитесь. И летите в пляске.

И обнажитесь, откройтесь. И мы удержим образы возникшие. И сильнее образы и багровее
пламя. Ах, приди и останься. И протянулась и обняла пустое пространство. Не помогло красное
пламя. И вы все уйдите. И оставьте меня. Здесь душно. Пусть тухнет огонь. Поднимите намет.
Допустите воздух сюда.

И вошла ночь. И открыли намет. И вот она стоит на коленях. Ушел приказ. Ушло
волхование. И тогда пришел Он, Властитель. Отступила Дакша. Замирая. И опустилась. Он уже

здесь. Все стало просто. Ах, как проста ночь. И проста звезда утра. И дал Он власть. Дал силу. И ушел. Растаял.

Все просто.

1918

Монеты

Тебе дам три медные монетки.
Укажу изготовить мне сласти.
Но если даже дам трижды три
медных монеток, ты не сможешь
изготовить мне сласти. Пойдешь
за ними в лавку на рынок.
Какие там маги, что за три
монеты охотно дадут, что ты
дать не можешь? Но я пошлю
тебе иное уменье. Ты сам
дашь нам сласти, слаще
медов и ванили и благовоннее
смирны, во все времена дня
и ночи. За них не возьмешь ты
монеты.

1921

Дар

Мутны волны, и бурно море.
Неужели и здесь должен быть
наш улов? И здесь должны
мы закинуть сеть нашу.
Иначе лишимся пропитания
нашего. В желтые волны
бросили мы нашу сеть.
Вес ее стал отягчаться.
Ах, сколько ила и грязи
соберет наша бедная пряжа!
С трудом извлекаем наш
тяжелый улов. Усмешка судьбы!
Она бросила нам все ненужные
вещи. Звезды морские и мертвые
крабы для еды непригодны.
Но среди хлама мелькнул
блеск чешуи. Господи, даже
среди мутного моря все же
послал нам золотую

рыбку. Но мало того, среди
грязи мы находим
замечательный ящик. Дома,
только там, за порогом,
мы раскроем его. Сладость
какая – нести запечатанный дар!

1922

Владычица Знамени Мира

Владычица червонно-пламенная!
Владычица Знамени Мира!
К Тебе, Владычица, мы прибегаем.
Кто же
поднимет Знак Мира,
 Знак Сохраненья
Высших Сокровищ?
Кто же, кроме Тебя,
 придет к нам, помочь
Знамя поднять,
 знак созиданья народам?
Бурно море и губительны вихри,
 но Ты Знамя
поднимешь
и наполнишь сердце
людское сознаньем
о священном
Хранении Духа. Ведь Ты знаешь,
 насколько нельзя
отложить этот Знак.
Ведь Ты знаешь, сколько
уже разрушений землю унизило.
 Знаешь Ты
все поношения самого лучшего,
 самого нужного
людям. Если стадо не знает
 опасности, то ведь Ты,
Пастырем будучи,
 Мирное Знамя поднимешь.
И ветры нагорные всюду
 Приказ принесут Твой:
сохранить, и строить,
 и складывать Светлое Завтра.
Твой Пламень Червонный
 тьму разгоняет. Дыхание

Твое исцеляет все раны,
и Рука Твоя разве не строит,
легко прикасаясь к созидательным
камням творенья?

Вот мы
и просим Тебя поднять этот Знак
Триединости Мощной.
Знаем мы, что Ты не откажешь,
ибо противно Тебе
разрушенье и уничтоженье
прекрасных начал. Ты
не терпишь хаоса,
Ты не терпишь смятения,
и потому Ты поднимешь,
и сохранишь, и укажешь
народам Знак Охраненья
мирных прекрасных
Сокровищ! Знак Путеводный
для каждой творческой
Мысли! Знак Утвержденья и Света.
Помоги, Владычица Знамени Мира!

ЛЕГЕНДЫ

Истина не познается расчетами, лишь язык сердца знает, где живет великая Правда, которая, несмотря ни на что, ведет человечество к восхождению.

Разве легенды не есть гирлянда лучших цветов?

ПРОФЕССОР ВАРШАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Зелинский в своих интересных исследованиях о древних мифах пришел к заключению, что герои этих мифов вовсе не легендарные фигуры, но реально существовавшие деятели. К тому же заключению пришли и многие другие авторы, таким образом опровергая материалистическую тенденцию прошлого столетия, которая пыталась изображать все героическое лишь какими-то отвлеченными мифами. Так, французский ученый Сенар пытался доказать, что Будда никогда не существовал и не что иное, как солнечный миф, что было сейчас же опровергнуто археологическими находками. Такие же попытки были делаемы, чтобы доказать, что и Христос никогда не существовал, хотя мы имеем свидетельства, очень близкие к Его времени. Кроме того, в Сирии недавно была найдена плита с римскою надписью – эдикт против первых христиан, по времени чрезвычайно близкая к манифестации Христа. В этой борьбе между познающими и отрицающими так ясна граница, разделяющая всю мировую психологию. При этом чрезвычайно поучительно наблюдать, насколько все отрицатели со временем оказываются побежденными; те же, кто защищал героизм, истину, великую реальность, находят оправдание в самой действительности.

Тот, кто истинно понимал героев и мифы и кто временно считался мечтателем, оказывался величайшим реалистом, тогда как скептик-отрицатель по справедливости занял место «мечтателя», поверившего или клевете, или извращенному источнику. Так медленно, но верно оборачивается колесо эволюции, неся с собою восстановление забытой правды.

Оглянемся и заметим, как быстро и как легко человечество забывает даже недавние события и деятелей. Еще недавно такие лица, как Парацельс или Томас Воган, отмечались в энциклопедиях как обманщики. Но затем некоторые люди, в которых была жива справедливость, дали себе труд ознакомиться с их произведениями и нашли, вместо оглашенных шарлатанов, глубоких ученых, открытия которых принесли человечеству много блага. Вспоминаю, как в детстве мы увлекались книгою Гастона Тиссандье «Мученики Науки». Те, которые погибли жертвами всеожжения, в пытках, на эшафоте, теперь признаны как великие ученые. Но лживый скептицизм продолжает свою подпольную работу и вместо прежних мучеников спешит изобрести других, чтобы затем они, в свою очередь, так же были почтены памятниками и народными торжествами.

За последние годы в общественных направлениях замечаются некоторые отдельные действия, которые дают надежду, что вредоносное отрицание как будто уже осознается, и, таким образом, будем надеяться, займет заслуженный темный угол.

Люди начинают стремиться к жизнеописаниям. Но и в этом шептуны-скептики не хотят уступить. Пожимая плечами, они скажут вам: «Как вы можете быть уверены относительно истинных побуждений, родивших поступки, отображенные в биографии?» Или: «Как вы можете быть уверены, что не были случайностями те события, которые окрасили жизнеописания ваших героев?» Или: «Можете ли вы утверждать, что биограф был искренен и беспристрастен?»

Допустим, что эти замечания до известной степени могут иметь под собою почву. Отдадим некоторую окраску жизнеописания личности самого биографа. Но тем не менее архивы исторических документов доносят до нас все же многие несомненные жизненные вехи действительности. Еще в недавнем прошлом летописи считались как сомнительные документы, не заслуживавшие серьезного внимания. Но археологические и исторические находки и документы, современные летописям, показывают, что они заслуживают гораздо большего почтения, нежели еще недавно поверхностные умы полагали. Конечно, будем надеяться, что

человечество теперь не будет терять целые века для верного освещения выдающихся явлений.

Отдавая должное летописям и жизнеописаниям, человечество научится и писать их. Было бы величайшей ошибкой думать, что понятие героев совместно лишь с прошлым. Синтез нашей Эры выкристаллизовывает своих героев. Позволительно надеяться, что костры, тюрьмы и казни более не будут неизменными атрибутами этих великих душ!

Устанавливая, что боги древности были героями, запечатленными в памяти народа, мы укрепим себя в сознании, что и в наши дни индивидуальность и личность управляют рулем человечества. Утверждая существование таких индивидуальностей, мы научимся, по примеру предков, в благожелательном позитивном исследовании передать сущность их личности в последующие поколения. Не забудем, что в будущем эти жизнеописания войдут в народные школы как Светочи Прогресса. Потому научим молодежь не только читать биографии, но и уметь писать их или, вернее, различать – что из проявлений их современников войдет в историю.

Читая легенды, молодежь научится мечтать. Это великое качество, ибо оно наполняет сердце лучшими, мощными огнями. Этими огнями сердца молодежь познает, как различать, где истина. Истина не познается расчетами, лишь язык сердца знает, где живет великая Правда, которая, несмотря ни на что, ведет человечество к восхождению. Разве легенды не есть гирлянда лучших цветов? О малом, о незначительном и жалком человечество не слагает легенд. Часто даже в кажущихся отрицательных мифах заключено уважение к потенциалу внутренней мощи. Во всяком случае, каждая легенда содержит нечто необычное. Не ведет ли эта необычность дух человеческий поверх сумерек механического стандарта? Этим машинным стандартом эволюция не строится. Легенда, которая освобождает нас от подавляющих условий каждодневной рутины, обновляет наше мышление, позволяет погрузиться в новые глубины познания, полные неисчерпаемого молодого задора.

Спросите великого математика, великого физика, великого физиолога, великого астронома, умеет ли он мечтать? Я не упоминаю художников, музыкантов, поэтов, ибо все существо их построено на способности мечтать. Великий ученый, если он действительно велик и не боится недоброжелательных свидетелей, конечно, доверит вам, как прекрасно он умеет возноситься мечтами. Как многие из его открытий в основе своей имеют не только расчет, но именно высокую жизненную мечту.

Да, легенды не отвлеченность, но сама реальность. Поистине мечты не знаки безграмотности, но отличия утонченных душ. Потому всячески поощрим в молодежи нашей стремления к зовущим и творящим сказаниям и вместе с молодежью, оставаясь молодыми, почтим мечту как ведущие и возносящие крылья нашего возрождения и усовершенствования.

Устремление, Иерархия, Беспредельность, Красота – только по этим вехам мы движемся несомненно вперед. Существо нашей деятельности мы должны приложить к жизни немедленно. Воздавая должное мечте, мы не сделаемся «мечтателями».

Пусть будет это мечта Творца. В этой мечте не будет ни одурманивания, ни изменчивости, но будет непреложное Знание, собранное в глубинах нашего духа. И, прежде всего, будем помнить, что слово Культура может значить «Культ-Ур» – Культ Света.

Февраль 1931 г.

Гималаи

В очень известном и большом городе жил старый царь, вдовец. У царя была дочь, невеста. Царевна далеко славилась и лицом и умом, и потому многие весьма хорошие люди желали сосватать ее. Среди этих женихов были и князья, воеводы и гости торговые, и ловкие проходимцы, которые всегда толкаются в знатных домах и выискивают, чем бы услужить; были разные люди. Царевна назначила день, когда могут прийти к ней женихи и сказать громко при ней и при всех, что каждый надеется предоставить своей жене; царевна была мудрая. Женихи очень ожидали этого дня, и каждый считал себя лучше всех других. Один перед другим хвалились женихи: кто именитым родом за тридцать поколений, кто богатством, но один из них ничем не хвалился, и никто не знал, откуда пришел он. Он хорошо умел складывать песни; песни его напоминали всем их молодые, лучшие годы, при этом он говорил красиво, и его любили слушать, даже забывая спросить, кто этот певец. И хотя он не был князем, но все женихи обращались с ним как с равным.

В назначенный день все женихи оделись получше и собрались в палату, к царю. Согласно обычаю, женихи поклонились царю и царевне. Никого не пустил вперед князь древнего рода, за ним слуги несли тяжелую красную книгу. Князь говорил:

– Царевна, мой род очень знатен. В этой книге вписано более ста поколений... – И князь очень долго читал в своей книге, а под конец сказал: – Ив эту книгу впишу жену мою! Будет она ходить по палатам моим, а кругом будут образы предков весьма знаменитых.

– Царевна, – говорил именитый воевода, – окрест громко и страшно имя мое. Спокойна будет жизнь жене моей, и поклонятся ей люди – им грозно имя мое.

– Царевна, – говорил залитый сокровищами заморский торговый гость, – жемчугом засыплю жену мою; пойдет она по изумрудному полю и в сладком покое уснет на золотом ложе.

Так говорили женихи, но певец молчал, и все посмотрели на него.

– Что же ты принесешь жене своей? – спросил певца царь.

– Веру в себя, – ответил певец.

Улыбнувшись, переглянулись женихи, изумленно вскинул глазами старый царь, а царевна спросила:

– Скажи, как понять твою веру в себя.

Певец отвечал:

– Царевна! Ты красива, и много я слышал об уме твоём, но где же дела твои? Нет их, ибо нет в тебе веры в себя. Выходи, царевна, замуж за князя древнего рода и каждый день читай в его алой книге имя свое и верь в алую книгу! Выходи же, царевна, замуж за именитого гостя торгового, засыпь палаты свои сверкающим золотом и верь в это золото! В покое спи на золотом ложе и верь в этот покой! Покоем, золотом, алыми книгами закрывайся, царевна, от самой себя! Моего имени нет в алой книге, не могу я засыпать эту палату золотом, и куда иду я – там не читают алой книги и золото там не ценно. И не знаю, куда иду я, и не знаю, где путь мой, и не знаю, куда приду я, и нет мне границ, ибо я верю в себя!..

– Подожди, – прервал певца царь, – но имеешь ли ты право верить в себя?

Певец же ничего не ответил и запел веселую песню; улыбнулся ей царь, радостно слушала ее царевна, и лица всех стали ясными. Тогда певец запел грустную песню; и примолкла палата, и на глазах царевны были слезы. Замолчал певец и сказал сказку; не о властном искусстве говорил он, а о том, как шли в жизнь разные люди, и пришлось им возвращаться назад, и кому было легко, а кому тяжело. И молчали все, и царь голову опустил.

– Я верю в себя, – сказал певец, и никто не смеялся над ним. – Я верю в себя, – продолжал

он, – и эта вера ведет меня вперед; и ничто не лежит на пути моем. Будет ли у меня золото, впишут ли имя мое в алых книгах, но поверю я не золоту и не книге, а лишь самому себе, и с этой верой умру я, и смерть мне будет легка.

– Но ты оторвешься от мира. Люди не простят тебе. Веря лишь в себя, одиноко пойдешь ты, и холодно будет идти тебе, ибо кто не за нас – тот против нас, – сурово сказал царь.

Но певец не ответил и снова запел песню. Пел он о ярком восходе; пел, как природа верит в себя и как он любит природу и живет ею. И разгладились брови царя, и улыбнулась царица, и сказал певец:

– Вижу я – не сочтут за врага меня люди, и не оторвусь я от мира, ибо пою я, а песня живет в мире, и мир живет песней; без песни не будет мира. Меня сочли бы врагом, если бы я уничтожил что-либо, но на земле ничто не подлежит уничтожению, и я создаю и не трогаю оплотов людских. Царь, человек, уместивший любовь ко всей природе, не найдет разве в себе любви – к человеку? Возлюбивший природу не отломит без нужды ветки куста и человека ли сметет он с пути?

И кивнула головой царица, а царь сказал:

– Не в себя веришь ты, а в песню свою.

Певец же ответил:

– Песня лишь часть меня; если поверю я в песню мою больше, чем в самого себя, тем разрушу я силу мою и не буду спокойно петь мои песни, и не будут, как теперь, слушать их люди, ибо тогда я буду петь для них, а не для себя. Все я делаю лишь для себя, а живу для людей. Я пою для себя, и пока буду петь для себя, дотолле будут слушать меня. Я верю в себя в песне моей; в песне моей – все для меня, песню же я пою для всех! В песне люблю лишь себя одного, песней же я всех люблю! Весь для всех, все для меня – все в одной песне. И я верю в себя и хочу смотреть на любовь. И как пою я лишь для себя, а песней моей живлю всех, – так пусть будет вовеки. Поведу жену в далекий путь. Пусть она верит в себя и верой этой дает счастье многим!

– Хочу веры в себя; хочу идти далеко; хочу с высокой горы смотреть на восход!.. – сказала царица.

И дивились все.

И шумел за окном ветер, и гнул деревья, и гнал на сухую землю дождевые тучи – он верил в себя.

Царь Соломон

До сих пор по просторам Азии летает царь Соломон на своем чудесном летательном приборе. Многие горы Азии увенчаны или развалинами, или камнем с отпечатками ступни великого царя, или отпечатками колен его, следами длительной молитвы. Это все так называемые троны Соломона. Великий царь прилетал на эти горы молиться. На эти высоты он уходил от тягот царствования для возношения Духа. Горы Соломона, тайники сокровищ Соломона, Премудрость Соломона, таинственная власть перстня Соломона, Соломонова печать с познанием света и тьмы – кому же другому столько удивления и почтения принесла Азия?

Самые таинственные предметы и образы связаны с именем Соломона. Самые оккультные из птиц считаются удодами, и эта птичка также связана легендой с царем Соломоном.

Охраняли удоды покой царя Соломона во время его великих трудов, и, вернувшись от трудов, царь спросил птичек, что они хотели бы получить в награду. Птички сказали: «Дай нам, царь, золотые короны твои, они так прекрасны, и мы не видели ничего более чудесного, как ты, когда надеваешь свою корону».

Царь улыбнулся и сказал: «Птички, но ведь тяжела корона моя, как же можете вы желать возложить на себя такое бремя!» Но птички продолжали просить о коронах, и царь велел своему златоковачу сделать маленькие короны по образцу царской, и эти короны были прикреплены на головы птичек. Но не успел пройти самый короткий срок, как птички снова слетелись к царю и устало поникли под золотыми коронами их головки.

Они просили: «Царь, освободи нас от корон. Прав Ты был, мудро предупреждая нас! Что мы можем знать, мы малые! Можем ли мы знать, что за блеском и очарованием скрывается тягота, – освободи нас, царь».

Царь сказал: «Видите, неразумные, к чему привело ваше стремление к бремени. Хорошо, будь по-вашему, будут сняты короны золотые, – но пусть вы носите всегда на себе воспоминание о неразумном стремлении вашем к короне. Отныне носите корону из перьев, она не отяготит вас, ибо она будет только короной того тайного царства, о котором вы знали, служа труду моему». И так птица удода – самая оккультная птица, которая знает многие тайны, носит корону из перьев. Если удода провожает караван или лодку, люди говорят – это к доброму пути; птица царя Соломона знает, что делает.

И другие животные служили царю. Мусульманин, пришедший в Кашмир с караваном через афганскую границу, знает, что Великому Соломону даже муравьи помогали строить храм. От великих джинов, духов воздуха и огня, до муравьев – все служило строению.

В неустанной молитве царь Соломон безостановочно управлял силами природы для создания чудесного храма. Когда истощились силы царя и он знал, что приблизилось время отхода в другой мир, он оставил завет джинам и без него докончить постройку. Но буйные стихийные духи дали ответ, что они повинуются лишь царю Соломону здесь, на земле, и без него они свободны от заклятия. И укрепился духом царь Соломон, и, опершись на посох, он остался в храме, призывая все силы к работе.

Тут же и отошел он, но тело его осталось неподвижным и непреклонным, чтобы не отлетели буйные джины. И никто из живущих и никто из джинов не знал, что ставший на молитву царь уже отошел. И страшились все подойти к неподвижному Владыке и напрягли все усилия довершить строение. И окончен храм, но Владыка недвижим. Кто же решился нарушить его устремление? Но самый меньший из сотрудников царя – муравей начал подтачивать царский посох, и, когда было переточено дерево, пало тело царя и все увидели, что дух его отошел, но остался Великий храм.

Но не заоблачный Владыка царь Соломон. Он сходит к народу и, подобно другим Владыкам Востока, изменив платье, мешается в толпах, чтобы знать все тайны жизни. Свой перстень с чудесным камнем, в котором была заложена основа мира, царь Соломон оставляет на хранение жене своей, царице Египта. Но хитер и искусен египетский жрец, прибывший с царицей. Он меняет голос и облик и под видом царя овладевает перстнем. А сам Владыка обречен на долгие годы скитания, пока снова истина не восстановлена. Так все необыкновенное, необычайное связывают народы Востока с царем Соломоном. Он восходил на горы – он спускался под землю, он встречал царей и исчезал в народных толпах. В старом царстве уйгуров, где теперь живут благоверные мусульмане, имя Соломона мешается и с царем Александром и с великим Акбаром. Иногда вы узнаете те же сказания, которые украшают и царя, и собирателя Индии.

«Кажется, то же самое говорят и про Акбара, названного Великим?»

Старый седобородый мусульманин в зеленой чалме, совершивший покаяние в Мекке, наклоняет голову: «Оба Владыки были мудры и велики. Когда видите две снеговые горы, как решитесь сказать их отличие? Они обе сверкают под одним солнцем, и приблизиться к ним обоим одинаково трудно. Кто же решился бы приписать одному Владыке то, что, может быть, принадлежит им обоим? Правда, Владыка Акбар не выходил за пределы Индии. Он укреплял ее, оставаясь внутри ее, и мы не знаем, которые джинны служили ему. О царе же Соломоне все знают, что он летал по всему свету и учился правде во всех странах, и даже он был на далеких звездах. Но кто же может снизу судить о двух снеговых вершинах? Мы даже надеваем темные очки, чтобы защитить наши слабые глаза от их блеска».

На горе Мориа сокровищница Соломона. Но не только во храмах мудрые Соломоновы знаки. По указаниям Библии открыл инженер Хаммон в Родезии богатейшие рудники Соломона. И Соломонова звезда сохранила для математиков ценнейшие соображения.

«И это пройдет!» Так ободрил мятущееся человечество царь Соломон. И вечна в красоте своей «Песнь Песней».

Гримр, викинг, сделался очень стар. В прежние годы он был лучшим вождем, и о нем знали даже в дальних странах. Но теперь викинг не выходит уже в море на своем быстроходном драконе. Уже десять лет не вынимал он своего меча. На стене висит длинный щит, кожей обитый, и орлиные крылья на шлеме покрыты паутиной и сырою пылью.

Гримр был знатный человек. Днем на высоком крыльце сидит викинг, творит правду и суд и мудрым оком смотрит на людские ссоры. А к ночи справляет викинг дружеский праздник. На дубовых столах стоит хорошее убранство. Дымятся яства из гусей, оленей, лебедей и другой разной снеди.

Гримр долгое темное время проводит с друзьями. Пришли к нему разные друзья. Пришел из Медвежьей Долины Олав Хаки с двумя сыновьями. Пришел Гаральд из рода Мингов от Мыса Камней. Пришел Эйрик, которого за рыжие волосы называют Красным. Пришли многие храбрые люди и пировали в доме викинга.

Гримр налил в ковш меду и подал его, чтобы все пили и каждый сказал бы свою лучшую волю. Все говорили разное. Богатые желали почета. Бедным хотелось быть богатыми. Те, которые были поглупее, просили жизни сначала, а мудрые заглядывали за рубеж смерти. Молодые хотели отличиться в бою, им было страшно, что жизнь пройдет в тишине без победы.

Гримр взял ковш самый последний, как и подобает хозяину, и хотел говорить, но задумался и долго смотрел вниз, а волосы белой шапкой легли на его лоб. Потом викинг сказал:

– Мне хочется иметь друга, хоть одного верного друга!

Тогда задвигались вокруг Гримра его гости, так что заскрипели столы, все стали наперерыв говорить:

– Гримр, – так говорил Олав, который пришел из Медвежьей Долины, – разве я не был тебе другом? Когда ты спешил спасти жизнь твою в изгнании, кто первый тебе протянул руку и просил короля вернуть тебя? Вспомни о друге!

С другой стороны старался заглянуть в глаза Гримра викинг Гарольд и говорил, а рукой грозил...

– Эй, слушай, Гримр! Когда враги сожгли усадьбу твою и унесли казну твою, у кого в то время жил ты? Кто с тобой строил новый дом для тебя? Вспомни о друге!

Рядом, как ворон, каркал очень старый Эйрик, прозвищем Красный:

– Гримр! В битве у Полунощной Горы кто держал щит над тобой? Кто вместо тебя принял удар? Вспомни о друге!

– Гримр! Кто спас от врагов жену твою? Вспомни о друге!

– Слушай, Гримр! Кто после несчастного боя при Тюленьем заливе первый пришел к тебе? Вспомни о друге!

– Гримр! Кто не поверил, когда враги на тебя клеветали? Вспомни! Вспомни!

– Гримр, ты сказал неразумное слово! Ты, уже седой и старый, много видал в жизни! Горько слышать, как забыл ты о друзьях, верных тебе даже во времена твоего горя и несчастий.

Гримр тогда встал и так начал:

– Хочу я сказать вам. Помню я все, что вы сделали мне; в этом свидетелями называю богов. Я люблю вас, но теперь вспомнилась мне одна моя очень старинная дума, и я сказал невозможное слово. Вы товарищи мои, вы друзья в несчастях моих, и за это я благодарю вас. Но скажу правду: в счастье не было у меня друзей. Не было их и вообще, их на земле не бывает. Я был очень редко счастливым; даже нетрудно вспомнить, при каких делах.

Был я счастлив после битв с датчанами, когда у Лебединога мыса мы потопили сто датских

ладей. Громко трубили рога; все мои дружинники запели священную песню и понесли меня на щите. Я был счастлив. И мне говорили все приятные слова, но сердца друзей молчали.

У меня не было друзей в счастье.

Был я счастлив, когда король позвал меня на охоту. Я убил двенадцать медведей и спас короля, когда лось хотел бодать его. Тогда король поцеловал меня и назвал меня лучшим мужем. Все мне говорили приятное, но не было приятно на сердце друзей.

Я не знаю в счастье друзей.

Ингерду, дочь Минга, все называли самой лучшей девою. Из-за нее бывали поединки, и от них умерло немало людей. А я женой привел ее в дом мой. Меня величали, и мне было хорошо, но слова друзей шли не от сердца.

Не верю, есть ли в счастье друзья.

В Гуле на вече Один послал мне полезное слово. Я сказал это слово народу, и меня считали спасителем, но и тут молчали сердца моих друзей.

При счастье никогда не бывает друзей.

Я не помню матери, а жена моя была в живых недолго. Не знаю, были ли они такими друзьями. Один раз мне пришлось увидеть такое. Женщина кормила бледного и бедного ребенка, а рядом сидел другой – здоровый, и ему тоже хотелось поесть. Я спросил женщину, почему она не обращает внимания на здорового ребенка, который был к тому же и пригож. Женщина мне ответила: «Я люблю обоих, но этот больной и несчастный».

Когда несчастье бывает, я, убогий, держусь за друзей. Но при счастье я стою один, как будто на высокой горе. Человек во время счастья бывает очень высоко, а наши сердца открыты только вниз. В моем несчастье вы, товарищи, жили для себя.

Еще скажу я, что мои слова были невозможными, и в счастье нет друга, иначе он не будет человеком.

Все наши слова викинга Гримра странными, и многие ему не поверили.

Таково предание о Чингиз-хане, вожде Темучине.

Родила Чингиз-хана
 нелюбимая ханша.

Стал Чингиз-хан немилым
 сыном отцу.

Отец отослал его в дальнюю вотчину.
Собрал к себе Чингиз
 других нелюбимых.

Глупо стал жить Чингиз-хан.
Брал оружие и невольниц,
 выезжал на охоту.

Не давал Чингиз о себе вестей.
Вот будто упился Чингиз кумысом
И побился с друзьями
 на смертный заклад,

Что никто от него не отстанет!
Тогда сделал стрелку-свистунку
 Чингиз.

Слугам сказал привести коней.
Конными поехали все его люди.
Начал дело свое Чингиз-хан.

Вот Чингиз выехал в степь,
Подъезжает хан к табунам своим.
Неожиданно пускает свистунку
 Чингиз.

Пускает в лучшего коня
 десятиверстного.

А конь для татар – сокровище.
Иные убоялись застрелить коня.
Им отрубили головы.

Опять едет в степь Чингиз-хан.
И вдруг пускает свистунку
 в ханшу свою.

И не все пустили за ним свои стрелы.
Тем, кто убоялся, сейчас сняли головы.
Начали друзья бояться Чингиза,
Но связал он их всех
 смертным закладом.

Молодец был Чингиз-хан!

Подъезжает Чингиз к табунам отца.

Пускает свистунку в отцовского коня.
Все друзья пустили стрелы туда же.
Так приготовил к делу друзей,
Испытал Чингиз преданных людей.
Не любили, но стали бояться Чингиза.
Такой он был молодец!

Вдруг большое начал Чингиз.
Он поехал к ставке отца своего
И пустил свистунку в отца.
Все друзья Чингиза пустили
 стрелы туда же.
Убил старого хана целый народ!
Стал Чингиз ханом
 над Большой Ордой!
Вот молодец был Чингиз-хан!
Сердились на Чингиза
 Соседние Дома.
Над молодым Соседние Дома
 возгордились.
Посылают сердитого гонца:
Отдать им все табуны лучших коней,
Отдать им украшенное оружие,
Отдать им все сокровища ханские!
Поклонился Чингиз-хан гонцу.

Созвал Чингиз своих людей на совет.
Стали шуметь советники;
Требуют: «Идти войной
 на Соседний Дом».
Отослал Чингиз таких советников.
Сказал: «Нельзя воевать
 из-за коней» —
И послал все ханам соседним.
Такой был хитрый Чингиз-хан.

Совсем загордились ханы
 Соседнего Дома.
Требуют: «Прислать им всех
ханских жен».
Зашумели советники Чингиз-хана,
Жалели жен ханских
 и грозили войною.
И опять отослал Чингиз советников.
И отправил Соседнему Дому
 всех своих жен.
Такой был хитрый Чингиз-хан.

Стали безмерно гордиться
 ханы Соседнего Дома.
Звали людей Чингизовых трусами,
Обидно поносили они
 ордынцев Большой Орды,
И, в гордости, убрали ханы
 стражу с границы.
И забавлялись ханы
 с новыми женами.
И гонялись ханы на чужих конях.
И злоба росла в Большой Орде.

Вдруг ночью встал Чингиз-хан.
Велит всей орде идти за ним на конях.
Вдруг нападает Чингиз
 на ханов Соседнего Дома.
Полонил всю их орду.
Отбирает сокровища,
 и коней, и оружие.
Отбирает назад всех своих жен,
Многих даже нетронутых.

Славили победу Чингиза советники.
И сказал Чингиз старшему
 сыну Откаю:
«Сумей сделать людей гордыми.
И гордость их сделает глупыми.
И тогда ты возьмешь их».
Славили хана по всей Большой Орде;
Молодец был Чингиз-хан!

Положил Чингиз-хан Орде
 вечный устав:
«Завидующему о жене —
 отрубить голову.
Говорящему хулу — отрубить голову.
Отнимающему имущество —
 отрубить голову.
Убившему мирного —
 отрубить голову.
Ушедшему к врагам —
 отрубить голову».
Положил Чингиз каждому наказание.

Скоро имя Чингиза
 езде возвеличилось.

Боялись Чингиза все князья.
Как никогда богатела Большая Орда.
Завели ордынцы себе много жен.
В шелковые одежды оделись.
Стали сладко есть и пить.
Всегда молодец был Чингиз-хан.
Далеко видит Чингиз-хан.
Приказал друзьям:
 разорвать шелковую ткань,
Прикинуться больными
 от сладкой еды.
Пусть народ по-старому пьет молоко.
Пусть носят одежду из кож,
Чтоб Большая Орда не разнежилась.
У нас молодец был Чингиз-хан!

Всегда готова к бою была
 Большая Орда,
И Чингиз нежданно водил
 орду в степь.
Покорил все степи Таурменские.
Взял все пустыни Монгкульские.
Покорил весь Китай и Тибет.
Овладел землей от Красного моря
 до Каспия.
Вот был Чингиз-хан-Темучин!

Попленил Ясов, Обезов и Половцев,
Торков, Косогов, Хозаров,
Аланов, Ятвягов разбил и прогнал.
Тридцать народов, тридцать князей
Обложил Чингиз данью и податью.
Громил землю русскую,
 угрожал кесарю.
Темучин-Чингиз-хан
 такой молодец был.

Марфа-посадница

По Мете, красивой, стоят городища. На Тверской стороне во Млеве был монастырь. Слышно, в нем скрывалась посадница Марфа. В нем жила четырнадцать лет. В нем и кончилась. Есть могила Марфы во Млеве. Тайно ее там схоронили. Уложили в цветной кафельный склеп. Прятали от врагов. Так считают. Уже сто лет думают так, и склеп не открыт до сих пор.

Чудеса творятся у могилы Марфы. С разных концов Новгородской земли туда идет народ. Со всеми болезнями, со всеми печальями. И помогает Марфа.

Является посадница в черной одежде с белым платком на голове. Во сне является недугующим и посылает на могилу свою. Идут. Молятся. И выздоравливают.

Марфа-заступница! Марфа – помощница всем новгородцам! Лукавым, не исполнившим обещания, Марфа мстит. Насылает печаль еще горшую.

В старую книгу при млевской церкви иереи вписали длинный ряд чудес Марфы. Простодушно вписали вместе с известиями об урожаях, падежах, непогодах.

С Тверской стороны не являются на могилу Марфы. Обаяние ее туда не проходит. К посаднице идут только от новгородских пятин. Идут, почему, не знают. Служат молебны. Таинственный атавизм ведет новгородцев ко млевской могиле.

Когда речь идет о национализме искусства, вспоминаю этот путь новгородцев. Мы мало различаем чванный пестрый национализм от мистики атавизма. Пустую оболочку – от внутренних нитей. Мешаются часто последовательности, племенная и родовая.

Уже не смеемся, а только не доверяем перевоплощению. С недоумением подбираем «странные» случаи. Иногда страшимся их. Уже не бросаем их в кучу, огулом. То, что четверть века назад было только смешно, теперь наполняется особым значением.

Новые границы проводятся в искусстве. Пестрый маскарад зипуна и мурمولки далеко отделяет от красот старины в верном их смысле. Привязные бороды остаются на крюках балагана.

Перед истинным знанием отпадут грубые предрассудки. Новые глубины откроются для искусства и знания. Именно атавизм подскажет, как нужно любить то, что прекрасно для всех и всегда. Чарами атавизма открывается нам лучшее из прошлого.

Заплаты бедности, нашивки шутовские нужно суметь снять. Надо суметь открыть в полном виде трогательный облик человеческих душ. Эти образы смутно являются во сне – вехи этих путей наяву трудно открыть.

Время строить сущность земли. Под землю не спрятать того, что нужно народу. Незнаемый никем склеп Новгород помнит. Славит хозяйку. Тайком служит молебен.

Марфа, сильная духом, нам помоги.

В одной старинной итальянской рукописи – кажется, пятнадцатого столетия – начальные страницы и все украшения книги были вырваны благородною рукою любителя библиотек, – простодушно рассказывается о том, как пришел ученик к учителю-живописцу Сано ди Пиетро за советом о своей картине.

Учитель трудился над спешной работой и не мог прийти на зов ученика, начавшего самостоятельно картину «Поклонение волхвов» для небольшой сельской церкви Сиеннского округа.

Учитель сказал:

– Мой милый, я дал слово настоятелю Монтефалько не покидать своего дома, пока не закончу заказанное им «Коронование Пресвятой Девы». Но скажи, в чем сомнения твои. Я боюсь, не слишком ли долго проработал ты у меня, – что теряешься теперь перед своей работой.

– Почтенный учитель, – сказал ученик, – картина моя сложна, и трудно мне сочетать отдельные части ее. Как лучше писать темную оливковую рошу на красноватом утесе вдали? Видны ли там стволы деревьев и насколько отчетлив рисунок листвы?

– Мой милый, пиши так, как нужно тебе.

– Плащ Богородицы полон золотого рисунка. Лучше ли перебить его мелкими складками или навести рисунок в больших плоскостях?

– Сделай его так, как нужно тебе.

– Почтенный учитель, ты слишком занят превосходной работой своей, я лучше помолчу до времени ближайшего отдыха.

– Мой милый, я не думаю отдыхать скоро, а тебе нельзя терять время, если в картине твоей так много неоконченного. Я все слышу и отвечаю тебе, хотя и с некоторым удивлением.

– Головы воинов, сопровождающих царей, многочисленны; найти ли для них общую линию или дать каждую голову и из частей получить абрис толпы?

– Просто так, как тебе нужно.

– Я сделал кусты на дальних полях и полосами струи реки, но захотелось дать их отчетливо, как только иногда видит свежий глаз. Захотелось в воде увидеть волны и челнок на них и даже весло в руках гребца. Но ведь это вдали?

– Нет ничего проще: сделай так, как нужно.

– Учитель, мне делается страшно. Может быть, все-таки скажешь мне, стоит ли короны царей сделать выпуклыми или только для венцов оставить накладное золото?

– Положи золото там, где нужно.

– Мне приходит в мысль, не сделать ли на ягнях волокна шерсти. Положим, они почти не видны, но вспомни, какие шелковистые, мягкие пряди лежат на ягнях, так и хочется сделать их тонкой кистью, но в общей картине они почти не видны.

– Делай их так, как нужно.

– Учитель, я не вижу в ответах твоих совета моему делу. Я знаю, что все должно быть так, как нужно, но как нужно – затемнилось у меня сейчас.

– Скажи, ставил ли тебе какие-нибудь условия работы отец Джиованни?

– Кроме срока, никаких условий. Он сказал: «Бенвенуто, напиши хорошее изображение «Поклонение трех волхвов Пресвятому Младенцу», и я заплачу тебе десять дукатов из монастырских сумм». Потом назначил срок работы и размеры доски. Но во время работы являлись мне разные мысли от желания сделать лучшее изображение. И к тебе, учитель, по-прежнему обратился я за добрым советом. Скажи, что же значит, «как нужно»?

– Как нужно – значит, все должно быть так, как хорошо.

– Но как же так, как хорошо?

– Несчастный непонятливый Бенвенуто, о чем мы всегда с тобой говорили? Какое слово часто повторял я тебе? Так, как хорошо, может значить лишь одно – так, как красиво.

– А красиво?

– Бенвенуто, выйди за двери и иди к сапожнику Габакуку и скажи: возьми меня мять кожи, я не знаю, что такое «красиво». А ко мне не ходи и лучше не трогай работы своей.

После этой истории в рукописи идет сообщение о рецептах варки оливкового масла и об употреблении косточек оливы. Затем еще рассказ о пизанском гражданине Чирилли Кода, погребенном заживо. Но два последних рассказа для нас интереса не представляют.

Великий ключарь

Вот почему ночью летают светлые мушки.

Грешные души от земли хотели подняться. Хотели найти ворота райские и воззвали души к великому ключарю, апостолу:

– Отец ключарь! Хотим идти к воротам твоим! Темно нам, пути не найти!

Ответил сверху апостол:

– Вижу вас, жалкие! Вижу вас, темные! Вот стою я. Светлы ворота мои, это вы, темные, идете во мраке.

Плакались души внизу:

– Отец ключарь! Петр-апостол! Света нет у нас. Темны пути наши. Дай нам светочи, с ними увидим тебя. Пустынно в полях, и холодны камни.

– Неразумные! Чего к земле приникаете? Оставьте пути темные. Идите путями верхними.

– Света, света дай нам. Хоть одну искру дай нам. Темно, и не знаем мы, где идти нам наверх.

И сказал последнее апостол:

– Малые, малейшие, не знаете, что затемнило путь ваш. Дам вам светочи; светите себе, но нет темной дороги в светлые страны. Просите светоча, но светоч не есть свет.

Так дал великий ключарь светочи грешным душам, и ночью видят их даже люди.

И летают быстро, идут в ворота Рая грешные души. И летают вечно, и есть у них светочи.

Заглянул великан под облако.
Летит нырь.
Крикнул великан:
«Видишь до воды?» —
«Вижу-у», – ответ дает.
«Скажи братанам:
«Тону-у, тону-у!» Летит нырь далеко.
Кличет нырь звонко:
«Тону-у, тону-у!»
Не знает нырь,
Что кричит про беду.
Не беда нырю на озере.
Озеро доброе.
Худо нырю от лесов,
От полей.
Братаны гогочут,
Ныря не слышат.
Лося в трясине загнали.
Пришли братаны,
А Лют утонул.
Сложили могилу длинную,
А для собаки круглую.
Извелась с тоски Лютова сестра
За озером.
Покидали великаны горшки
В озеро.
Схоронили топоры под кореньями.
Бросили жить великаны в нашем
Краю.
Живет нырь на озере
Издавна.
Птица глупая. Птица
Вещая.
Перепутал нырь клики
Великановы.
На ведро кричит:
«Тону-у, тону-у!»
Будто тонет, хлопает
Крыльями.
Под ненастье гогочет:
«Го-го, Го-го».
Над водою летит, кричит:
«Вижу-у!»
Знает народ Люто озеро,
Знает могилы длинные,
Длинные могилы великановы.
А длина могилам – тридцать

саженей.

Помнят великанов плесы озерные.

Знают великанов пеня дубовые.

Великаны снесли камни на могилы.

Как ушли великаны, помнит народ.

Повелось исстари так,

Говорю: было так.

Девассари Абунту

Так поют про Девассари Абунту.

Знала Абунту, что сказал Будда про женщин Ананде, и уходила она от мужей, а тем самым и от жен, ибо где мужи, там и жены. И ходила Абунту по долинам Рамны и Сокки и в темноте только приходила в храм. И даже жрецы мало видели и знали ее. Так не искушала Абунту слов Будды.

И вот сделалось землетрясение. Все люди побежали, а жрецы наговорили, что боги разгневались. И запрятались все в погребках и пещерах, и стало землетрясение еще сильнее, и все были задавлены. И правда, удары в земле были ужасны. Горы тряслись. Стены построек сыпались и даже самые крепкие развалились. Деревья поломались, и, чего больше, реки побежали по новым местам.

Одна только Девассари Абунту осталась в доме и не боялась того, что должно быть. Она знала, что вечному Богу гнев недоступен, и все должно быть так, как оно есть. И осталась Девассари Абунту на пустом месте, без людей.

Люди не пришли больше в те места. Звери не все вернулись. Одни птицы прилетели к старым гнездам. Научилась понимать птиц Девассари Абунту. И ушла она в тех же нарядах, как вышла в долину, без времени, не зная места, где живет она. Утром к старому храму собирались к ней птицы и говорили ей разное: про умерших людей, части которых носились в воздухе. И знала Абунту многое интересное, заверенное смертью, неизвестное людьми.

Если солнце светило очень жарко, летали над Девассари белые павы, и хвосты их сверкали, и бросали тень, и трепетаньем нагоняли прохладу. Страшные другим, грифы и целебесы ночью сидели вокруг спящей и хранили ее. Золотые фазаны несли лесные плоды и вкусные корни. Только не знаем, а служили Абунту и другие птицы – все птицы.

И Девассари Абунту не нуждалась в людях. Все было ей вместо людей: и птицы, и камни, и травы, и все части жизни. Одна она не была. И вот слушайте изумительное: Абунту не изменилась телом, и нрав ее оставался все тот же. В ней гнева не было; она жила и не разрушалась.

Только утром рано прилетели к Девассари лучшие птицы и сказали ей, что уже довольно жила она и время теперь умереть. И пошла Абунту искать камень смерти. И вот приходит в пустыню, и лежат на ней многие камни, темные. И ходила между ними Абунту, и просила их принять ее тело. И поклонилась до земли. И так осталась в поклоне, и сделалась камнем.

Стоит в пустыне черный камень, полный синего огня. И никто не знает про Девассари Абунту.

Лакшми-победительница

На восток от горы Зент-Лхамо, в светлом саду живет благая Лакшми, богиня Счастья. В вечной работе она украшает свои семь покрывал успокоения – это знают все люди. Все они чтут богиню Лакшми.

Боятся все люди сестру ее Сиву Тандаву, богиню Разрушения. Она злая и страшная, и гибельная.

Но вот идет из-за гор Сива Тандава. Злая пожаловала прямо к жилищу Лакшми. Тихо подошла злая богиня и, усмирив голос свой, позвала Лакшми.

Отложила благая Лакшми свои драгоценные покрывала и пошла на зов. А за нею идут светлые девушки с полными грудями и круглыми бедрами.

Идет Лакшми, открыв тело свое. Глаза у нее очень большие. Волосы очень темные. Запястья на Лакшми золотые. Ожерелье – из жемчуга. Ногти янтарного цвета. Вокруг грудей и плеч, а также на чреве и вниз до ступней разлиты ароматы из особенных трав.

Лакшми и ее девушки были так чисто умыты, как после грозы изваяния храма Абенты.

Все доброе ужаснулось при виде злой Сивы Тандавы. Так ужасна была она даже в смиренном виде своем. Из песьей пасти торчали клыки. Тело было так красно и так бесстыдно обросло волосами, что непристойно было смотреть.

Даже запястья из горячих рубинов не могли украсить Сиву Тандаву; ох, даже думают, что она была и мужчиной.

Злая сказала:

– Слава тебе, Лакшми, добрая, родня моя! Много ты натворила счастья и благоденствия. Даже слишком много прилежно ты наработала. Ты настроила города и башни. Ты украсила золотом храмы. Ты расцветила землю садами. Ты – любящая красоту!

Ты сделала богатых и дающих. Ты сделала бедных, но получающих и тому радующихся. Ты устроила мирную торговлю. Ты устроила между людьми все добрые связи. Ты придумала радостные людям отличия. Ты наполнила души людей приятным сознанием и гордостью. Ты – щедрая.

Девушки твои мягки и сладки. Юноши – крепки и стремительны. Радостно люди творят себе подобных. Забывают люди о разрушении. Ошва тебе!

Спокойно глядишь ты на людские шествия, и мало что осталось делать тебе. Боюсь, без труда и заботы утучнеет тело твое, и на нем умрут драгоценные жемчуга. Покроется жиром лицо твое, а прекрасные глаза твои станут коровьими.

Забудут тогда люди принести приятные тебе жертвы. И не найдешь больше для себя отличных работниц. И смешаются все священные узоры твои.

Вот я о тебе озаботилась, Лакшми, родня моя! Я придумала тебе дело. Мы ведь с тобой близки, и тягостно мне долгое разрушение временем. А ну-ка, давай разрушим все людское строение. Давай разобьем все людские радости. Изгоним все накопленные людьми устройства.

Разорви твои семь покрывал успокоения, и возрадуюсь я и сразу сотворю все дела мои. И ты возгордишься потом, полная заботы и дела, и вновь спрядешь еще лучшие свои покрывала.

Опять с благодарностью примут люди все дары твои. Ты придумаешь для людей столько новых забот и маленьких умыслов, что даже самый глупый почувствует себя умным и значительным. Уже вижу радостные слезы людей, тебе принесенные...

Подумай, Лакшми, родня моя! Мысли мои очень полезны тебе, и мне, сестре твоей, они радостны!

Очень хитрая Сива Тандава! Только подумайте, что за выдумки пришли в ее голову.

Но Лакшми рукой отвергла злобную выдумку Сивы Тандавы. Тогда опять приступила злая богиня, уже потрясая руками и клыками лязгая.

Все предложения Сивы Тандавы отвергла Лакшми и сказала:

– Не разорву для твоей радости и для горя людей мои покрывала. Тонкою пряжею успокою людской род. Соберу от всех знатных очагов отличных работниц. Вышью на покрывалах новые знаки, самые красивые, самые богатые, самые зачатые. И в этих знаках, в образах лучших животных и птиц, пошлю к очагам людей добрые мои зачатия.

Так решила Лакшми. Из светлого сада ушла Сива Тандава ни с чем. Радуйтесь, люди!

Безумствуя, ждет теперь Сива Тандава долгого разрушения временем. В безмерном гневе иногда потрясает она землю, и тогда погибают толпы народов. Но успевают всегда Лакшми набросить свои покрывала покоя, и на телах погибших опять собираются люди. Сходятся в маленьких, торжественных шествиях.

Добрая Лакшми украшает свои покрывала новыми священными знаками.

Из темной кладовки вышел черный человек и прошел на дворовую лестницу. Шел быстро, точно скрывался. Шел какими-то неслышными шагами.

Как он зашел в кладовку? Зачем там был? Куда ушел? Почему шел неслышно?

Не узнать. Не придумать.

В людской зазвонил комнатный звонок. Звонил долго и сильно. А никто не звонил; никто никого не звал.

Почему звонок сам звонил? Никак не узнать.

В комнате тетушки Анны Ивановны завертелась дверная ручка. Завертелась сильно. Несколько раз перевернулась. А никто до нее не дотронулся.

Зачем ручка крутилась, что это значит?

Странно и непонятно.

В столовой в один день прошли семь мышей.

Никогда такого не бывало, а тут сразу семь.

Откуда пришли? Зачем вылезли? Непонятно, но неспроста.

Кухарка вечером вернулась домой в большом страхе. Туман стоял. Шла она по Длинному переулку, а навстречу ей идет белая лошадь. Идет из тумана одна, без человека. Идет, тихо ступает. Шума никакого не слышно. Так и прошла. Ушла в туман.

Откуда – неведомо. Куда – неизвестно. Страшно вспомнить.

Поздно вечером случилось самое страшное: лопнула картина на доске. Висела, висела себе тихо и вдруг с большим треском лопнула прямо через лицо святого Иеронима.

Почему именно вечером лопнула? Это уже совсем плохо.

Весь канун сочельника наполнился непонятными и странными делами. Не только нам, но и прислуге, и всем большим стало ясно, что случится страшное что-то. Даже тетушка Анна Ивановна сказала:

– Не к добру!

В буфетной горничная Даша шептала Анисье Петровне, экономке:

– Дурной шалит! Дай-ка позову доброго – тот мигом все утишит.

Но Анисья Петровна предупредила:

– Не зови! Не поминай! Позвать-то легко, а поди потом убери его. Так-то бывало позовешь, придет легко, по первому голосу, а потом уйти не уходит. На уход надо знать тоже крепкое слово.

Кто он, дурной? Кто он, добрый? Почему кто-то пришедший не уйдет?

Все это было особенно; все это было чудесно.

Говорили мы тихо. Шептали все новые догадки. Новые причины придумывали. Одна другой несбыточней, одна другой красивей.

Все ужасающие возможности были сказаны. Новый звонок, стук или голос наполняли нас трепетом жутким и небывалым.

Садились мы близко друг к другу. Верили, любили и трепетали.

А в постелях, пока не уснули, стало и совсем страшно. И двери в темную комнату стали как-то приотворяться. И пол скрипел под невидимым шагом. И прохладным вихрем тянуло откуда-то. У порога стояло настоящее.

Утром все побледнело. А дядя Миша пришел и стер огневое вечернее слово. Все объяснилось.

Черный человек оказался новым слесарем и ходил неслышно в калошах. Оказалось, кот

улегся на кнопку звонка. В дверной ручке испортилась старая пружина. Белая лошадь ушла с каретного двора, и ее скоро поймали. А мыши пришли снизу после отъезда кондитера.

За трещину в картине дядя Миша очень сердился и говорил, что уже три года просил на паркет переложить картину, иначе она должна была расколоться. За небрежность к картине дядя Миша даже нашумел.

От страхов ничего не осталось. Не пришли ни дурной, ни добрый. Все стало обычным и мирным, и скучным.

После того у нас никогда ничего не бывало. Даже сны прекратились. Знаков особенных нет ни на чем.

Знамений ждем! Знамений просим!

Замки печали

Идете по замку. Высокая зала. Длинные отсветы окон. Темные скамьи. Кресла.

Здесь судили и осуждали.

Еще зала, большая. Камин в величину быка. Колонны резные из дуба.

Здесь собирались. Решались судить.

Длинные переходы. Низкие дверки в железных заплатах. Высокий порог.

Здесь вели заподозренных.

Комната в одно окно. Посередине столб. На столбе железные кольца и темные знаки.

Здесь пытали огнем.

Высокая башня. Узкие окна. Узкая дверка. Своды.

Здесь смотрели врага.

Помещение для караула. Две старые пушки. Горка ядер. Пять алебард. Ободок барабана.

Сюда драбанты кого-то тащили убить.

Ступеньки вниз. На колоннах своды. У пола железные кольца.

Здесь были осужденные.

Подвал. Перекладина в своде. Дверка на озеро. Большой плоский камень.

Последняя постель обреченных.

Двор у ворот. Камни в стенах. Камни на мостовой. В середине столб с кольцом.

Кольцо для шеи презренного.

Молельня. Темный, резной хор. Покорные звери на ручках кресел.

Здесь молились перед допросом.

Тесная ниша. Длинное окошко в залу совета. Невидимое око, тайное ухо.

Здесь узнавали врагов.

Исповедальня. Черный дуб. Красная с золотом тафтяная завеса.

Через нее о грехе говорили.

Малая комната. Две ступени к окну. Окно на озеро. Темный дорожный ларец. Ларец графини.

Около него не слышно слова печали.

Не в нем ли остались искры радости или усмешка веселья?

Или и в нем везли горе?

Все, что не говорит о печали, слезы выели из серого замка.

Проходила ли радость по замку?

Были в нем веселые трубы. Было твердое слово чести. Было познание брака.

Все это унесло время.

Долго стоят по вершинам пустые серые замки.

И время хранит их смысл.

Что оставит время от наших дней? Проникнуть не можем. Не знаем.

Если бы знали, может быть, убоялись.

Перед войной сны были:

Едем полем. За бугром тучи встают. Гроза. Сквозь тучу стремглав молнией в землю уперся огненный змей. Многоглавый.

Или: Едем серую равниною. Холм высокий темнеет. Смотрим, не холм, а змей серый клубком завился.

Еще задолго были заклятия. Заклинали землей и водой лихих. Заклинали кривду. Заклинали и зверем и птицею. Заклинали землей и водой. Не помогло. Выползли гады.

Потом были знамения. Не усмотрели их. Не поверили. Не додумались. Толпой топтали.

И проснулся змей. Поднялся враг рода человеческого. Пытался злословно мир покорить. Города порушить. Осквернить храмы. Испепелить людей и строения. Поднялся себе на смерть.

Были заклятия. Были знамения. Остались сны. Сны, которые сбываются. Лег ночь переспать.

Думал: увижу волхвов великих. Хотел посмотреть, что у них в тороках увязано. Какою они едут дорогою. Чтобы показали, куда и откуда.

Но не показали волхвы. Верно, рано еще. Не выехали.

Показались двое других.

Один – средовек, в старой синей рубахе. В кафтане темном, тоже ветхом. Волосы длинноватые. В деснице – три кочерги. Держит их концами вверх. Замечайте – вверх!

Прокопий праведный – тот, что увел тучу каменную от Устюга Великого. Тот, что за неведомых молился.

А другой – белый и старый, с мечом и со градом.

Конечно, Никола-святитель!

Вместо волхвов со звездою эти пришли.

Прокопий говорит:

«Не удаляйтесь Земли. Земля красная злом раскаленная. Но жар зла питает корни Древа, а на нем свивает Добро преблагое гнездо свое. Принимайте труд на земле. Восходите к океану небесному, нам темному.

Берегите благое Древо: на нем Добро живет. Земля есть источник горя, но из горя вырастают радости. Высший всех знает время радостей ваших.

Не удаляйтесь Земли. Посидим, о дальних странствующих подумаем».

Другой, седоватый, меч поднял: а к нему люди продвинулись. Много их выступило:

Никола милостивый! Ты – чудотворец! Ты – могучий! Ты – святитель! Ты – воинствующий!

Ты – сердца побеждающий! Ты – водитель мыслей истинных! Силы земные ты знающий!

Ты – меч хранящий! Ты – городам заступник! Ты – правду зрящий! Слышишь, владыко, моления?

Злые силы на нас ополчились. Защити, владыко, пречистый град! Пречистый град – врагам озлобление!

Прими, владыко, прекрасный град! Подвигай, отче, священный меч! Подвигни, отче, все воинство!

Чудотворец! Яви грозный лик! Укрой грады святым мечом! Ты можешь! Тебе сила дана!

Мы стоим без страха и трепета.

Царица Небесная

(Стенопись храма Св. Духа в Талашкине)

Высоко проходит небесный путь. Протекает река жизни опасная. Берегами каменистыми гибнут путники неумелые, не знающие различить, где добро, где зло.

Милосердная Владычица Небесная о путниках темных возмыслила. Всеблагая на трудных путях на помощь идет. Ясным покровом хочет покрыть людское все горе, греховное.

Из светлого града. Из красной всех ангельских сил обители Преплагая воздымается. К берегу реки жизни Всесвятая приближается. Собирает святых кормчих Владычица, за людской род возносит моления.

Трудам Царицы ангелы изумляются. Из твердыни потрясенные сонмы поднимаются. Красные, прекрасные силы в подвиге великом утверждают. Трудным гласом Владычице славу поют. Из-за твердых стен поднялись Архангелы. Херувимы, серафимы окружают Богородицу. Власти, Престолы, Господствия толпами устремляются. Приблизилась Начала, тайну образующие.

Духу Святому, Господу Великому передаст Владычица моления. О малых путников вразумлении, о Божьих путей посещении, о спасении, заступлении, всепрощении. Поддай, Господи, Великий Дух.

Подымается к тебе мольба великая. Богородицы моление пречистое. Вознесем Заступнице благодарение. Возвеличим и мы Матерь Господа: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь».

Миф Атлантиды

Атлантида – зеркало солнца. Не знали прекрасней страны. Вавилон и Египет дивились богатству атлантов. В городах Атлантиды, крепких зеленым нефритом и черным базальтом, светились, как жар, палаты и храмы. Владыки, жрецы и мужи в золототканых одеждах, сверкали в драгоценных камнях. Светлые ткани, браслеты, и кольца, и серьги, и ожерелья жен украшали, но лучше камней были лица открытые.

Чужестранцы плыли к атлантам. Мудрость их охотно все славил. Преклонялись перед владыкой страны.

Но случилось предсказание оракула. Священный корабль атлантам привез великое вещее слово:

– Встанут волны горою. Море покроеет страну Атлантиду. За отвергнутую любовь море отомстит.

С того дня не отвергали любовь в Атлантиде. С любовью и лаской встречали плывущих. Радостно улыбались друг другу атланты. И улыбка владыки отражалась в драгоценных, блестящих стенах дворцовых палат. И рука тянулась навстречу с приветом, и слезы в народе сменялись тихой улыбкой. И забывал народ власть ненавидеть. И власть забывала кованый меч и доспех.

Но мальчик, сын владыки, особенно всех удивлял. Само солнце, сами боги моря, казалось, послали его на спасенье великой страны.

Вот он был добр! И приветлив! И заботлив о всех! Были братья ему великий и малый. Для каждого жило в нем доброе слово. Про каждого помнил он его лучший поступок. Ни одной ошибки он точно не помнил. Гнев и грубость увидеть он точно не мог. И перед ним укрывалось все злое, и недавним злодеям хотелось стать навсегда добрыми, так же, как он.

За ним шел толпой народ. Взгляд его всюду встречал лишь лица, полные радости, ждущие улыбку его и доброе, мудрое слово. Вот уж был мальчик! И когда почил в этой жизни владыка-отец и отрок, туманный тихой грустью, вышел к народу, все, как безумцы, забыли про смерть и гимн хвалебный запели владыке желанному.

И ярче цвела Атлантида. А египтяне называли ее страной любви.

Долгие тихие годы правил светлый владыка. И лучи его счастья светили народу. Вместо храма народ стремился к владыке. Пел: «Он нас любит. Без него мы – ничто. Он – наш луч, наше солнце, наше тепло, наши глаза, наша улыбка. Слава тебе, наш любимый!» В трепете восторга народа дошел владыка до последнего дня. И начался день последний, и бессильный лежал владыка, и закрылись глаза его.

Как один человек встали атланты, и морем сплошным залили толпы ступени палат. Отнесли врачей и постельничих. К смертному ложу приникли и, плача, вопили: «Владыко, взгляни! Подари нам хоть взгляд твой. Мы пришли тебя отстоять. Пусть наше, атлантов, желанье тебя укрепит. Посмотри – вся Атлантида собралась к дворцу твоему. Тесной стеной мы встали от дворца и до моря, от дворца до утесов. Мы, желанный, пришли тебя удержать. Мы не дадим тебя увести, всех нас покинуть. Мы все, вся страна, все мужи и жены и дети. Владыко, взгляни!»

Рукой поманил владыка жреца и хотел сказать последнюю волю, и всех просил выйти хоть на короткое время.

Но атланты остались. Сплотились, в ступени постели вросли. Застыли и немые и глухие. Не ушли.

Тогда приподнялся на ложе владыка и, обратя к народу свой взгляд, просил оставить его одного и позволить ему сказать жрецу последнюю волю. Владыка просил. И еще раз напрасно

владыка просил. И еще раз они были глухи. Они не ушли. И вот случилось тогда. Поднялся владыка на ложе и рукой хотел всех отодвинуть. Но молчала толпа и ловила взгляд любимый владыки.

Тогда владыка сказал:

– Вы не ушли? Вы не хотите уйти? Вы еще здесь? Сейчас я узнал. Ну, я скажу. Скажу одно слово мое. Я вас ненавижу. Отвергаю вашу любовь. Вы отняли все от меня. Вы взяли смех детства. Вы ликовали, когда ради вас остался я одиноким. Тишину зрелых лет вы наполнили шумом и криком. Вы презрели смертное ложе...

Ваше счастье и вашу боль только я знал. Лишь ваши речи ветер мне доносил. Вы отняли солнце мое! Солнца я не видал; только тени ваши я видел. Дали, синие дали! К ним вы меня не пустили... Мне не вернуться к священной зелени леса... По травам душистым уже не ходить... На горный хребет мне уже не подняться... Излучины рек и зеленых лугов уже мне не видеть... По волнам уже не носиться... Глазом уже не лететь за кречетом быстрым... В звезды уже не глядеться... Вы победили... Голоса ночные слышать я больше не мог... Веления Бога стали мне уже недоступны... А я ведь мог их узнать... Я мог почуять свет, солнце и волю... Вы победили... Вы все от меня заслонили... Вы отняли все от меня... Я вас ненавижу... Вашу любовь я отверг...

Упал владыка на ложе. И встало море высокой стеной и скрыло страну Атлантиду.

Стояли дубы. Краснели рудовые сосны. Под ними в заросших буграх тлели старые кости. Желтели, блестели цветы. В овраге зеленела трава. Закатилось солнце.

На поляну вышел журавль и прогорланил:

– Берегись, берегись! – И ушел за опушку.

Наверху зашумел ворон:

– Конец, конец.

Дрозд на осине орал:

– Страшно, страшно.

И иволга просвистела:

– Бедный, бедный.

Высунулся с вершинки скворец, пожалел:

– Пропал хороший, пропал хороший.

И дятел подтвердил:

– Пусть, пусть.

Сорока трещала:

– А пойти рассказать, пойти рассказать.

Даже снегирь пропищал:

– Плохо, плохо.

И все это было. С земли, с деревьев и с неба свистели, трещали, шипели.

А у Дивьего Камня за Медвежьим оврагом неведомый старик поселился. Сидел старик и ловил птиц ловушками хитрыми. И учил птиц большими трудами каждую одному слову.

Посылал неведомый старик птиц по лесу, каждую со своим словом. И бледнели путники и робели, услышав страшные птичьи слова.

А старик улыбался. И шел старик лесом, ходил к реке, ходил на травяные полянки. Слушал старик птиц и не боялся их слов.

Только он один знал, что они ничего другого не знают и сказать не умеют.

– От Красной Пожни пойдешь на зимний восход, будет тебе могилка-бугор. От бугра на левую руку иди до Ржавого ручья, а по ручью до серого камня. На камне конский след стесан. Как камень минуешь, так и иди до малой мшаги, а туда пять стволов золота Литвой опущено.

В Лосином бору, на просеке, сосна рогатая не рублена. Оставлена неспроста. На сосне зарубки. От зарубок ступай прямоком через моховое болото. За болотом будет каменистое место, а два камня будут больше других. Стань промеж них в середину и отсчитай на весенний закат сорок шагов. Там золота бочонок схоронен еще при Грозном царе.

Или еще лучше. На Пересне от Князьего Броду иди на весенний закат. А пройдя три сотни шагов, обернись в полгруды да иди тридцать шагов вправо. А будет тут ров старый, а за рвом пневое дерево, и тут клад положен большой. Золотые крестовики и всякий золотой снаряд, и положен клад в татарское разорение.

Тоже хороший клад. На Городище церковь, за нею старое кладбище. Среди могил курганчик. Под ним, говорят, старый ход под землю, и ведет ход в пещерку, а в ней богатства большие. И на этот клад запись в Софийском соборе положена, и владыка новгородский раз в год дает читать ее пришлым людям.

Самое трудное скажу. Этот клад хоронен со смертным зарокom. Коли сумеешь обойти, коли противу страхов пойдешь – твое счастье.

За Великой Гривой в Червонный ключ опущено разбойными людьми много золота; плитой закрыто, и вода спущена. Коли сумеешь воду от земли отвести да успеешь плиту отковать – твое счастье большое.

Много кладов везде захоронено. Говорю – не болтаю. Дедами еще положены верные записи. Намедни чинился у меня важный человек. Он говорил, а я услышал.

– В подземной Руси, – сказал, – много добра схоронено. Русь берегите.

Сановитый был человек.

Про всякого человека клад захоронен. Только надо уметь клады брать. Неверному человеку клад не дастся. Пьяному клад не взять. Со скоромными мыслями к кладу не приступай. Клад себе цену знает. Не подумай испортить клад. Клады жалеть надо. Хоронили клады не с глупым словом, а с молитвой либо с заклятием.

А пойдешь клад брать, иди смирно. Зря не болтай. На людях не гуляй. Свою думу думай. Будут тебе страхи, а ты страхов не бойся. Покажется что, а ты не заглядывайся. Криков не слушай. Иди себе бережно, не оступайся, потому брать клад – великое дело.

Над кладом работай быстро. Не оглядывайся, а пуще всего не отдыхай. Коли захочешь голос показать, пой тропарь богородичный. Никаких товарищей для кладов никогда себе не бери.

А на счастье возьмешь клад – никому про него не болтай. Никак не докажи клад людям сразу. Глаз людской тяжелый, клад от людей отвык – иначе опять в землю уйдет. И самому тебе не достанется, и другому его уж труднее взять. Много кладов сами люди попортили, по своему безобразию.

– А где же твой клад, кузнец? Отчего ты свой клад не взял?

– И про меня клад схоронен. Сам знаю, когда за кладом пойду.

Больше о кладах ничего не сказал черный кузнец.

– Ой, возьмет меня мохнатый царь! Ой, в угоду странному мужу, ветхому! Ой, закроют весь народ вратами крепкими. Ой, потопчут городами все мои травы цветочные. А закроют башнями весь надзвездный мир, помогите, мои травы цветочные, – ведомы вам тайны подземные. Ой, несут великаны города индийские, со стенами, вратами и башнями.

Жалобу травы услышали. Закивали цветными макушками. Подняли думу подземную. Пошла под землей дума великая. Думою море воспенилось. Думою леса закачались. Думою горы нарушились, мелким камнем осыпались. Думою земля наморщилась. Пошло небо морщинкой.

Добежала дума до пустынных песков. Возмутила дума пески свободные. Встали пески валами, перевалами. Встали пески против народа великанского.

Своровали великаны города индийские со стенами, вратами и башнями. Пovyтряхивали из закуток индийский народ. Поклали города на плечи. Шибко назад пошли. Пошли заслужить плату великую своему мохнатому царю.

Подошли великаны к пустынным пескам. Сгрудились пустынные пески. Поднялись пески темными вихрями. Закрыли пески солнце красное. Залегли пески по поднебесью. Как напали пески на великанский народ.

Налезли пески в пасти широкие. Засыпали пески уши мохнатые. Залили пески глаза великановы. Одолели пески великанский народ. Покидали великаны города в пустынные пески. Еле сами ушли без глаз, без ушей.

Схоронили пески пустынные города индийские. Схоронили со стенами, вратами и башнями. Видят люди города и до наших дней. А кто принес города в пустынные пески, то простому люду неведомо.

Распустились травы цветочные пуще прежнего.

Поняла царица от цветочных трав, что пропали города индийские. И запела царица песню такую веселую. Честным людям на услышание, Спасу на прославление.

Услыхал песню царь, возрадовался ликованием. И смеялся царь несчастьем великанскому.

И смеялся царь городам индийским, скрытым теперь в пустынных песках. Перестал царь жалеть о чужих городах.

Осталась у царя река полная. Осталась гора ценная. Остался у царя весь крепкий лес. Остались у царя травы цветочные да птицы певчие. Остался у царя весь народ. Осталась царица красивая. Осталась песня веселая.

Возвеселился царь.

Ветхий муж к ним не скоро дойдет.

Граница царства

В Индии было.

Родился у царя сын. Все сильные волшебницы, как знаете, принесли царевичу свои лучшие дары.

Самая добрая волшебница сказала заклятие:

– Не увидит царевич границ своего царства.

Все думали, что предсказано царство, границами безмерное.

Но вырос царевич славным и мудрым, а царство его не увеличилось.

Стал царствовать царевич, но не водил войско отодвинуть соседей.

Когда же хотел он осмотреть границу владений, всякий раз туман покрывал граничные горы.

В волнах облачных устились новые дали. Клубились облака высокими грядками.

Всякий раз тогда возвращался царь, силой полный, в земных делах мудрый решением.

Вот три ненавистника старые зашептали:

– Мы устрашаемся. Наш царь полон странной силой. У царя нечеловеческий разум. Может быть, течению земных сил этот разум противен. Не должен быть человек выше человеческого.

Мы премудростью отличенные, мы знаем пределы. Мы знаем очарования.

Прекратим волшебные чары. Пусть увидит царь границу свою. Пусть поникнет разум его. И ограничится мудрость его в хороших пределах. Пусть будет он с нами.

Три ненавистника, три старые повели царя на высокую гору. Только перед вечером достигли вершины, и так все трое сказали заклятие. Заклятие о том, как прекратить силу:

– Бог пределов человеческих!

Ты измеряешь ум. Ты наполняешь реку разума земным течением. На черепахе, драконе, змее поплыву. Свое узнаю. На единороге, барсе, слоне поплыву. Свое узнаю. На листе дерева, на листе травы, на цветке лотоса поплыву. Свое узнаю. Ты откроешь мой берег! Ты укажешь ограничение! Каждый знает, и ты знаешь! Никто больше. Ты больше. Чарыними.

Как сказали заклятие ненавистники, так сразу алой цепью загорелись вершины граничных гор.

Отвратили лицо ненавистники. Поклонились.

– Вот, царь, граница твоя.

Но летела уже от богини доброго земного странствия лучшая из волшебниц.

Не успел царь взглянуть, как над вершинами воздвигся нежданный пурпуровый град, за ним устлалась туманом еще невиданная земля.

Полетело над градом огневое воинство. Заиграли знаки самые премудрые.

– Не вижу границы моей, – сказал царь.

Возвратился царь духом возвеличенный. Он наполнил землю свою решениями самыми мудрыми.

Ударившего тебя не ударь.

Не мсти тебе мстящему.

Не вводи в искушение тебя искушающих. Встреть дружелюбно на тебя разгневанного.

Не причини другому тебе самому нежеланное.

За Великой Стеной

«В ПУТИ СО СВОИМИ УЧЕНИКАМИ Конфуций увидел женщину, рыдавшую около могилы, и спросил о причине скорби. «Горе, – отвечала она, – мой свекр был убит здесь тигром, затем мой муж, а теперь и сын мой погибли тою же смертью».

«Но почему вы не переселитесь отсюда?»

«Здесьнее правительство не жестоко».

«Вот видите, – воскликнул учитель, – запомните: плохое правительство хуже тигра».

«Какие основы хорошего Правительства? Почитай пять превосходных, изгони четыре мерзкие основы. Мудрый и хороший правитель добродетелен без расточительности; он возлагает обязанности, не доводя народ до ропота; желания его без превышения; он возвышен без гордости; он вдохновителен и не свиреп. Мерзости суть жестокость, держащая народ в невежестве и карающая смертью. Притеснение, требующее немедленного исполнения дел, не объясненных предварительно. Нелепость, дающая неясные приказы, но требующая точного их исполнения. Препятствие производством в скупости правильного вознаграждения достойных людей». «Познавать и прилагать в жизни изученное – разве это не истинное удовольствие? Прибытие друга из далекой страны – разве это не истинная радость?»

«Человек без сострадания в сердце – что общего он имеет с музыкой?»

«Благородный ни на мгновение не отступает с пути добродетели. В бурные времена и в часы напряжения он спешит по тому же пути».

«Человек знания радуется морем, человек добродетели радуется горами. Ибо беспокоен человек знания и спокоен человек добродетели».

«Человек духовно добродетельный, желая стать твердо, разовьет твердость и в окружающих. Желая быть просвещенным, он озаботится просвещением ближних, чтобы сделать другим то, что он желает себе».

«Искренность и правда образуют желание культуры».

«Благородный человек выявляет лучшие стороны других и не подчеркивает дурных. Низкий поступает обратно».

«В частной жизни покажи самоуважение, в делах будь внимателен и заботлив, в действиях с другими будь честен и сознателен. Никогда, даже среди дикарей, не отступи от этих основ».

«Благородный тянется кверху, низкий устремляется вниз».

«Благородный человек не знает ни горя, ни страха. Отсутствие горя и страха, в этом знак благородства! Если в сердце своем он не найдет вины, чего горевать ему? Чего страшиться ему?»

«Сделай сознательность и правду ведущими началами и так иди творить обязанности о твоём ближнем. Это высокая добродетель».

«Смысл милосердия в том: не причиняй другим то, чего не желаешь себе».

«Благородный заботится о девяти основах. Видеть ясно. Слышать четко. Глядеть дружелюбно. Заботиться о низших. Быть сознательным в речи, быть честным в делах. В сомнении быть осторожным. В гневе думать о последствиях. При возможности успеха думать лишь об обязанности».

«Духовная Добродетель заключается в пяти качествах: самоуважение, великодушие, искренность, честность и доброжелательство. Докажи самоуважение, и другие будут уважать тебя. Будь великодушен, и ты откроешь все сердца. Будь искренен, и поверят тебе. Будь честен, и достигнешь великого. Будь доброжелательным, и тем сообщишь и другим доброе желание».

«Благородный сперва ставит праведность и затем мужество. Храбрец без праведности – угроза государству».

«Отвечай справедливостью на несправедливость и добром на добро».

«Основа милосердия делает место привлекательным для житья».

«Благородный человек не имеет ни узких предрассудков, ни упрямой враждебности. Он идет путем Служения».

«Благородный прилежен в познании пути Служения, а низкий человек – лишь в делании денег».

«Мудрец медленно говорит, но быстро действует».

«Все люди рождаются добрыми».

«Смысл высокой добродетели. В жизни веди себя, как бы встречая высокого гостя. Управляя народом, веди себя как на торжественном священном служении. Чего не желаешь себе, не причиняй другим. Как на людях, так и дома не выражай злую волю».

«Кто грешит против неба, не может рассчитывать ни на чье заступничество».

«Можем выйти из дома лишь через дверь. Почему не пройти жизнь через врата добродетели?»

«Разве далека добродетель? Лишь покажи желание о ней, и вот она уже здесь».

«Чей ум уже испытан против медленно проникающего яда клеветы и острых стрел оговоров, тот может быть назван яснозорчим и дальнзорчим».

«Вывести неподготовленных людей на битву – все равно что выбросить их».

«Если человек всюду ненавидим или он повсюду любим, тогда необходимо ближайшее наблюдение».

«Ваши добрячки – воры добродетели».

«В 15 лет мой ум склонился над учением. В 30 лет я стоял прочно. В 40 лет я освободился от разочарований. В 50 лет я понял законы Провидения. В 60 лет мои уши внимали истине. В 70 лет я мог следовать указу моего сердца».

Итак, познание, освобождение, понимание законов, внимание Истине – все привело к следованию указам сердца. Это кратчайшее и полнейшее жизнеописание кончается сердечной молитвою о путях праведных. И не пожалел великий философ о том, что была в запряжке колесница его. Кони взнузданные, готовые домчать до путей сердца, были уже благословением. Не к великим ли домам должна была нести колесница не изгнания, но достижения.

Княжеское освобождение от горя и страха, мощь Тао, умостили путь прочный. «Бестронный король» – так называли Конфуция. Не он ли на колеснице шествует по великой стене в страже несменной?! Не его ли кони следуют по следам белого коня великой стены? Кто его видел? Кто уследил его всходы и спуски? Поверившее сердце за белым конем прошло стремнины и горы. Непредрешим ход коня.

Ко всем своим путям Конфуций мог прибавить еще одно заключение. Все враги, его гнавшие, были людьми темными и мерзкими. Имена их или стерлись, или остались в истории на черном месте. Значит, и в этом отношении праведность Конфуция и утверждена, и прославлена историей.

Только что сообщалось: «Работа по реставрации Мавзолея в Чуфу обсуждалась шантунгскими властями».

«Обширные работы по восстановлению Мавзолея Конфуция в Чуфу в Шантунге были решены в заседании в присутствии представителя Нанкинского Правительства».

Провинциальные власти, кроме сотрудничества по восстановлению Мавзолея Конфуция, который находился много лет в небрежении, также избрали Комитет для восстановления Дня Конфуция повсеместно в Китае. Сообщается, что Центральное Правительство даст особые почести потомку великого мудреца».

Опять победа Конфуция! День, посвященный ему, будет Днем Культуры.

Странно читать известие, где так скорбно и обычно говорится о том, что Мавзолей Конфуция в течение многих лет оставался в небрежении. Что это значит – в течение многих лет? Какие именно потрясения и перемены заставили забыть даже о величайшей гордости Китая! Впрочем, это забытие лишь односторонне. Может быть, Мавзолей и был забыт, но память и заветы Конфуция продолжали жить, ибо Китай без Будды, Лао-цзы, Конфуция не будет Китаем.

Какие бы новые познания ни входили в жизнь, все же устои древней мудрости остаются незыблемы.

Монголы могут узнать много новых вещей, но имя Чингисхана и его наставления будут жить в сердцах народа и само это имя произноситься с особым вниманием. Так же точно, как когда-то мы писали о звучании народов, так и памятные имена и места все же жить будут.

Конечно, надо предполагать, что Мавзолей Конфуция уже не может опять впасть в небрежение, ибо страна в своем развитии все глубже и выше будет беречь всегда живые заветы мудрого. И действительно, какой бы вышесказанный завет ни вспомнить, он одинаково будет касаться и нашего времени.

Лишь в очень отсталых умах не будет понятна разница между отжившим и вечным.

Пусть и до сих пор лучшие заповеди не исполняются – это не значит, что они не должны были быть даны, а сейчас повторены. Уж чего проще? – «Не убий», «Не лги», «Не укради», а каждый день и эти повелительные Заветы не исполняются. Что же? Отставить ли их за неприменимость? Или продолжать настаивать? Впадать ли в одичание или настойчиво выплывать на гребень волны? В наставлениях Конфуция нет безвыходного осуждения. Как и все благие наставления, сказаны им близко к жизни. Если он отставляет что-либо, то только для того, чтобы выдвинуть нечто лучшее и более полезное. Подчас наставления Конфуция обсуждались несправедливо, и им приписывался смысл, явно не относящийся к их содержанию. Это значит, что кто-то подходил к рассмотрению его заветов с какой-то предубежденностью.

Но, рассматривая большого человека, неуместны ни предубежденность, ни преувеличенность. Пусть будут приняты во внимание действия и слова в их полном значении. Конечно, говоря о последнем значении, мы не должны забывать, что во всех языках, а в том числе и в китайском, и в санскрите, есть свои непередаваемые выражения, которые можно понять и изложить, лишь вполне освоившись как с языком, так и с устоями местной жизни. Сколько бедствий произошло из-за переводов, из-за толкований!

Всякие злостолкования и умышленные извращения должны быть судимы как умышленные преступления против чужой собственности. Иногда же эти умышленные извращения равны покушению на убийство. Из жизнеописания Конфуция не видно, чтобы он впадал в отчаяние или страх. То, что он был вынужден держать колесницу наготове, обозначает лишь его предусмотрительность для вящей полезности будущих действий.

«Я молиться уже начал давно» – так отвечал Конфуций при одном важном обстоятельстве. Неоднократно в жизнеописаниях Конфуция употребляется выражение, что жизнь его была непрестанной молитвой. Торжественно он переплывал океан. Потому-то, оборачиваясь на Великую Стену, мы опять вспоминаем Конфуция, как признак Китая. Мы уверены, что предположенный День Конфуция выльется в настоящее торжество Культуры.

29 марта 1935 г.

Цаган Куре

В сагах знаем героев на белых конях.

Видели белого коня Святого Егория.

Видели белых коней Флора и Лавра.

Видели белых коней литовского бога Световита; на белых конях мчались валькирии.

Слышали о коне Исфагана в древнем Иране. Видели стерегущих храмы оседланных коней Арджуны. Слышали о коне Гессар-хана, даже видели на скалах Тибета удары подков его. Знали коня Химвата с огненной ношей Чинтамани.

На картинах китайских белые олени несут то же пламенное сокровище. словно бы олень Святого Губерта. И поступь коня белого очерчивает пределы государства Китайского. От коня стена великая. И опять герои на белых конях. И в Монголии Цаган Мори – белый конь, будет отмечен всякими сказаниями. Мчится на нем и Ригден-Джапо, Владыка Шамбалы, и в отсветах пламенных конь становится огненным. И когда народ ожидает будущее, великий всадник обращает лица ждущих – туда, куда нужно.

Именно белый конь в сказаниях принадлежит герою. Именно белому коню предоставлено и одному ходить, принося великую весть.

Когда-то рано погибший Леонид Семенов-Тян-Шанский принес мне свою огненную поэму «Белые кони». Поэт не знал тогда о легендах белого коня. Несмотря на азиатскую фамилию, полученную от деда, поэт был не близок Азии. Но он был настоящий поэт и поэтому своими путями пришел к восточному сознанию.

Помню беседу с Владимиром Соловьевым у Стасова, когда обсуждалась моя картина «Световитовы кони», а философ приговаривал, теребя свою бороду: «Восток, Восток!» Конечно, все помнят его пророческое стихотворение о Кукуноре.

На скифских бронзах кони занимают такое существенное место. Конечно, они – носители быта. И в сказках коню приписываются вещи качества. Богатырь влезает в одно ушко и усиленным, мудрым вылезает из другого. Конь в сагах предупреждает воина об опасности. И в курганах конский костяк не расстается со своим хозяином.

Из предсказания мудрого монгольского пророка Молон-Бакши, записанного его внуком Санки Цибиковым, переведенного монголом Шагдаровым и Шондором Дабаевым.

«В год цикла свиньи будет землетрясение. В год собаки будет брожение среди начальствующих и власть имущих. В хате родится великий. Хан проедет, не привлекая к себе постороннего внимания. Мимо же дома будут проходить войска. Люди, не имеющие потомственного рода и звания, станут у власти и будут править народом. Честные люди удалятся и займут место у порога, тогда как лживые займут место в доме.

Наступит время, когда истина уступит место лицемерию. Змей пятнистый съест голову свою, а змей же краснопегий – мясо своего туловища. Лошадь, съедая свой зад, съест и голову свою. Отсюда: начальник, присваивавший народное достояние, поплатится своей головою.

Дальше наступит время, когда деревянная телега будет стоять с коня, а простая – с быка.

Плохому коню путь далек, а скупому человеку друг далек.

Как у мертвого нет звания, так и у бедного нет имущества.

Топором, не имеющим обуха, будешь колоть дрова.

Свет земной окутает железный змей, но зато весь мир – огненный змей.

В 1903–1904 годах произойдет большое событие.

В год быка будет большое событие. В год тигра произойдет уничтожение. В год зайца будет

год терпения и выносливости.

По восточным окраинам будут грабежи, ибо начальник пустит волка на стадо баранов, загнанное во двор.

Наступит время, так называемое «ни мое – ни твое», будет нужен медный котел и кожаный сундук.

Ко времени переселений повсеместно будет огненный змей.

На стороне восхода солнца обнаружится белый камень с надписью: «Вырубишь топором эту надпись – она не исчезнет, она появится снова».

Дальше этого камня будет пустыня, до которой дойдете. Достигшие этой страны люди станут людьми, а животные – животными. Будет трудно старикам и малым. Вещи будете вьючить даже на быках, на коровах и на лошадях. Иконы и книги будете носить на себе. Для стариков будете сушить мясо и жарить зерно; пить черный чай – питательно.

Со слов Селаринов Молон-Бакша предсказал, что позже придут два – четыре человека, которые подъярят своих бунтовщиков и будут созидать религиозные государственные правопорядки.

Молон-Бакша скончался, достигши восьмидесяти лет, в год быка. Его песнь была:

По правой стороне Селенги
Почему качается камыш?
По той стороне Худара
Почему качается камыш?
И предчувствуя в жизни страдания,
Почему мне чувствуется печаль?

Воспевая эту песню, он, бывало, рыдал!

Вот и еще:

«Великий Киданьский народ не погибнет. Он узнает народ Шамбалы. Он принесет очень старательно священные изображения и порядки государственные.

От белого камня он прочтет и позовет Ихе Бакшу рассказать слово Истины.

Как от великих костров, засияет надпись на камне. Что это идет? Отчего качается ковыль? Что же шествует?

Эрдени Мори сам идет. Эрдени Мори сам выступает. И люди не останутся в прежнем положении.

Что же светит поверх ковыля? Отчего стали светлыми обоны? Отчего засиял большой субурган?

Там, где прошел Эрдени Мори, там засветился ковыль. Там замолчали волки.

И полетели кречеты очень быстро».

Издавна ходит Эрдени Мори, и светит его сокровище. На восходе и на закате солнца затихает все, значит, где-то проходит великий конь белый, несущий сокровище. Пока народы знают о сужденном сокровище, они все же останутся на верном пути. Путь их, хотя бы и долгий, и необычный, – неизбежен. Так же неизбежен, как служение совершенствования. Кому-то – сказки. А кому-то – быль. Кто-то убоится. А кто-то развернет страницы книги принесенной.

И голубиная книга с небес упала. И сокровище сверху пришло. И не сразу нашли мудрого для прочтения книги. И разные народы помнят об этих принесенных благовестях. И всем темным невыносим свет. Почему они так оцетинились? Ведь они ужасаются о себе самих, когда не прочли книги, когда отвернулись от Света. И, отвернувшись от Света малого, разве выдержат

их глаза Свет Великий!

Менхе Тенгри!

Великое синее небо, покровитель Чингисхана.

Уж так широка пустыня Монгольская! Уж так необъятна степь! Уж так несчетны горы, холмы, гребни, буераки и складки, где захоронена слава!

Точно бы и пустынна ширь, а на склоне вырастет становище. Гляди, затемнели юрты, или нежданно выглянул белый-пребелый монастырь или субурган. Или засинело озерко.

Словно бы вымерла пустыня. Но скачут всадники в ярких кафтанах или в желтых курмах и красноверхих шапках. Серебром выложенные седла, не служили ли они и при Чингисе? Только где саадаки, колчаны? Где стрелы?

Где же и прочие живности? Но тянется темная черта каравана. Чернеют стада яков. Рассыпались табуны конские. Забелели на солнце стада баранов, а не то замелькали дзерены, мчась по холму. Или юркнул в нору тарбаган или бурундук. Верблюды, волки, лисицы, зайцы, мало ли всякой живности...

И птиц точно бы нет. Только разве беркут чертит круги. Или запестрят в небе вороны или клушицы. Или жаворонок залетит. Или перепел вспорхнет. Или от воды потянут турпаны, гуси, утки, куличье всякое... Или вытянется из ковыля дрофа. Или замашут крылами журавли и цапли... Есть и птицы...

Откуда же молчанье твое, пустыня прекрасная? От высоты ли твоей? От необъятности? От чистоты голубого небесного купола, от великого Тенгри, милостивого к Чингису?

Ночью горят все звездные палаты. Сияют все чудные знаки. Открыта Книга Величия. За горою полыхнул луч света. Кто там? Там кто прошел? Не Эрдени Мори?

На скалах Шара-Мурена знаки сокровища. Наран-Обо притаил камень чудесный. Везде прошел Эрдени Мори.

31 марта 1935 г.

Пинцог Деделинг

На обветшалых, пожелтевших рукописях Турфана звучат гимны Богу Свету, Солнцу, Вечной Живой Душе, возносятся моления о покое, о восхождении, о мире. Слово «мир» употребляется очень часто. Кроме множества буддийских текстов в разновременных находках имеются рукописи китайские, манихейские, несторианские, тибетские, иранские и от всяких среднеазиатских путников.

Разрушились, пустынные сейчас, храмы. Засыпались процветавшие города, исчезли стены и башни. Срезана, сбита стенопись. Уничтожены книгохранилища, распроданы и расхищены сокровища. Мрачность царит там, где сияли светлые краски и сверкали металлы. Что же скажет некто, кто посетит старинные места на новых путях?

Пострадали и листы рукописей как от времени, так и от всяких недоброжелательных вражеских рук. Но все-таки и эти прерывчатые, изъеденные свитки напомнят, что и в пустынных, затемненных развалинах когда-то возникали светлые мысли и кто-то изливал душу в прекрасных зовах.

В недавнем переводе турфанские гимны означают (многоточия обозначают пропавшие места текста):

«Гимн живой душе... все грехи, колебания внутренние и внешние, все мысли, все помысленное и все сказанное. Смещение доброго и злого мышления, неосознание того и другого. Пойми свое Бытие: чистое слово, ведущее к душе? Через нее, через душу пойми лукавое слово вождя ада, которое приведет ко тьме адовой. Взвесь, как судья на весах, все слово, выпущенное и преосужденное. Осмысли перевоплощение и тьму адову, где души терзаются в утеснении. Храни душевное целомудрие, сокровище слова... поедаящий огонь человеческий! И ты, душа светлая, окрыленная, свободная в выражениях! Предопределение и перевоплощение! Удержи сердце и мысль от греховного позыва. В отчизну Света иди путем мира.....»

Тебе пою, Бог Всемогущий, живая душа, дар Отеческий. Будь благословенна душа светлая. Благословенна будь. Свято дойди к своему Отечеству. Счастьем щедрая Мощь! Мудрая... все... сама... в трепете... внимая... мир... к Тебе, Сын Вседержителя. Все утеснение, тягость и нужда, которые Ты превзошел, кто может пребороть? Ты, Просветленный, Милосердный, Благословенный, Мощный и благородный Владыко».

.....
«От Света, от Бога – я, став безземельной, от вас удаленная. Будь благословен, кто душу мою изведет из нужды».

.....
«...Вы получите вечную жизнь. Очистите светлую душу, и она освободит вас. Зазвучите в чудесном гимне... «О благе, о мире, о доверии». Прекрасно пойте и радуйтесь мыслью «О, Светлый Водитель души». Вострубите в веселии: «Веди души воедино ко спасению». На любвеобильный зов трубный отзовутся радостно сыны Божие. Скажите: «Свят, Свят». Воззовите: «Да будет, да будет». Звучите: «О, премудрость Светлейшая». Воззовите чистым словом: «Слово живое Истины от оков освободит заключенных. Хвалите Истину, вы». Звучите и воззовите: «Пылайте страхом Божиим, в заповедях и в Заветах воссоединяйтесь без... исхода... Света. Зовите... Глашатай... великий мир, сокровища, которые души, и глаза, и уши... Призовите Сына Божьего на пир божественный. Украсьте любимые кущи, просветите путь к Свету. Сопрягите все члены в пяти, в семи и в двенадцати. Вот они, семь сияющих, благородных камней, которыми стоит мир. Их мощью живут миры и все сущие. Как лампада в доме единая, во тьме пресветлая...»

.....
«Ударившего тебя не ударь. Не мсти тебе мстящему. Не вводи в искушение тебя искушающих. Встреть дружелюбно на тебя разгневанного. Не причини другому тебе самому нежеланное. Сноси обиды от высших, от равных и от меньших. Не поранят слона цветы, в него брошенные. Не расплавят камень капли воды. Также и обиды и поношения не поколеблют многотерпеливого. Как Сумеру-гора, терпеливый высоко удержит себя. Многотерпеливый сумеет явить себя иногда учеником, иногда и учителем, иногда рабом, иногда и владыкою».

«Вот путь, вот тайна, вот Великий Завет и врата Освобождения. Да будет на мне Твоя Господня воля. Да защитит меня Твое великолепие и да умножится мое терпение, правота и страх Божий. Мой глас и мое ухо».....

«Счастлив, кто в чистоте и правде твоей, о, Боже, познает многообразие, человечность и чудотворность».

«Есть ученик доброго сердца и любящий учителя. Он следует ему, держит имя его в чести и любовно во всем к нему относится... Прими этих братьев, к тебе приходящих. Когда захотят они почерпнуть от мудрости, поучи их, как детей своих».....

«...как Владыка, который оружие свое и доспех снимает и облекается в царские одежды, так посланец Света отлагает воина ценность и воссядет в Свете и в Божественном одеянии, в венце сияющем и в венце прекрасном. И в великой радости сходятся к нему и справа, и слева Светозарные в песнопении веселия – все собирается в Божественной чудотворности, как блеск молнии или как стремящееся светоозарение, осветит столбы его восхищения во всей божественности...»

«Благородный Владыка исполнил свое обещание, Им данное: «Воссяду на облаке и к часу сужденному пошлю вам помощь».

Так звучат голоса на истлевших рукописях. В знаках пехлевийских и уйгурских сохранились в тайниках Азии голоса от стран дальних.

И в стенописи сохранены черты разных народов, которые в прекрасном сочетании улеглись на тех же единых поверхностях. В образах стенописи, в технике исполнений тоже найдутся и китайские, и иранские, и индусские облики. Светлые, большею частью образы в разных символах возносят о мире моления. А из-за Гималаев звучит моление древних Вед:

«Пусть все сущие силы принесут нам мир. Пусть Бог нам мир засвидетельствует. Пусть мир, и мир един царствует всюду. Пусть сойдет на нас этот мир».

Среди мятущегося западного вихря Данте в своем незабываемом трактате взывает:

«О, человечество, какие же бури должны поразить тебя, какие потери ты должно понести, какие крушения должны ударить тебя, пока ты, как многоголовое чудовище, устремляешься к вещам противным! Ты больно в своем понимании. Ты болеешь в своих чувствах. Нерешимые соображения не помогают твоему пониманию. Ясная убедительность не убеждает твоего низкого мышления. Даже сладость Божественной убедительности не очаровывает тебя, когда она дышит в созвучиях Святого Духа. Помните, братья, как хорошо и как приятно жить вместе в единении».

Молила Азия о мире, о том же взывали великие души Запада. Не в молениях ли, навсегда запечатленных, выковано свидетельство о мире, о мире всего мира.

22 июля 1935 г.

Тимур Хада

Наш Чампа, полутибетец-полумонгол, родом с Куунора, возвращается с базара – сообщает: «Говорят, что тут где-то есть камень, в котором медный пояс».

Что же это такое и как бы узнать, где этот камень?

«Может быть, удастся расспросить. Только это трудно».

Мы думаем, что дело идет о каком-то открытом погребении, или о кладе, или, наконец, о легенде. На первый взгляд обращается внимание не столько на камень, сколько на пояс. Ведь пояс всегда был признаком власти. Не раз в истории похищение пояса или оскорбление пояса приводило к тяжким последствиям. Так поговорили о странном камне с медным поясом и подумали, что, вероятно, дальнейшее узнать о нем трудно. Если бы это оказалось каким-то кладом, то ведь о кладах будут говорить особенно осторожно.

Конечно, легенды о кладах, находимых в бурханах, или о каких-то сокрытых ценностях можно слышать часто. Иногда они будут связаны с большими именами прежних легендарных воителей. Не обойдется и без упоминания Чингисхана, ибо это имя упоминается при всяком возможном случае.

Проходит несколько дней. Юрий занимается с приезжим бурятским ламой-лекарем. Вдруг приезжает чиновное лицо от местного князя. Князь очень просит, чтобы мы не трогали и не разбили камня с медным поясом. Опять тот же камень. Спрашиваем, полагая, что речь идет о какой-то руде: «Где же он находится?» Ответ уже наводит нас на некоторые мысли и воспоминания.

«Камень этот двигается и появляется около священных и замечательных мест. Здесь же, около Наран Обо, место священное. Князь знает, что вы собираете травы и цветы. Это очень хорошо. Но не потревожьте камень, который появляется то там, то здесь. Ведь он может оказаться и на вашем пути».

Значит, дело оказывается не в медном поясе, как мы думали первоначально, но в самом камне. А камень этот не что иное, как тот самый легендарный, испокон известный чудный камень, посещающий особо замечательные местности в особо нужное время. Таким образом, скромный посланец князя совершенно деловито просит нас не нарушить чудодейственного камня. Конечно, мы просим его передать, чтобы никто не беспокоился. Камня мы не нарушим, не разобьем и не обидим.

Воображаю, как удивлены были бы местные монголы, если им рассказать все известные легенды о чудесном камне – легенды от Тихого океана и до средневековых мейстерзингеров. В данном случае новым оказалось то обстоятельство, что не легенда рассказывалась, но просили не нарушить камень. Значит, не сказание, но бытность самого камня жила совершенно явно и непреложно.

Новая подробность о поясе на камне, быть может, означает, что камень облечен властью. В других вариантах ни о каком поясе не упоминалось. На камне указываются знаки, которые то появляются, то уходят вглубь. Камень предупреждает своего временного владельца о всяких значительных событиях. Камень издает треск в особых случаях. Становится особенно тяжелым или, наоборот, теряет вес. Иногда камень начинает светиться. Камень приносится иногда новому владельцу совершенно нежданно какими-то незнакомцами. У камня много качеств, недаром о нем сложены всевозможные предания и песни. Упоминается он и в средневековых исторических и научных изысканиях. На Гималаях, в Тибете и в Монголии постоянно приходится встречаться с упоминаниями об этом сокровенном чуде.

Странно связывать чудесные, полные глубоких знаков и символов сказания с приездом

чиновного лица, просящего не повредить и не увозить камня. Здесь ведь место особо священное. Около Наран Обо, бывало, уже появлялся чудесный камень. В этих местах запрещено убивать всех животных. Сам таши-лама подымался на Наран Обо и отметил это место.

«Ведь таши-лама выдает пропуск в Шамбалу».

Конечно, и это сведение понимается чрезвычайно различно. Но тем не менее до сих пор приезжают некоторые люди к таши-ламе с прямою просьбою дать им подобный пропуск. Опять-таки древнейшие знаки совмещаются с современностью иногда в самых неожиданных формах.

Также приходилось слышать, как нападали некоторые люди на рассказчиков о таких знаках. Ревнителю тайн придут и шепнут, а рассказчик немедленно прервет повествование. Если же начнут его допрашивать, то он закончит какой-либо самой прозаической формой, совсем не отвечающей вдохновенному началу. Значит, и древнее установление охранения тайны живет по-прежнему. И как умеют хранить такие заповедные тайны! Как умеют вовремя перевести речь на какие-нибудь повседневные темы или нежданно обратить внимание на какое-то внешнее приключение!

Опять-таки вспоминается, как однажды один индус сказал, что он настолько не выдаст тайны, что скорее допустит утверждение, что вообще ничего подобного не существует. Как в океанских волнах пробегают два и три различных течения, так же и глубины людского сознания умеют быть заперты затвором тайны.

Кто-то смеется над подобною стойкостью, над таким хранением основ. Но кто-то и уважает, когда видит, что вне всякой, иногда и вопреки всякой своекорысти люди остаются несломимы, как адамант. Камень драгий – знали его многие народы. Сохранили, запрятали знания о нем в самую сокровенную сокровищницу. Если приезжает чиновник и просит не повреждать и не увозить камня, то ведь в этом еще не будет открытие тайны. Ведь он-то не сказал, о каком таком камне идет речь. Он по обязанности должен был предупредить, что таковой камень появлялся, бывало, в этой местности. Значит, этим предупреждением не произошло разбалтывания.

Посланец был рад слышать наше обещание не вредить камню. Кто знает, может быть, в постановке нашего ответа ему почудилось, что мы знаем больше, чем он полагал. Во всяком случае, наше обещание не вредить камню было принято с искренней признательностью.

Уметь хранить тайны – уже значит доказать значительное качество духа. Кто возьмется отделить, где легенда граничит с фантастикой, а где в основе ее лежит действительность. Не так давно доказывалось, что герои так называемых легенд были существовавшими людьми, героическими деятелями, дела которых, выходя за пределы общечеловеческого разума, сплетались в чудесные, вдохновляющие легенды.

Знаете ли вы, существует или нет тот камень, о котором знают так многие народы?

6 августа 1935 г.

Тимур Хада

Великая Матерь

Радж-Раджесвари – Всемогущая Матерь. Тебе поет индус древности и индус наших дней. Тебе женщины приносят золотые цветы и у ног Твоих освящают плоды, укрепляя ими очаг дома. И, помянув изображение Твое, его опускают в воду, дабы ничье нечистое дыхание не коснулось Красоты Мира. Тебе, Матерь, называют место на Белой Горе, никем не превзойденное. Ведь там встанешь, когда придет час крайней нужды, когда поднимешь Десницу Твою во спасение мира и, окружая всеми вихрями и всем светом, станешь как столб пространства, призывая все силы далеких миров.

Разрушаются старые храмы, раскалываются колонны, и в каменные стены впились снаряды недругов.

«В Гоа приставали португальские корабли. На высоких кормах каравелл золотом сверкали изображения Мадонны и Ее великим именем посылались ядра в святилище древности. Португальскими снарядами раздроблены колонны Элефанты.

La Virgen de los Conquistadores!

В Севилье, в Алысазаре, есть старая картина Алекс о Фернандец, носящая это название. В верхней части картины, в сиянии облаков небесного цвета, стоит Пресвятая Дева с кроткой улыбкой, и под Ее широким плащом собрана и охранена толпа завоевателей. Внизу волнуется море, усеянное галеонами и каравеллами, готовыми к отплытию в далекие страны на чужие земли. Может быть, это те же корабли, которые будут громить святилище Элефанты, и кроткой улыбкой Всеблагая Дева провожает завоевателей, точно и Она Сама с ними восстала на разрушение чужих накоплений. Это уже не грозный Илья Пророк или мужественный Михаил, постоянные воины, но Сама Кроткая подвигнута в народном сознании к бою, точно бы Матери Мира достойно заниматься делами человекоубийства».

Мой друг возмущается. Он говорит: «Посмотрите, вот одна из самых откровенных картин. Читайте в ней всю современную психологию. Посмотрите на это самомнение. Они собрались захватывать чужое достояние и приписывают Богоматери покровительство их поступкам. Теперь сравните, насколько различно настроение Востока, где Благая Гуаньинь закрывает своим покрывалом детей, защищая их от опасностей и насилия».

Другой мой приятель защищает психологию Запада и тоже ссылается на изображение как на истинный документ психологии каждой современности. Он напоминает, как в картинах Сурбарана или Холбейна Пресвятая Дева закрывает своим покрывалом верных, к Ней прибегающих. Из изображений Востока он приводит на память страшных идамов, рогатых, увешанных ужасными атрибутами. Он напоминает о пляске Дурги на человеческих телах и об ожерельях из черепов.

Но носитель Востока не сдаётся. Он указывает, что в этих изображениях нет личного начала, что кажущиеся страшные признаки есть символы необузданных стихий, зная силу которых человек понимает, что именно надо ему одолеть. При этом любитель Востока указывает, что элементы устрашения применялись всюду и не меньшее пламя и не меньшие рога демонов изображались в аду на фресках Орканья во Флоренции. Всякие ужасы в изображениях Босха или сурового Грюневальда могут поспорить со стихийными изображениями Востока. Любитель Востока ставил на вид так называемую Турфанскую Мадонну и предполагал в Ней эволюцию богини Маричи, которая, будучи раньше жестокой пожирательницей детей, постепенно превратилась в заботливую хранительницу их, сделавшись духовной спутницей Кувера, бога счастья. Вспоминая об этих благих эволюциях и добрых стремлениях, было указано на обычай, до сих пор существующий на Востоке. Ламы всходят на высокую гору и для спасения

неведомых путников разбрасывают маленькие изображения коней, далеко уносимые вихрем. В этом действии есть благодать и самоотречение.

На это любителю Востока было сказано, что Прокопий Праведный в самоотверженности отвел каменную тучу от родного города и всегда на высоком берегу Двины молился именно за неведомых плавающих. И было указано, что и на Западе многие подвижники променяли, подобно Прокопию, свое высокое земное положение на пользу мира. В этих подвигах, в этих актах молитв «за неведомых, за несказанных и неписанных» имеется тот же великий принцип анонимности, того же познания преходящих земных воплощений, который так привлекателен и на Востоке.

Любитель Востока подчеркивал, что этот принцип анонимности, отказа от своего временного имени, такое начало благодного, безвестного даяния на Востоке проведено гораздо шире и глубже. При этом вспомнили, что художественные произведения Востока почти никогда не были подписаны, так как даяние сердца не нуждалось в сопроводительной записке.

На это ему было замечено, что и все византийские, старые итальянские, старые нидерландские, русские иконы и прочие примитивы также не подписаны. Личное начало стало проявляться позже.

Заговорили о символах Всемогущества и Всеведения, и оказалось опять, что те же самые символы прошли через самые различные сознания. Разговор продолжался, ибо жизнь давала неиссякаемые примеры.

На каждое указание с Востока следовал и пример Запада. Вспомнили о белых керамических конях, которые кругами до сих пор стоят на полях Южной Индии и на которых, как говорят, женщины в тонких телах совершают полеты. В ответ встали образы валькирии и даже современное выделение астральных тел. Вспомнили, как трогательно женщины Индии украшают каждый день порог своего дома новым узором – узором благополучия и счастья, но тут же припомнили и все узоры, вышитые женщинами Запада во спасение дорогих их сердцу.

Вспомнили Великого Кришну, благого пастуха, и невольно сравнили с древним образом славянского Леля, тоже пастуха, сходного во всем с индусским прототипом. Вспомнили песни в честь Кришны и Гопи и сопоставили их с песнями Леля, с хороводами славян. Вспомнили индусскую женщину на Ганге и ее светочи во спасение семьи и сопоставили с венками на реке под Троицын день – обычаем, милым всем славянским арийцам.

Вспомнили заклинания и вызывания колдунов Малабарского берега и совершенно такие же действия и у сибирских шаманов, и у финских ведм, и у шотландских ясновидящих, и у краснокожих колдунов.

Ни океаны, ни материки не изменяли сущности народного понимания сил природы.

Вспомнили тибетскую некромантию и сопоставили с черной мессой Франции и с сатанистами Крита...

Противопоставляя факты, незаметно начали говорить об одном и том же. Кажущиеся противоположения оказались совершенно одинаковыми ступенями различных степеней человеческого сознания. Собеседники изумленно переглянулись – где же этот Восток и где же этот Запад, которые так принято противопоставлять.

Третий, молчаливый собеседник улыбнулся. А где же вообще граница Востока и Запада, и не странно ли, что Египет, Алжир и Тунис, находящиеся на юге от Европы, в общепринятом представлении считаются уже Востоком. А лежащие от них на Восток Балканы и Греция оказываются Западом.

Припомнилось, как, гуляя на берегу океана в Сан-Франциско с профессором литературы, наблюдая солнечный закат, мы спросили друг друга:

«Где мы, наконец, находимся, на крайнем Западе или на крайнем Востоке?» Если Китай и

Япония по отношению к ближневосточной Малой Азии уже считаются Дальним Востоком, то, продолжая взгляд в том же направлении, не окажется ли Америка с ее инками, майя и краснокожими племенами крайним Востоком? Что же тогда делать с Европой, которая окажется окруженной «Востоками» с трех сторон?

Припомнили, что во время русской революции финны считали Сибирь своею, ссылаясь на племенные тождества. Припомнили, что Аляска почти сливается с Сибирью и лик краснокожего в сравнении со многими монголоидами является поразительно схожим с ликом Азии.

Как-то случилось, что на минуту все суеверия и предрассудки были отставлены противниками. Представитель Востока заговорил о Сторучице православной церкви, и представитель Запада восхищался образами многорукой, всепомогающей Гуаньинь. Представитель Востока говорил с почитанием о золототканом платье итальянской Мадонны и чувствовал глубокое проникновение картин Дуччио и Фра-Анжелико, а любитель Запада отдавал почтение символам Всеокой, Всезнающей Дуккар. Вспомнили о Всескорбящей. Вспомнили о многообразных образах Всепомогающей и Вседающей. Вспомнили, как метко вырабатывала народная психология иконографию символов и какие большие знания остались сейчас нечеткими под омертвелой чертою. Там, где ушло предубеждение и забылся рассудок, там появилась и улыбка.

Как-то облегченно заговорили о Матери Мира. Благодушно вспомнили итальянского кардинала, который имел обыкновение советовать богомольцам: «Не утруждайте Христа Спасителя, ибо Он очень занят; а лучше обращайтесь к Пресвятой Матери. Она уже передаст ваши просьбы куда следует».

Вспомнили, как один католический священник, один индус, один египтянин и один русский занимались исследованиями знака Креста и каждый искал значение креста в свою пользу, но с тем же всеобъединяющим смыслом.

Вспомнили мелькнувшие в литературе попытки объединения слова Христос и Кришна и опять вспомнили об Иосафе и о Будде, но так как в этот момент всеблагая рука Матери Мира отстранила все предубеждения, то и беседа протекала в мирных тонах.

Любители Востока и Запада вместо колючих противопоставлений перешли к строительному восстановлению образов.

Один из присутствующих вспомнил рассказ одного из учеников Рамакришны, каким почитанием пользовалась жена Рамакришны, которую по индусскому обычаю называли матерью. Другой распространил значение этого слова к понятию «материя матрикс»...

Образ Матери Мира, Мадонны, Матери Кали, Препоблагой Дуккар, Иштар, Гуаньинь, Мириам, Белой Тары, Радж-Раджесвари, Ниука – все эти благие образы, все эти жертвовательницы собрались в беседе, как добрые знаки единения. И каждая из них сказала на своем языке, но понятном для всех, что не делить, но строить нужно. Сказала, что пришло время Матери Мира, когда приблизятся к земле Высокие Энергии, но в гневе и в разрушительстве эти энергии вместо сужденного созидания дадут губительные взрывы.

В улыбке единения все стало простым. Ореолы Мадонны, такие одиозные для предубежденных, сделались научными физическими излучениями, давным-давно известными человечеству аурами. Осужденные рационализмом современности символы из сверхъестественного вдруг сделались доступными исследованию испытателя. И в этом чуде простоты и познания намечилось дуновение эволюции Истины.

Один из собеседников сказал: «Вот мы говорим сейчас о чисто физических опытах – а ведь начали как будто о Матери Мира». Другой вынул из ящика стола записку и промолвил: «Современный индус, прошедший многие университеты, обращается так к Великой Матери, самой Радж-Раджесвари:

Время от времени ко мне доходят нелепые слухи о том, что будто бы среди наших хождений по Азии мною открыт какой-то подлинный документ, чуть ли не от времен Христа. Не знаю, кому нужно и с какой целью выдумывать эту версию, но со своей стороны мне хотелось бы утвердить мою точку зрения на этот замечательный предмет, занявший умы не только христианского, но и мусульманского, и буддийского, и индусского миров.

Каждый, соприкасавшийся с различными народами Азии, действительно, в часы сердечности и доверия слышит многообразные, но всегда благостные сказания о великом Иссе, о Божественном, о Величайшем, о Пророке, о Лучшем из сынов человеческих – каждый по-своему все о том же, близком сердцу его. Все знают, что существует обширная литература, связанная с именем Христа в Азии, как по несторианским, так и по мусульманским и индусским источникам. Много написано о Христе и о Кришне, много известно о так называемых христинях Св. Фомы. Длинные и прекрасны сказания и песни Кашмира и всего Туркестана о великом Иссе.

Мусульмане хотят иметь гробницу Христа в Шринагаре и мазар Богоматери около Кашгара. Опять-таки каждый по-своему и все о том же. Мусульмане нам говорили, что они всеми мерами ищут все списки сказаний о Христе и готовы заплатить за них любую цену. Не буду приводить все те многочисленные книги, часто написанные духовными лицами христианства, о «Христе в исламе», все Аграфы, трактующие о Христе в Персии и Индии.

Действительно, и на юге Индии вы можете слышать замечательные слова индуса о Христе. И Вивекананда в Бенгалии находит в себе незабываемую этому характеристику; и Шри Васвани в Синде говорит слушателям своим о заветах Иисуса. Тибетский лама, вместе со священными своими книгами, полагает в субургане заветы Христа, и сартский бакша тоже славословит по пустыням; и князь карашарский удивляет вас знанием многих летучих сказаний.

Среди многообразной литературы статьи сэра Лалубай Самладаса и пресловутая книга Нотовича, вероятно, составлены по разным сказаниям. Конечно, было бы гораздо ценнее, если бы отрывочные сказания были сохранены, хотя бы и несвязно, но в своем подлинном характере.

Об этом очень хорошо замечает архимандрит, написавший к этой книге замечания свои.

В «Алтай – Гималаях», говоря о Кашмире, вспоминалась арабская песнь: «Когда Христос возносился, славословили все узревшие». И указывалась кашмирская песнь: «Славословят Христа в лучших словах. Превыше был Он солнца и луны». И так на красном ковре восемь мусульман, никем не принуждаемые, славят Христа до полуночи.

Там же указывалось: «Заметны намеки о втором посещении Христом Египта. Спрашивают, почему Христос не мог быть и в Индии? Кто усумнится, что легенды о Христе существуют в Азии, тем покажет, что ему незнакомо огромное влияние несториан по всей Азии и какое множество апокрифических легенд они распространили от древнейших времен». «Никогда не откроются источники легенд этих. Но если даже они произошли от несторианских апокрифов, то как поучительно видеть их живое распространение и глубокое к ним внимание. Знаменательно слушать, как местный индус повествует, как Христос проповедовал у небольшого водоема недалеко от базара, под большим, уже не существующим деревом. В этих чисто конкретных указаниях можно видеть сердечное отношение к предмету».

Далее указывается, как славословит бакша турфанский, с бубном и ситарою, на гнедом коне: «Божественный Исса в хождении своем повстречал большую голову. На пути лежит мертвая голова великанская. И подумал Исса: от большого человека голова сия великая. И задумал Исса дело доброе, воскресить великую голову. И покрылась голова кожей. И наполнились очи. А и выросло тело и побежала кровь. И наполнилось сердце. И восстал

богатырь-великан, и поклонился он Иссе за воскресение для подвигов во спасение всего человечества».

И в «Сердце Азии» упоминалось: «В Шринагаре впервые достигла нас любопытная легенда о пребывании Христа. Впоследствии мы убедились, насколько по Индии, Ладаку и Центральной Азии распространена легенда о пребывании в этих местах Христа во время Его длительного отсутствия, указанного в Писаниях. Шринагарские мусульмане рассказывают, что распятый Христос, или, как они говорят, Исса, не умер на кресте, но лишь впал в забытие. Ученики похитили его и скрыли, излечив. Затем Исса был перевезен в Шринагар, где учил и скончался. Гробница Учителя находится в подвале одного частного дома. Указывается существование надписи, что здесь лежит сын Иосифа; у гробницы будто бы происходили исцеления и распространялся запах ароматов. Так иноверцы хотят иметь Христа у себя».

Спрашивается, какой же злонамеренный ум из этих замечаний выводит легенду о нахождении мною какого-то манускрипта времен Христа?

Вместо того чтобы вместе с нами порадоваться широкому, всеобъемлющему проникновению великого понятия Христа-Искупителя, вместо того чтобы подивиться в сердце своем, какими незапамятными и необъятными путями облетело имя Христа все пустыни, кто-то хочет только затемнить что-то и умалить в каком-то злонамерении.

В последнем номере индусского журнала Шри Васвани «Заря» читаем: «Храм Шри Иссы, Пури, является значительным местом индусского паломничества. В Пури находится священный храм, к которому во множестве стекаются индусы. Недалеко от него катятся волны Бенгальского залива. Между храмом и морем прекрасный сад, расположенный в прекрасном месте и посвященный Христу. В центре сада небольшой «мандир». В нем стоит Крест! И каждый вечер ачария мандира читает отрывки из Псалмов и Нового Завета; и в течение дня из соседних святилищ приходят садху и сидят и беседуют с членами этого ашрама, посвященного Шри Иссе».

Опять не знаю, насколько точно формулирована действительность, но даже в намеке своем она содержит элементы благости, которым можно порадоваться, если чье-то сердце не засохло и не раскалилось на угольях озлобления.

Поучительно встречать в самых неожиданных местах сердца Азии несторианские кладбища с крестом надгробий. Интересно видеть ханские монеты с изображением креста и знакомиться с обширной литературой о Пресвитере Иоанне. Во всяком случае, мы должны быть признательны даже выдумщикам об открытом мною манускрипте, ибо они клеветой своею опять дают возможность, хотя бы и обратным подходом своим, вызвать еще одно внимание к этим жемчужинам духа, живым в претворении веков.

Мне уже приходилось писать о том, что у каждого благожелательного сердца не найдется камня, чтобы бросить в певца мусульманина, по-своему поющего самые высокие слова о Христе, не найдется желания остановить иноземную легенду, собирающую вокруг себя глубоко внимающих сердцем слушателей.

Наука не может содержать в себе ничего разрушительного. Ученые заботливо собирают все крохи предмета, которые когда-то, в чьих-то руках, откроют новые пути истории народов. Путь невежественного отрицания приводит лишь к разложению, а честное познание, прежде всего, строительно в существе своем и в благородстве духа своего не может заниматься никакими бессмысленными умалениями. Мы можем проверять, можем накапливать отрывочные искры народной памяти, которая в своей возвышающей легенде дает истинный, всеобъемлющий смысл, в свое время не оцененный.

Было бы непозволительно невежественною трусостью скрыть эти благостные легенды, открывающие драгоценные тайники души народной и соединяющие то, что было разделено по

скудоумию. С истинною радостью вспоминаю суждение по этому предмету некоторых римско-католических и греко-католических пастырей. Конечно, и светские ученые найдут в себе и справедливость, и добросовестность обратиться к предмету не с уничтожающим желанием, а так же беспристрастно, справедливо и тепло, как согрела легенда Азии бесчисленные сердца народов.

Еще раз спасибо клеветникам, дающим мне возможность вновь произнести эти слова во Благо.

1931 г.

Гималаи

«Ангел Благое Молчание». Кто не восхищался пламенной тайной в образе огневого Ангела? Кто не преклонялся перед всепроникающей вестью этого жданно-нежданного Гостя! Он безмолвен, как сердце постигшее. В Нем хранима нетленная красота духа. Красота в вечности безмолвного и кроткого духа – Он и хранит, и напутствует.

«Ангел есть неосязаемое, огневидное, пламеносное», – говорит «Зерцало». «Языка для слова и уха для слышания не требует, без голоса и слышания слова подает един другому разума своя»... «Мечтательное тело надевают ангелы для явления людям».

В молчании было видение. Исполнились света предметы. И воссиял лик Великого Гостя. И замкнул Он уста и скрестил руки и струился светом каждый волос Его. И бездонно пристально сияли очи Его.

В бережности принес Пламенный весть обновленного, благословенного мира. Тайночью Он дал знак ко благу. В дерзании Он напомнил о Несказуемом.

Без устали в часы дня и ночи будит Он сердце человеческое. Он сказывает приказ к победе духа, и каждый поймет и примет Его на языке своего сердца.

Кто же запечатлел Ангела Благое Молчание? Образ Его писем поморских. Но не только от полуночного моря тайна сия. В ней ясен и покрытый лик вестника Византии. В ней и тайна креста. Запечатлен Ангел Молчания тою же рукою и мыслью, что сложила образ Софии Премудрости Божией. Пламенны крылья устремленной Софии, пламенны же и крыла Ангела Благого Молчания. Огненны кони, Илию возносящие. И пламенное крещение над апостолами. Все тот же огонь, Агни всеведения и возношения, который проникает все Сущее и перед которым слово не нужно.

Рассекают пространство искры динамо. В напряжении расцветают они спиралями восходящие и сверкают как древо ветвями и листьями огня. Логос мысли нагнетает прану, и в трепете смущается человеческое естество перед блистанием языка молнии. Вспыхивает огонь Кундалини. Вращаются колеса Иезекиила, вращаются чакры Индии, грозен глаз Капилы...

Где же предел сиянию? Где размер мощи? Но невидим стал свет, и звук потонул... Ничто не мерцает, и сам аромат праны растворяется. Это высшее напряжение. Недоступно глазу и неслышно уху. Лишь сердце знает, что взывает молчание и переполнена чаша. Сперва молния и гром, и вихрь, и трепетание, и лишь затем в молчании Глас Несказуемый. Говорит Агни Йога: «Первый завет грому подобен, но последний творится в молчании». Сперва Вестник Пламенный, а затем Сама Пречистая София Премудрость...

Сказано: Благодать пугливая птица; стремительны крыла Софии – горе неусмотревшему, горе непостигшему, отогнавшему. Крыло, пламенное по Благодати, ставшее явным, почему явится опять жестокому или робкому глазу? Но сколько огней уже различимых даже неиспытанным оком! Об обителях Света мечтает человечество. Мечтает в молчании, среди мрака в дерзании признаваясь себе. Даже верит ночью, оно днем не исповедует. Хотя и помнит закон: «Верую и исповедую». Сами отлично знают, что вера без утверждения лишь призрак, лишь отвлеченность! Но ведь благодать есть привлеченность и утвержденность. Иначе к чему все туманные вздыхания? И к чему наука, если дух не дерзает на приложение? Никодим во нощи лишь символ веры без последствий, лишь искра без пламени и отепления.

Смердяще разложение. Невыносим холод невежества. Недопустим по вреду своему, по заражению накоплений, по разложению основ. Уже многожды испуганная Благодать птица тревожит белыми крылами у запертых окон, но боимся всего нарушающего невежество наше и надеемся на затворы. Если даже глаз увидит – мы назовем случаем, если ухо подтвердит – мы

скажем – совпадение. Для нас даже Икс-лучи и радий просто нечто, а электричество есть просто фонарь для удобства. Если нам скажут, что мысль изменяет вес тела, – и это не смутит механиков цивилизации.

Необычно увеличивается неправильность кровообращения и губительное давление крови. Последняя форма инфлюэнцы, подобно легочной чуме, сжигает легкие. Пылает гортань. Свирепствует астма. Усиливается менингит и «непонятные» сердечные явления. Но для нас эти показатели пока лишь «модные болезни», не заслуживающие еще общего внимания. Мы слышим о переполнении пространства волнами радио, об отравлении газOLIном, об особенностях пресыщения электричеством... Но думать о будущем неприятно, и судьба гольфного шара равняется иногда судьбе шарика планеты. Мы боимся обратиться, подобно мудрой Хатшепсут, к тем, которые будут жить в грядущие годы, которые обратят сердца свои и будут взирать на будущее.

Но если даже «пугающее» понятие «будущее» и будет признано, то обычно оно будет обставлено такими пережитками вчерашнего дня, что путь к нему сразу превратится в подземелья темницы. Между тем первое условие познания – не стеснять методом изучения. Не настаивать на условных методах.

Познание складывается дерзанием, внутренними особыми накоплениями. Подходы к Единому Знанию так многообразны. Описание этих зовов и вех жизни составило бы нужнейшую и ободряющую книгу. Не настаивать, не узреть, не угнетать указкою, но напоминать о свете, об огнях пространства, о высоких энергиях, о сужденных победах необходимо. Надо собрать все факты, еще не вошедшие в элементарные учебники. Надо нанизывать эти факты с полнейшей добросовестностью, не презирая и не высокомерничая. Также и без лицемерия, ибо за ним скрыт личный страх, иначе невежество.

Никогда нельзя знать, откуда придет полезное зерно или звено завершающее. Физик, биохимик, врач или священник, или историк, или философ, или тибетский лама, или брамин-пандит, или раввин-каббалист, или конфуцианец, или старуха знахарка, или, наконец, спутник, имя которого почему-то забыли спросить, кто и как принесет? В каждой жизни так много замечательного, светлого, необычного. Только вспомнить. Среди напоминаний вспыхивают лучшие, временно затемненные звезды. Итак, опять, не покидая трудового дня, мы близимся не к запрещениям, но к возможностям, осветляющим жизнь. Именно не наше дело настаивать, чтобы не перейти в насилие, ибо насилием ничего не достигнуто. Но, твержу, следует напоминать о радостях возможных. Имена этих радостей духа трудно выразить на языке плотского мира.

«Надежда покоя во все времена заставляла людей забывать великое», – заповедует Преп. Исаак Сирийский. Кто не знает, что и птицы приближаются к сети, имея в виду покой. Счастливы те, кто, осознав беспредельность, полюбили труды каждого дня...

Горение нужно. Огонь костра сзывает в пустыне путников. Так и зов напоминания стучится и доходит под всеми одеяниями до созревшего сердца. Путевые вехи разнообразны. Неожиданны зовы. Но ведь неустанная зоркость и заботливое внимание будут ключами к затворенным вратам. Неуместны отрицания, где заповедано широкое вмещение, честность познания и почитание Иерархии Блага.

В жизнь науки начинает входить непредубежденность. С трудом, под усмешки, но уже в разных странах освобожденные от страха души устремляются к сужденным синтезам. Может быть, скоро будут возможны съезды этих работников созидания. Уже слагаются центры, где безбоязненно, неосужденно невежеством или завистью можно обмениваться доверчивыми мыслями. Будем со всею заботливостью бережно собирать эти разносящие цветы единого сада культуры, помня «не бо врагам тайну повем, ни лобзание дам яко Иуда». Без холода осуждения, без невежества отрицания откроем двери приветов и светлого утверждения каждому

зерну Истины.

Мы делаем из огненного восхищения возвышенных духом Hysteria Magna с повышенной температурой. Вишудга – центр гортани – лишь клубок истерический. Огни Святых Терезы, Клары, Радегунды; сердечная теплота Отцев Добротолубия; Туммо тибетских высоких лам; или хождение по огню в Индии – обряд, живущий и до сего времени; ведь Агни-Дику – Престол Огня тоже издревле помещался в Индии, где тысяча глав горы Маха Меру, – все это еще в пределах ненормальности повышения температуры. Даже разница веса картофеля до разложения и потеря веса при сложении отдельных частей его не заставляет подумать об энергиях, которые пока избегали изучать чистосердечно и добросовестно. Между тем каждый искренний химик сознается, что при любой реакции воздействует какое-то несказуемое условие, может быть, условие личности самого экспериментатора? Присутствие определенного лица воспрепятствовало смерти растений в лаборатории сэра Джагадис Боше, но так как сэр Боше истинный ученый, то он сейчас же отметил это явление. Мало кто обращает внимание на воздействие природы человеческой на жизнь растений. Мало кто настолько утончен и зорок, чтобы принимать факты так, как они есть, а не так, как ему предписали суеверие, предрассудки, эгоизм и самомнение.

Светоносность (тайджаси) Манаса та же действительность, как и светоносные излучения, возникающие особенно при напряжении мысли высокого качества. Художники христианского иконописания, так же как и буддийские мастера, изображали световые излучения с великим знанием. Вглядитесь и сопоставьте эти изображения и вы найдете наглядное изображение и изложение кристаллизации света. Эту действительность ценности мысли, ценности света пора изучать и прилагать к жизни. Пора подумать, что, произнося великое понятие Благодать, мы не впадаем в отвлеченность, но осознаем реальность и драгоценность действительности.

Наступило время установления ценности находимых лучей и энергий. Предстоят долговременные, сознательные опыты над воздействиями и последствиями радия, х-лучей и всей той мощи, которая незримо напитывает и нагнетает атмосферу планеты. Без отрицания, в упорном познании нужно предпринять лабораторный опыт именно многолетних исследований. Там же будет исследоваться и психическая энергия, физиология духа, и светоносность, и мысль, и жизнедатели, и жизнехранители. Огромное целебное и творческое поле, и в самой длительности опытов отразится безбоязненность перед беспредельностью.

Огонь и свет; весь прогресс человечества приходит к этой вездесущей, всепроникающей стихии. Вызванная, она или будет осознана и законно приложена, или опалит неразумие несознательности. И в этом искании слово «Единство» зовет еще раз, и стираются условные наросты Запада и Востока, Севера и Юга и всех пыльных недоразумений. То же «умное делание», та же «тонкая боль» познающего сердца, то же «восхищение духа». И, отбрасывая мелочи наростов, мы усиливаемся тем же Неделимым, Единым и вместе с апостолом повторяем: «Лучше пять слов сказать умом, нежели тьму слов языком».

Не оставим действительные ценности в отвлеченности, но будем неотложно применять их без предрассудков. Перенос действительности в абстракцию есть одно из прискорбных преступлений против культуры. Еще до сих пор часто не чувствуют различия между цивилизацией и культурой и тем самым отсылают ценности последней в облачную недосыгаемость. Сколько уже сужденного изгнано, засорено страхом и лицемерием! Но рано или поздно от страха нужно лечиться и освободить ту массу энергии, которую мы тратим на страх, раздражение, ложь и предательство. Скорей научимся запечатлевать фильмою наши излучения – мы увидим истинный паспорт духа. Говорит Агни Йога: «Оглушая обыденностью, тьма кричит. Тьма не выносит дерзновения света».

Святая Тереза, Св. Франциск, Св. Жан де ла Круа в экстазе поднимались к потолку келий.

Но что ж, скажете, – просто нарушение поляризации... к тому же теперь уже вообще неочевидное. Ну а если и теперь есть свидетели левитации и изменения веса? Пламенный сослужил Святому Сергию. От пламенеющей Чаши Св. Сергий приобщался. В великом огне прогревались незримые истины. Возвышенное сознание озарилось пламенными языками. Во время молитвы Св. Франциска так сиял монастырь, что путники вставали, думая: не заря ли? Сияние возгоралось над монастырем, когда молилась Св. Клара. Однажды свет сделался так блистателен, что окрестные крестьяне сбежались, подумав – не пожар ли?

Много преданий, а вот и нехитрый рассказ о Псковском Печерском монастыре. «Наш монастырь особенный. Отойдите в темную ночь подальше от монастыря да оглянитесь вокруг. Кругом – мрак беспросветный, зги не видать, а над монастырем светло. Сам сколько раз видел. Может быть, это от огней монастырских? Говорят так, кто не знает. Какие в монастыре огни: два фонаря керосиновых да две лампы перед иконами. Вот и все освещение. В городе у нас электричество горит, да и то в темноте не узнаешь, в какой стороне оно находится. Нет, это свет особенный...»

Так же сбежались на пожар в Гималаях и так же вместо пламени уничтожения нашли сияние духа.

Так же стояли горы, окаймленные синими листьями огненного лотоса. Вспыхивал неопалюющий огонь. И пролетали молнии очищения. И не в предании, а теперь, когда знаки так нужны. Когда познание опять начинает подходить к явлениям с благостною рукою и глазами открытыми, когда неотложно выступили многие знаки. И стали их замечать на разных материках различные люди. После всех оговорок, после всех извинений люди стали сознаваться, что не по оплошности, но подлинно видят они самые разнообразные огненные явления. Особое проявление электричества!.. А что есть электричество, того так и не сказали опять.

При землетрясении в Италии видели все небо в языках пламени. Над Англией видели огненный крест. Суеверие ли только, или просто кто-то увидел то, что часто не замечали!..

Попробуйте проверить внимательность людей, и вы ужаснетесь, насколько мы не умеем изоцрять нашу подвижность и зоркость. И сама мысль – этот драгоценный магнит, и мощная стрела не заострена и засорена в пренебрежении. Смейтесь, смейтесь, а все-таки не пытаетесь мыслить четко.

Впрочем, и бокс, и гольф, и крикет, и бейсбол вряд ли требуют силу мысли. Да и скачки, пожалуй, не для мышления. Можно придумать множество занятий, оправдывающих пренебрежение к мысли, но все-таки к творчеству мысленному обратиться придется, и потому малые упражнения внимания не будут излишни. Положительно в школах надо устроить особые курсы обострения внимания и мысли. Ведь редко умеют диктовать два письма или писать двумя руками, или вести два разговора. Часто совсем не умеют сохранить в представлении четкое изображение предмета и запомнить даже незатейливую обстановку. Для некоторых даже почти все иноземцы – на одно лицо. А ведь маленькая внимательность и четкость мысли дала бы огромные находения. Среди гигиены мышления заметим многое такое, что в мещанстве называется феноменами. И еще одна отвлеченность станет реальностью. И еще одна возможность заменит отчаяние отрицания.

Нам не уйти от века огня. И потому лучше оценить и овладеть этим сокровищем. Скепсис хорош в мере разумности, но как сомнение невежества он будет лишь разлагателем. Между тем весь мир сейчас особенно ярко разделился на разрушителей и созидателей. С кем будем?

Наслышаны мы о всяких световых излучениях, но все-таки презрительно слушаем об аурах человеческих и животных. Даже если фотографическая пластинка запечатлевает их, мы скорее напомним на случайный дефект пластинки, нежели вспомним об общеизвестном издревле законе.

Когда мы вспоминаем о «странных экспериментах» Келли – мы скорее назовем его шарлатаном, но не подумаем об особом психическом свойстве его природы. Аппарат действовал в его руках, но отказывался действовать в руках других. Почему тогда каждая машина устает в одних руках быстрее, нежели в других? Каждый опытный инженер замечал это. Почему усталость коня зависит от всадника? И рука сокращает жизнь букета цветов? Ходим вокруг психической энергии. Знаем, что подобно мощной старой *Militia crucifera evangelica*, собравшейся вокруг символа Креста, также должны мы собраться вокруг понятия Культуры. Не умаляя, не унижая это великое ведущее начало, но служа ему во всеоружии беспредрасудочного познания.

И сложно и прекрасно наше время, когда в горниле сплавов сияют многоцветные звезды. Опытные старцы заповедуют: о дивном в сердце делании. «Должно всегда вращать в пространстве сердца нашего имя Господа, как молния вращается в пространстве пред тем, как быть дождю. Это хорошо знают имеющие духовную опытность во внутренней брани. Брань эту внутреннюю надлежит вести так же, как ведут войну обыкновенную».

Когда же солнцем правды рассеются страстные мечтания, тогда обыкновенно в сердце рождаются световидные и звездовидные помышления. Или: «у того, кто установился в трезвении (сознании), чистое сердце отделяется мысленным небом со своим солнцем, луною, звездами, бывает вместилищем невместимого Бога по таинственному видению и восторжению ума».

«Сядь или лучше стань в несветлом и безмолвном углу в молитвенном положении. Не распускай членов. Сведи ум из головы в сердце. Храни внимание и не принимай на ум никаких мыслей, ни худых, ни добрых. Имей спокойное терпение. Держи умеренное воздержание».

Чтобы успособить этот труд, Св. Отцы указали особое некое делание, назвав его художеством, и даже художеством художеств. Естественное художество, как «входить внутрь сердца путем дыхания, много способствующее к собранию мыслей».

«Дыхание через легкие проводит воздух до сердца. Итак, сядь и, собрав ум свой, вводи его сим путем дыхания внутрь, понудь его вместе с сим вдыхаемым воздухом низойти в самое сердце, и держи его там, не давая ему свободы выйти, как бы ему ни хотелось. Держа же его там, не оставляй его праздным, но дай ему священные слова. Попекишься навикнуть сему внутри пребыванию и блюди, чтобы ум твой не скоро выходил оттуда, ибо вначале он будет очень унывать. Зато когда навикнет, ему там будет весело и радостно пребывать, и он сам захочет остаться там. Если ты успеешь войти в сердце тем путем, который я тебе показал, и будешь держаться этого делания всегда – оно научит тебя тому, о чем ты и не думал».

Итак, потребно искать наставника, знающего дело. Деятельность – умно-сердечная молитва совершается так: «сядь на стульце в одну пядь вышиною, низведи ум свой из головы в сердце и придержи его там и оттоле взывай умно-сердечно: Господи Иисусе Христе, помилуй мя. Ведай и то, что все такие приспособительные положения тела предписываются и считаются нужными, пока не стяжется чистая и не парительная в сердце молитва. Когда же Благодатью Господа достигнешь сего, тогда оставишь многие и различные делания; пребудешь паче слова соединенными с единым Господом в чистой и не парительной молитве сердечной, не нуждаясь в тех приспособлениях. Не забудь при этом, что ты, когда по временам будет приходить тебе самоохотная чистая молитва, ни под каким видом не должен разорять ее своими молитвенными правилами... Оставь тогда правила свои и сколько сил есть простирайся прилепиться к Господу, и Он просветит сердце твое в делании духовном.

Даже в глубоком сне молитвенные благоухания будут восходить из сердца без труда. Если и умолкнет она во сне, но внутрь тайно всегда священнодействоваться будет не прерываясь. Ибо только сей посвященный меч, будучи непрестанно вращаем, в упраздненном от всякого образа сердце, умеет обращать врагов вспять и посекаать, опалаять, как огонь солому».

Многотомно можно выписывать из Отцов Церкви и из заветов пустынножителей и подвижников правила их, ими выношенные и примененные в жизни. «Когда сподобится духовных дарований, тогда, непрестанно бывая воздействуем Благодатью, весь содейвается световидным и становится неотклоним от созерцания вещей духовных. Таковой не привязан ни к чему здешнему, но перешел от смерти в живот. Неизреченны и неизъяснимы блистания божественной красоты! Не может изобразить их слово, ни слух вместить. На блистание ли денницы укажете, на светлость ли луны, на свет ли солнца – все это неуважительно в сравнении со славою оною и больше скудно перед лицом истинного света, чем глубочайшая ночь или мрачайшая мгла перед чистейшим светом. Так может говорить познавший из опыта, что есть «сокровенный сердца человек» – «свет, который во тьме светит, и тьме его не объять».

Не отвлеченные символы, но реальное сознание отображал Макарий Египетский, когда писал: «Те, кто суть сыны Света и сыны служения во Св. Духе, те от людей ничему не научатся, ибо они суть богонаученные. Ибо сама Благодать пишет в их сердцах законы Духа. Им не нужно достигать полноты убеждения в писаниях, написанных чернилами, но на скрижалях сердца Божественная Благодать пишет законы Духа и небесные тайны. Сердце же начальствует над всеми органами тела. И если Благодать проникла в долины сердца, то она властвует над всеми членами тела и над всеми помышлениями».

Начало тайны врача – «знание хода сердца» – заповедует египетский папирус. Тот, кто знает духовное сердце, тот знает и «тонкую боль» сердца физического, о чем так проникновенно говорит «Добротолубие». Знающий эту «тонкую боль» познал и огонь любви – не любви воздыхания, но любви действия и подвига. Той любви, которая издревле зовется богочеловеческою, вознося людское чувство. «Какой мудрец знания не будет владыкою любви», – заповедует Агни Йога.

«Тонкая боль», жар огня сердечного ведом потрудившимся в накоплениях опыта. Ведом тем, у кого труд осознанный вошел в молитву, а молитва претворилась в неумолчное биение сердца, в ритм жизни. Спросят ли вас, что есть ритм и почему важно познание его? Значит, воспросивший не знает тонкую боль сердца, и не знает пространства, и не прислушался к гимну природы. Без собственного напряжения не познает он искр подвига, приближающих его сердце к мере созвучия с Бытием и Любовию. Центр Духа связан с центром организма. Связь эта, веками известная, ни научно, ни философски не разгадана, но вместе с тем совершенно очевидна.

Чаша опыта! И этим путем мы опять подойдем к творчеству мыслью – к таинственному, но непреложному «Слово плоть бысть». Таким путем Логос воплощается в телесное. Тайна эта явлена в каждом человеке, в каждом воплощенном духе. Бог вложил человеку вечность в сердце – обитель духа нетленна, вечна через все воплощения. И познает она свет, ибо и сама является источником света. Тонкая боль есть шевеление тонкой энергии, а светоносность есть один из первых признаков действия энергий этих. Когда нагнетется свет этот, когда делается видим и нашему глазу – этот момент всегда остается жданно-нежданым. Завещано держать светильники зажженными, но момент вестника несказуем. Так несказуема и тонкая боль и завет, что радость есть особая мудрость. Можно вспомнить заветы Бхагаватгиты и Агни Йоги, и Каббалы, и пророков Библии, и огонь Зороастра.

Платоновское «солнцеподобие» относится к тем же несказуемым, но светоносным понятиям. Встречаются испытавшие, и для них не нужен словарь, но в движении едином и даже молчании они взаимно поймут язык поверх всех словесных различий. Потому исповедуйте, испытывайте, ибо не знаете, где лучший час ваш и когда вспыхнет огонь над чашею накоплений. Качество мыслей будет вожатым, а ненасытная устремленность будет крылами света Софии. Ведь сиять, но не сгореть заповедано.

Звучание сердечного центра, подслушанное и Сократом, созвучит ритму блага. Очищение материи Спинозы озонируется теми же волнами света. Световой центр сердца может засиять всеозаряющим пламенем – карбункул легенд Грааля.

Агни Йога говорит: «В основе всей Вселенной ищите сердце. Творчество сердца напрягается чакрою Чаши. Величайшая мощь лежит в магните сердца. Слово, не содержащее в себе утверждение сердца, – пусто. Жемчужина сердца – тончайшая напряженность. Архат как пламя несет в сердце все огни жизни». Ориген утверждает: «Глазами сердца видим Бытие». «Для чистых все чисто!» – безбоязненно заповедал апостол Павел. Он знал чистоту и действенность сердца, когда оно ведаёт лишь Благо и как магнит собирает вокруг себя лишь доброе. Магнитоподобность сердца упоминается часто, хотя научно также еще не познана. Между тем сокровища премудрости и ведения постигаются именно умом сердца, чашею любви и самоотверженного действия. Где сокровище ваше, там и сердце ваше. Светоносность сердца подобна флуоресценции моря, когда движение возжигает зримые, бесчисленные образования. Так и дуновение творческой любви возжигает светочи сердца. «Да будет свет», – говорится Мыслью Великого.

Внутренний человек хочет только добра, и в минуты сердечного сияния он необманно знает, где благо. Из сердечного сияния истекает лишь благо, и свет излучаемый может пресекать все изломы нарощенного невежества. Ибо грех и невежество – братья мрака. Жить в духе – значит сиять и благодворить, и постигать, жить в плоти – значит затемнять и осуждать, и невежествовать, и удлинять путь. Но не следует забывать, что, удлиняя наш путь, мы затрудняем и путь близких, потому всякий эгоизм, думание о себе, саможаление, гордыня, всякое невежество – есть престол тьмы. Во имя близких мы не должны нарушать ритм волн света.

Полезны наблюдения над цветами. Сад света также нуждается в заботе и уходе, и струи чистых мыслей лучшее для него питание. Чем напряженнее свет, тем слабее тьма. Даже светоносное сердце прекрасного ангела могло избрать свободу омрачения вместо свободы служения и сияния. Потому нужно неотложное питание сада света, иначе пятнистые языки тигровых лилий пожрут лилии Благовещения и предательская белладонна скроет фрезии сияния вершин. Надо светиться, надо рождать и усиливать свет сердца. Сосияния и созвучия света в свободе познания усилиются взаимно. Безмерна мощь объединенных благом мыслей. Уготован каждому свет, но можем закрывать его сосудом пустым. Сказано: от падения лепестка розы миры содрогаются и перо крыла птицы рождает громы на дальних мирах – какая прекрасная великая ответственность, и не обернем громы, рожденные легкомыслием на бытие земли.

Из этой возводящей ответственности истекает светоносное стремление добросовестно, без разочарований изучать все окружающее. Даже каждый виртуоз нуждается в ежедневных упражнениях. Повторено: «Если ты устал – начни еще. Если ты изнемог – начни еще и еще. И как щит любовь призови...»

Свет сияния мысли не только ощутим глазом, но и доступен фильму. Неотложно нужно несуетное изучение, безбоязненное и неэгоистичное. Очевидность родственна плоти, но не духу. Истина в действительности, но не в патологии очевидности.

Сердце – великий трансмутатор энергий – знает, где содрогание ужаса и где трепет восхищения. Дух отличает пятна ужаса и сияние восторга. Столько лучей и энергий уловляется вниманием ученых, это же внимание должно быть проявлено каждым человеком к ритму и свету, ведущим каждую жизнь. Зачем опалиться и обуглиться, если можно сиять в нетлении. Бог есть огонь, согревающий сердца, говорит преп. Серафим. Он знает тайны сердца, – поет псалмопевец в созвучии восхищения. Когда говорим о прекрасном, о тайнах сердца, то прежде всего имеются в виду прекрасные, творящие мысли. Как самые нежные цветы, их нужно растить, нужно поливать непрестанно радостными струями Благодати. Нужно ежедневно учиться четко и

благостно мыслить. Нужно научиться мечтам – этим высшим росткам мысли. Дерзнем. Не убоимся мечтать в высоте. С горы – виднее. С гор скрижали Завета. С гор – герои и подвиг. Мечта светоносна. Пламенная мечта – порог Благодати. Огонь и мысль. Пламенные крылья Софии Премудрости Божьей.

1930 г.

Гималаи

*И тогда – в гремящей сфере
Небывалого огня —
Светлый меч нам вскроет двери
Ослепительного дня.*

А. Блок

Много раз Блок повторял видение о лучах, о свете, об огне, преображающем Мир. И когда спрашивают Блока, отчего он перестал бывать на религиозно-философских Собраниях, он отвечает кратко: «Потому что там говорят о Несказуемом». Помню, как он приходил ко мне за фронтисписом для его «Итальянских песен» и мы говорили о той Италии, которая уже не существует, но сущность которой создала столько незабываемых пламенных вех. И эти огни небывалые, и гремящие сферы, и светлый меч, процветший огнем, – все эти вехи Блок знал как нечто совершенно реальное. Он не стал бы говорить о них аптечными терминами, но понимал их внешнюю несказуемость и внутреннюю непреложность.

Когда вспоминаешь о великих огнях Реальности, тогда среди недавно ушедших обликов непременно вспомнятся и Блок, и Скрябин, и Леонид Андреев: каждый по-своему, каждый своим языком рассказывал и предупреждал о великих реальностях, опять мощно наполняющих нашу жизнь. Из далекого прошлого люди заговорили опять об Амосе, о рыкающем Льве пустыни.

*«И пожрет огонь чертоги,
Ибо злое это время».*

«Не поколеблется ли от этого земля и не восплачет ли каждый живущий на ней?» – проникновенно указывает Амос, пастырь Фекойский. Опять вспомнили и начали претворять в своих вдохновениях Притчи Соломона, древнейшие Заветы Книги Бытия, вещие страницы Ригведы, Пылающую Чашу Зороастра и все то множество непреложного уже исторического материала, которое говорит нам о том же огне, о том же ослепительном Дне Завтрашнем. Переступилась какая-то бездна. Ближе подошло сознание и к строкам Апокалипсиса, из которых выступили совершенные, ясные указания исторического и географического смысла. Люди особенно прилежно вспомнили одно время полузабытого Нострадамуса и вдруг, точно сняв восковые печати, закрывавшие смысл, убедились в длинном ряде совершенно явных исторических фактов, уже совершившихся и совершающихся на глазах наших, о чем за триста лет предвидел этот ясновидец. Вошли на научные страницы видения Сведенборга. Австрийский профессор издал Парацельса.

В какие-то, точно вновь открытые Врата подходят люди к хранилищам старых вечных заветов. Вместо отталкивающей нетерпимости, не приводящей ни к чему, кроме зла и разложения, появились проблески творящего синтеза. Появилось ощущение той великой истины, которая существует предвечно и выражалась во многообразии вековых трансмутаций. После удручающего понятия осужденности выступило понятие Сердца и Огня и той Беспредельности, в которой широко вмещаются строения всех прозревших душ.

Толстой говорил: «Случалось ли вам в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда

править выше того места, куда вам нужно: иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше – жизнь все равно снесет». «Пусть очень высоко руль держит, тогда доплывет», – пожелал Толстой моему «Гонцу».

«Не смотри в бегущую воду», – говорят монгольские ламы. По опыту перехода верховьев быстрой Голубой реки во время ледохода знаем, насколько нельзя смотреть в эти стремительно несущиеся струи, пронизанные хрустящими льдинками. Нужно избрать дальнюю точку горизонта, чтобы не потерять равновесия. Эти два принципа, «как можно выше» и «как можно дальше», всегда вставали перед человечеством, а сейчас встают, может быть, особенно остро.

Ох, эти несущиеся льдинки, острые-преострые, холодно-ломкие, коней пугающие, точно какие-то заледенелые сердца человеческие, которые, и сами разбиваясь в стоне, стараются подсесть твердую поступь всего идущего «дальше» и «выше». Не против ли этих льдинок-сердец сейчас так стремительно обратилось сознание человеческое к огню. Что же противопоставить льдине и холоду и миражному потоку, как не огонь, освещающий, согревающий огонь, на котором куется меч светлый! Поиски тепла согревающего, творящие тепловые светочи, которые так выражены в обращении к Великой Матери Мира, оставят светлые зерна и для нашего времени.

А за поисками тепла, за обращением к великому женскому сердцу мы опять обратимся и к поискам центра. В сердце восчувствуем, что нельзя более жить окраинами, нельзя более расчленяться, но создавать можно, лишь осознав центр, тот самый центр, тот самый Град Светлый, о котором столько сказано во всевозможных прообразах.

Кажется, уже вылиты чаши Апокалиптических Ангелов. Если и горчайшее этих чаш не пробудит сердце человеческое, то ведь и пламень великий куда обратится? Не к опалению ли? Сможет ли непробудившееся сердце трансмутировать этот жгучий пламень очищающий? И если человечество не захочет осознать, во имя чего можно собраться ему, то оно пронесется подобно разбивающимся холодным льдинкам Великой Голубой реки Жизни. Если этот пример разбивающихся льдинок дан нам Голубою рекою, то как же мутно-ужасны струи реки Желтой, постоянно носящей множество трупов. И Голубые и Желтые реки напоминают нам о примерах потери центра, потери единения, потери того простейшего и здорового чувства духовного просветления и накопления.

Примеры истории, с одной стороны, вдохновенные слова поэта, с другой, ведь это не метафизика, это не отвлеченность, а это то самое, во имя чего и грозно и моляще раздавались голоса пророков, предупреждая в самых сверкающих и зовущих образах человечество, забывшее о том, что и «выше» и «дальше».

И вот человечество вошло в кризис. Человечеству некому продать товары. Человечество не знает, в чем работа его, и не имеет работы этой. Вопрос о безработных является ужасной печатью века сего. Безработица прежде всего есть утеря смысла существования, есть следствие ужаса прикрепления существа своего к бегущим, осужденным на таяние льдинкам.

Человек научился завинчивать один винтик, который отвлек его от осознания смысла его бытия. В бедности человек дошел до самых огрубелых форм жизни, иногда более грубых, более бесформенных, нежели орудия каменного века. И в оскудении духа своего человек даже не пытается противостоять потоку обреченных льдинок, которые понесут его в безбрежный океан хаоса.

В ужасе человек ополчается на Прекрасное. Он старается оговорить, низвести ниже все то, что создавалось когда-то истинным подъемом духа. Человек старается разрушить Храмы. Ведь и льдинки пытаются срезать ноги коней переплывающих. Человек пытается перестать читать и с изумлением смотрит, если какие-то, с его точки зрения несовременные, кружки молодежи все же обращаются к великим Заветам. Долго нужно перечислять все те льдинки, которые создают

ужас современного существования; те льдинки, которые в ожесточении пытаются уничтожить все на холодном пути своем.

Но не было времен безысходных, ибо безысходность противоречила бы Беспредельности. Как великий Светоч, восстает мощный Огонь, который может трансмутировать каждую льдинку в очищенную энергию. Потому-то велико сейчас время. Грозно оно, но, противопоставив лед огню нетленному, можно знать и исход. Конечно, каждый свободен избрать или лед, или огонь творящий. Также каждый свободен остаться в той постыдной середине, которая причиняет, может быть, наибольшие страдания. «Ни холоден, ни горяч, но тепл», – говорят об извергнувших.

Сферы, нашедшие центр, начинают петь, ибо хаос петь не может. Музыка сфер там, где уже найден ритм, где уже найдено число, и в этом законном исчислении рождается великий ритм, сердца открывающий. Легко испепелится огнем сердце, ритма не знающее, но сотрудник, творящий Бытия, – ритм воссоздает то пламенное сердце, которое становится нетленным и вечно восходящим, как и сам великий Огонь Пространства.

Сегодня 24-е число, число очень замечательное, хочется вопреки всем смущающим газетным известиям думать об Огне, о творчестве, о пламенном сердце и о пламенной мысли.

«Кто не боится остаться непонятым, тот с нами. Кто не боится соединить русла больших течений, тот наш друг. Кто не боится увидеть свет, тот от орлиного глаза. Кто не боится войти в огонь, тот огненного рождения. Кто не боится невидимого, тот может пронзить тьму. Кто не боится обойти мир, тот к дальним мирам обращен. Кто не боится знать заветы мудрости, тот будет с нами. Мы отказались и приобрели. Мы отдали и получили. Познающий идет подобно пустынному льву Кто отзовется на рыкание льва? Лишь лев, освобожденный от страха».

«Где же узы? Где цепи? Познание дальних миров сложит венец достижения» (I, 481. «Знаки Агни Йоги»).

«Три огня. Затем чаша подвига» (I, 465). Зовет к мужеству и познанию Агни Йога.

24 января 1932 г.

Гималаи

В полном безветрии затрепещет ли ветка на дереве, думаете вы: Он ли? На тихом лугу вдруг завьется, закружится травинка, а движения воздуха не слышно: Он ли? Из далей протянется зовущий звук, точно бы звучание рога или чей-то призыв: Он ли? Со скалы покатился камешек: Он ли? Конь прервал бег и одинокий в степи слушает что-то. Поднята голова, ноздри напряжены, грива и хвост развеялись по ветру – Он ли? Собака вдруг остановилась. Поднята морда, слегка машет хвостом, глаза устремлены. Он ли? Зашуршал на скате песок – Он ли? Человек вышел из юрты, что-то слушает, куда-то глядит. Он ли? Ветер запел еще неслыханную мелодию, гремит и звенит, в нем слышится какое-то почти внятное слово. Он ли? Загрохотал гром, молния блеснула, все встrepенулись, обернулись. Он ли? Все так замолкло, так напряглось в молчании и так наполнилось. Он ли?

Присутствие, великое присутствие наполняет природу. С чего бы колыхаться травинке, почему трепетать ветке дерева, откуда хруст валежника, почему срывается песок с горы, почему и куда всматривается напряженно собака? Он идет. Он приближается. Если сосчитать удары сердца, то в их ускоренности, в их наполнении можно понять, насколько сущность знает приближение. Он неслышно идет. Он не испугает. Он обережет, и если даже дотронется в ведении, то и это прикосновение будет непередаваемо земным словом, он всегда жданный, всегда внутренне ошущенный. Он запечатленный в глазу и все же незримый. Он всегда слышимый и в буднях невнятный. Он пламенный и рассеявший тьму. Его прохождение прекрасно. Его ждут и даже не понимают напряженности этого скрытого ожидания. И свет незримый и гром неслышимый все-таки и зримее и слышнее самых обыденных звучаний. В глубокой пещере звучат удары барабана.

И в другой пещере они слышны. А то, другое, хотя и неслышимо, но заставляет еще сильнее биться сердце.

Можно загрузеть. Можно натереть мозоли на душе и на сердце. Можно помозолить язык паскудными выражениями. Можно дойти до усмешки над тем, что заслуживало бы лучшие почитания. Вот уже и сердце как будто окаменело. Но когда неслышимая поступь коснется близлежащего камня, когда дрогнет под шагом тихим и быстрым песчинка, то и самое окаменевшее сердце содрогнется. Как бы ни бахвалилось сердце человеческое, в какую бы мохнатую шкуру оно ни пыталось зашить себя, все-таки от неслышного гласа оно вздохнет о чем-то возможном, о чем-то отогнанном.

Кто же заставил отогнать то, что уже было так близко? Кто же понуждал затыкать уши, когда благий голос взывал и просил опомниться? Ведь одеревенение не только происходит в каких-то кровавых преступлениях. Кровь сердца проливается и словами и помышлениями. Изгнана любовь, испугана вера, отброшена надежда, и, скорбна, отошла София-Премудрость. А ведь она крылом своим уже касалась. Ведь по псалму:

Когда утверждал основание земли,
Тогда я была при Нем
строительницей.
Я была Ему каждый день веселием,
Непрестанно радуясь пред лицом Его.
Теперь послушайте меня, дети,
И блаженны суть хранящие
пути мои.

Послушайте наставления.
И сделайте мудрыми
и не отступайте:
Блажен человек, слушающий меня.
Бодрствующий каждый день
при дверях моих,
Ожидаящий при столбах
у ворот моих,
Потому что нашедший меня
нашел жизнь
И получит благословение от Господа.
Но согрешивший против меня
Наносит вред душе своей.
Все ненавидящие меня
Любят смерть.

Он всегда заповедует о жизни, о жизни вечной. Он знает великую строительницу. Он знает пути ко Господу. Он говорит: Исполните все пути мирные, испытайте всю меру мира, и тогда победа за вами. Он благословит битву после того, как удостоверится, что пути мирные исчерпаны. Он допустит все испытания и в них укажет прочные камни перехода и восхода.

Он никогда не обременит непосильно. Он укажет путь, всегда новый, неожиданный в своем несказуемом значении. Он придет в минуту последнюю, там, где вера и под пламенем жара продолжает цвести благоуханием. Он, познавший видение Владычицы, знает, как может трепетать сердце.

Он никогда не нарушит доброе сердце человеческое. Он оценит каждое сердечное устремление. Он знает, что такое признательность. Он умеет направить на путь кратчайший.

Он дает хорошие пути. Он не считает расстояния, ибо знает меры нездешние. Он скажет идущему на запад – поверни к востоку. Он обернет устремленного к северу на юг. Он шепнет не расседлывать коня на ночь и не закрывать входа шатра. Он указывает наступление там, где людскому считается отходом. Он знает лучшее приближение даже там, где люди в стесненности полагают уход. Он говорит отходящему – «ты приближаешься». Он торопит, не считая меры земные.

Он ведет к поспешению. Он знает невидимые меры времени. Он оборачивает стрелы демонов. Он пронизывает тьму светом незримым. Он всегда недалек. Он пройдет иногда близко и человечески слышимо, чтобы напомнить и обострить ухо человеческое. Он воссияет мгновенно, чтобы просветить и глаз человеческий. Если отемневает глаз, то засияет и просветление – было бы и сердце преданно и трепетно.

Он не покинет, если не отринуть руку водящую. Он сказал о вере, о доверии. Он сказал о надежде – знании. Надежда – знание. Творяща вера. И любовь окрыляющая. Он скажет ли: иди назад. Он знает только продвижение, но вехи путей разноличны. Ему сослужил Пламенный. Сам Пламенный сослужил и даже дал себя быть видимым. Кто же может утверждать, что никогда не увидит, и откуда пришло бы такое утверждение, не от смерти ли? Жизнь говорит – захоти и увидишь, пожелай и познаешь.

Он – воевода ведущий. Он ведет неутомимо и непрестанно. Малoverы, неужели подумаете, что остановитесь? Неужели помыслите об отступлении? Он со знаменем, с утверждением ведет. Он доведет. Он построит. Он уже несет град сложенный. В Звенигороде колокола новые. Он дал

им язык. Он слил металлы горные с воздушными силами, чтобы удостоверились.

Он идет. И неслышно, и ветка не хрустнет. Он проходит – и скалы сокрушаются. Он поспешает – и гром гремит, и сияет молния. Он идет – Воевода.

10 августа 1935 г.

Тимур Хада

Орион сияет. Помним, перед носом какого судна сверкало то же созвездие. Помним, в каких горах, из-за каких вершин светил великолепный Орион. И теперь твердо знаем, кому он светит и кто на него смотрит. Те же небесные знаки.

В Храме Неба тоже оказался знак знамени. Танга Тамерлана состоит из того же знака. Знак трех сокровищ широко известен по многим странам Востока. На груди тибетки можно видеть большую фибулу, представляющую собою знак. Такие же фибулы видим мы и в кавказских находках, и в Скандинавии. Страсбургская Мадонна имеет знак этот, также и святые Испании. На иконах Преподобного Сергия и Чудотворца Николая тот же знак. На груди Христа на знаменитой картине Менлинга знак запечатлен в виде большой нагрудной фибулы. Когда перебираем священные изображения Византии, Рима, тот же знак связывает Священные Образы по всему миру.

В разном устремлении к Высшему сознание объединилось на тех же ступенях. Именно разнообразие подходов, среди желаний выразить наивысшее, является таким ценным признаком.

На горных перевалах нерушимо остается тот же знак. Для выражения быстроты, поспешности, нужности Знак несет Конь Белый. А видали ли вы в Римских катакомбах тот же знак?

И все-таки найдутся люди, которые не захотят мыслить по-лучшему, но будут пытаться прикрепить к Знаку какие-то свои наименьшие соображения. Ведь тогда можно одинаково сказать и про многие другие великие знаки, что они употреблялись будто бы в разных значениях с разными намерениями. В таких соображениях человек скорее всего выскажет свою собственную сущность.

Вводя незнакомого человека в дом свой, вы можете сразу распознать его сущность по степени его внимания к окружающим предметам. Найдутся люди, которые перед прекрасной картиной обратят внимание на позолоту рамы. Другие, увидав Венеру Милосскую, не найдут ничего лучшего, как спросить, а где у нее руки. Третьи, приближаясь к Чудотворной Иконе, заговорят о непривлекательной для них суровости лика. Найдутся такие, которые из всей ценнейшей обстановки ухитрятся обратить внимание на самое незначительное.

По когтям узнаете льва. Так же точно можно сказать: по мусору узнаете мышей. Иногда даже как-то прискорбно слышать, как люди берутся судить о том, чего они не знают, о чем они вообще и не думали. При этом лишь от своего желания или похвалить, или осудить. Даже не зная, чем аргументировать, такие осудители выставляют просто свое «да» или «нет». Они даже не потрудились хотя бы для самих себя, приличия ради, озаботиться какими-либо доводами. Для них единственным соображением остается или место, или личность, или время, в зависимости от которых или нужно принять, или отринуть. В отрицании своем они готовы произнести любую хулу, они не остановятся перед кощунством, лишь бы выполнить свое темное предубеждение. Великий провидец Гоголь выразил ту же мысль в скорбных словах: «Мы имеем чудный дар делать все ничтожным».

Именно большие создатели должны были всегда особенно четко чувствовать весь ужас, когда на их глазах что-то большое делалось ничтожеством. При этом орудия такого умаления бывали самые грубые, самые невежественные. Если бы самый малый полицейский приказал этим невеждам сказать обратное, то ведь они бы ни на минуту не задумались, ибо осмысленного основания в суждении их вообще не было. Им казалось, что их властителю – его величеству пошлости – так будет угодно. А это веление, конечно, вполне отвечало их собственной сущности.

Во всяком случае, во всех насилиях подлых прежде всего нет великой основы – благоволения. Какое прекрасное слово благоволение! Оно стоит в том же разряде, где хранится и другое ценное понятие – милосердие.

Подлые невежды не знают ни того, ни другого. Мало того, и благоволение, и милосердие будут тревожить ум подлый, как нечто напоминающее о чем-то великом и отвергнутом. Темный дар делать все ничтожным должен быть опознан и выявлен, как нечто самое стыдное. Что же может стоять за этим темным даром? Ведь там уже предательство будет гнездиться. Если злодей не успел нечто сделать лживым, то он станет предательствовать, чтобы так или иначе принести свое возлияние в бездну тьмы. Даже на простых обыденных предметах вы можете замечать, на что человек обращает свое первое внимание. Так же точно вы почувствуете различие людей по их отношению к великим знакам.

Из-за Си-Шаня сверкает великолепная Венера. Знаем, что на нее же любуетесь Вы в Гималаях. Знаем, откуда и через какую долину и поверх каких снеговых вершин смотрите Вы в часы вечера. Глядим на звезду, а слышим шум деодаров и все предночные голоса и звучания горные. Сколько зовов и знаний созвано одной звездой. Небесные вежи настораживают и соединяют сердца.

Те же звезды, те же знаки небесные наполняют сердца благоволением вне пространства и времен.

14 февраля 1935 г.

Пекин

С отвесных скал, как серебряные нити небесные, сверкали водопады. Светлые брызги ласкали камни с древними надписями об Истине. Разны камни, различны знаки надписей, но все они о той же Истине. Садху припал губами к камню и пьет благодатные водопадные капли. Гималайские капли!

На богомолье в Трилокнат, к древней святыне, тянутся вереницы садху и лам. От разных путей вместе идут они. Кто с трезубцем, кто с тростью бамбука, а кто и вовсе безо всего, и без одежды, совершает духовное хождение. Снега перевала Ротанга им нипочем.

Все ли хороши? Все ли вышше духовны? Но ведь и ради одного праведника Град бывает помилован. Уж простите, ходим по-хорошему.

Идут богомольцы, знают, что здесь жили Риши и Пандавы. Здесь Беас или Виас, здесь Виасакунд – место исполнения желаний. Здесь Риши Виаса собирал Махабхарату.

Не в предании, но в яви жили Риши. Их присутствие оживляет скалы, увенчанные ледниками, и изумрудные пастбища яков, и пещеры, и потоки гремящие. Отсюда посылались духовные зовы, о которых через все века помнит человечество. В школах заучивают их, на всякие языки переводят, но кристалл накопленный их наслоился на скалах Гималайских.

Здесь и Риши Виаса, составитель Махабхараты, и Риши Васишта, открывший целебные источники, и Риши Капила, уничтожавший зло смертным глазом, и Риши Гаутама, и Пахари Баба, и Гута Чохан, и Нар Синг – каждый с целым эпосом подвигов во Благо. Здесь отдыхали Пандавы от трудов бранных. Здесь и подземный ход Арджуны из Кулу в Мани-карн. Здесь и Чандра-Бхага, издавна ознаменованная в Пуранах. Здесь и страна Хахор, и священные книги, сокрытые от гонений нечестивого царя Ландармы. Шепчут ведуны, что воплотился он в Тибете.

«Где же найти слова о Творце, если вижу несравненную красоту Гималаев?» – так поет индус. По путям Гуру, по высотам Риши, по перевалам путников духа наслоилось то, что не смоят ливни и не испепелят молнии. Идущий к добру благословен на всех путях. Трогательны повести о том, как встречались праведники разных народов. В бору деодары касаются под ветром вершинами. Так и все вершинное встречается, не поражая и не вредя. Когда-то споры решались единоборством, а соглашения беседою глав. Как деодары совещались между собою. И слово-то какое милое, деодар – дар Божий. И названо все не просто, ибо целебна смола деодаров. Деодар, мускус, валериан, роза и вся прочая благая аптека Риши. Хотели отменить ее множеством открытий, и все-таки опять обращаются к основам.

Сказка ли о чудесном камне? Но ведь вы знаете, что это не сказка. Знаете, как приходит камень. Сказка ли единорог геральдики? Но ведь вы знаете о непальской однорогой антилопе.

Сказка ли Риши? Герой духа не сказка, и это знаете вы.

Вот снимок человека, неповредимо идущего через огонь. Это уже не рассказы, но неоспоримый снимок, снятый начальником полиции Пондишери. Очевидцы расскажут вам о таких же огненных испытаниях и в Мадрасе, и в Лакнау, и в Бенаресе. И не только сам садху проходит без вреда по пылающим углям, но он ведет за собой и желающих, за него держащихся.

Вот в Ганге у Бенареса сидит садху на воде в священной позе. Скрещенные ноги его прикрыты водными струями. Народ сбегается к берегу и дивуется на святого человека. Там же на остриях железных гвоздей, как на мягкой постели, лежит другой садху, и на лице его нет и тени страдания или неудобства.

Вот садху, заживо погребенный на многие дни; вот еще садху, без вреда принимающий яды. Вот лама летающий; вот лама, посредством «туммо» саморазвивающий жар среди снегов и ледников вершинных; вот лама, поражающий смертным глазом пса бешеного. Степенный лама

из Бутана повествует, как в бытность его в Тибете в области Цанг один лама просил перевозчика переправить его через Цампо без платы, но лукавый лодочник сказал ему: «Перевезу, если докажешь, что ты великий лама. Вон бежит всем опасный бешеный пес – порази его!» Лама же ничего не ответил, посмотрел на бегущего пса, поднял руку, произнес несколько слов, и пес упал мертвым! Так видел бутанский лама. О таком же «смертном глазе», о «глазе Капилы», приходилось слышать не раз и в Тибете, и в Индии. А на карте, изданной в семнадцатом веке в Антверпене с ведома католического духовенства, значится страна Шамбала.

Как и на карте Антверпена, и на снимке начальника полиции Пондишери, так же и в показаниях лам мелькают те же разбросанные части одного великого Познания.

Если один может идти по огню, а другой сидеть на воде, а третий подниматься на воздухе, а четвертый покоиться на гвоздях, а пятый поглощать яды, а шестой поражать взглядом, а седьмой безвредно лежать под землей, то ведь некто может собрать в себе все эти крупы познания. И так может пребороться препятствие низшей материи! И не в каких-то дальних сказочных веках, но теперь, здесь, где испытываются и космические лучи Милликана!

Но все это еще не Риши. О Риши, о великих душах, Шри Васвани говорит замечательно. Этот светлый проповедник блага и духовный водитель, голосу которого очень внимают, замечает: «Благословен народ, вожди которого следуют за мыслителями, мудрецами, провидцами. Благословен народ, получающий вдохновение от своих Риши. Риши преклоняются лишь перед Истиной, не перед обычаем, условностями или признанием толпы. Риши суть великие повстанцы человечества. Они низвергают наши Культы удобства. Они великие несогласители истории. Не косность, но Истина их завет. Нам нужны сейчас эти восставшие духом во всех областях жизни – в религии, в государстве, в образовании, в общественной жизни» («Заря». Июнь 1932).

Слова замечательные! Не все Риши по огню ходили и не все заживо хоронили себя, но каждый из них вносил целую духовную область во Благо мира. Каждый из них, как Бодхисаттва, владея мастерством, укреплял новое завоевание прогресса!

Каждый из нас на своем языке произносил священную клятву о построении мира обновленного, возвышенного, утонченного, украшенного!

Ради одного праведника целый Град бывал помилован. Этими маяками, громоотводами, твердынями Блага стояли Риши. Разных народов, разных вер, разных веков, но Единого Духа, во спасение и восхождение всех!

По огню ли пришел бы Риши, приплыл ли на камне, прилетел ли в вихре, но поспешал всегда во Благо общее. Молился ли Риши на вершинах, или на высоком берегу реки, или в пещере зарослей, он посылал моление о всех неведомых, неизвестных, труждающихся, болеющих, трудно ходящих!

Посылал ли Риши белых коней во спасение неизвестных путников, или благословлял неведомых мореходов, или хранил Град во ночи, он всегда стоял столпом светоносным для всех, без осуждения, без утешения огня.

Без осуждения, без взаимоподозрения, без взаимоослабления шли Риши на гору, на вечную гору Меру.

Перед нами путь на Кайлас. Высится одно из пятнадцати священных чудес, исчисленных в книгах Тибета. Гора Колокола. По острым кряжам ходят к вершине ее. Стоит она поверх последнего можжевельника, поверх всех желтых и белых складок нагорных. Тут ходил и Падма Самбхава, о том говорит древний монастырь Гандола. Именно здесь пещеры Миларепы. И не одна, но многие, освященные именем отшельника, слушавшего перед зарею голоса дэв. Здесь же и духовные твердыни Гаутама Риши. Недалеко и легенды, сложенные около Пахари Баба. Ходили тут многие Риши. И тот, который дал горе зовущее имя Колокола, тоже думал о

колоколе для всех, о помощи всем, о Благе Вселенском!

Здесь жили Риши во Благо Вселенское!

Когда же на горных путях встречаются Риши, они не спрашивают друг друга: откуда? От Востока ли, от Запада, от Юга, от Севера? Ясно одно: за Благом и от Блага. А сердце возвышенное, утонченное, пламенеющее знает, где Оно и в чем Оно – Благо.

В караване спутники начали спорить и обсуждать качества различных Риши. Но седой пилигрим указал на снежные вершины, в красоте сияющие, сказав:

«Нам ли судить о качествах этих вершин? Можем лишь в недосыгаемости восхищаться их великолепием!» «Сатьям, Шивам, Сундарам!»

1932 г.

Соппротивление злу

«Отойди от зла и сотвори благо», – заповедует апостольская мудрость. В кратком завете заключено два определенных действия.

«Отойди» и «сотвори». И не тем «сотвори», что только отойдешь. Нет, «отойди» и непременно «сотвори благо». Одно отхождение от зла еще только половина дела. Но «сотвори», сделай, создай благо, как противовес злу. Кратко и безусловно указано сотворить благо. Без действия, без сознания, без устремления духа не будет достижения и выполнения завета. Но как часто для самоуслаждения этот бодрый и повелительный завет превращался в кислое и неподвижное в существе своем отхождение. Если отойдешь, то уже и благо будет. Нет, родные мои, не слишком ли легко? Для блага нужно еще всеми силами духа и тела потрудиться. Благо не орех, требующий лишь крепкого зуба. Из безмозглости, из спящего сознания благо не воссоздается. Пашня блага, с посевами и жатвами, заповедана Апостолом в истинном всезнании жизни. И еще вопрос, когда больше пота упадет, при посеве или при жатве. Тот же неустанный зов к действенному труду рассеян во всех апостольских зовах. Ведь зло в основе своей активно. Оно отошло от блага и в отхождении уже проявило сущность активности. Значит, и противовес прежде всего должен быть активен. Зло утверждает себя, ибо иначе оно не привлечет к себе. Так же утверждает себя и добро и благо, ибо без дел оно мертво.

Не сражение со злом, не возвеличение этим врага заповедует Апостол, но творческое создание блага. Свет не борется со тьмою, но сожигает, вытесняет ее. Но для такой победы требуется поступательная скорость света. И какая скорость и неудержимость!

Апостол заповедует благородное сопротивление злу созданием массы блага, которая, подобно свету, прободает и рассеет любую тьму зла. Конечно, без сопротивления и поступательного действия зло неминуемо будет догонять отступающее благо, ибо полно все пространство. Отступая, мы увеличиваем поле врага.

Как же определить зло? Восточная мудрость указывает: «Противостояние злу является одним из основных качеств ищущих Иерархию. Не физические свойства дадут упорство перед злом, но дух и огонь сердца создают доспех перед ухищрениями зла. Но как понять зло? Конечно, оно прежде всего разрушение. Но ведь замена ветхого дома новым и лучшим не будет разрушением. Значит, разрушение есть разложение, приводящее в аморфное состояние. Такому разложению надо уметь противостоять.

Нужно найти силы духа превозмочь боязнь, свойственную непротивлению злу Так пусть готовятся к противостоянию злу».

Та же мудрость предостерегает: «Разве мало землетрясений? Разве мало крушений, бурь, холода, жара сверхмерного? Разве не поднимался Крест огненный? Разве не сияли звезды в дневное время? Разве не пылала огненная радуга? Разве мало знаков умножившихся? Но человечество не хочет знать явлений перед явным среди хаоса. Так не будем настаивать на зрячем знаке, когда сомнение ослепило людей. Но среди слепых и глухих находятся дети Огня. К ним мы посылаем знаки, чтобы узнавали наступление Света».

И так опять без осознания происходящего, без действенности мы снова будем подпадать под зло. Опять будем соприкасаться с бессмысленным разрушением, с отвратительным возвращением к аморфности, не проявленности.

Кто имеет право – возратить проявленное величайшим творчеством во тьму не проявленного? Кто же может гасить свет во имя тьмы?

И не указано ли действиями оформлять и углубить сознание свое? Без сознания как же пойдем, где благо? Сэр Джинс замечает, что если дать обезьянам пишущие машины, то, может

быть, в миллион лет они в непрерывной, случайной стукотне выстучат и сонет Шекспира. Но какова будет ценность этого бессознательного стука?

Слепой стрелок, пускающий в пространство стрелы, тоже может иногда получить добычу, но он-то не будет участвовать в этом успехе.

Миллионы лет разбрасывает человечество стрелы в пространство, но из них лишь немногие посылаются сознательно во благо. И потому велико смятение и саморазрушение вместо вытеснения тьмы. По совести признаемся, разве облегчило или разрешило человечество житейские проблемы свои? Наоборот, все задолжали и материально и духовно; все перезаложились так, что даже и не установить, где конец и начало перезаклада всемирного. Даже материально люди утратили учет своего достояния, ибо подвергли его бесчисленному количеству ими же измышленных нагромождений. Точно деловой контракт, в котором хотели механически предусмотреть все условия и среди перегружений изложили вместо четырех четвертей – пять четвертей в одном целом. Без осознания блага теряется смысл начертаний.

Что же есть благо? Если зло есть разложение и аморфность, то благо должно быть созидание, творение, всепонимание общей пользы. Та же мудрость заповедует: «Трудись, твори благо, чти Иерархию Света. Этот завет наш можно начертать на ладони даже новорожденного. Так несложно начало, ведущее к Свету. Чтобы принять его, нужно иметь чистое сердце».

И еще: «Скажу изуверам и ханжам о предательстве. Они полагают предательство лишь в тридцати сребрениках, но забывают, что оно в каждой хуле и поношении. Не следует думать, что злобное слово не будет предательством. Именно часто злоба неотделима от предательства и клеветы. Одно черное древо питает эти позорные ветви. И следствие будет так же черно, как черны корни позора. Нужно отучиться от ужаса злобных слов».

Так отграничивается тьма зла от творящего благо.

В технологии есть очень занимательная глава о сопротивляемости материалов. Можно легко переложить эти вычисления на язык человеческих соотношений и получить поучительные заключения о жизненности сопротивляемости. Кто хочет умереть, тот легче всего и умирает. Жизненность – в цельности, в движении, в наполнении пространства. Наполняя пространство благом, посылками и мыслями блага, мы получаем космическую поддержку нашему сопротивлению злу. При нагнетении этом получается энергия, безгранично возрастающая. Поэтому благотворчество есть наиболее достойное и практичное занятие. И сколько возможностей и больших и малых, измеряемых и неизмеряемых, заключает в себе благотворчество. И сколько чисто медицинских решений несет в себе профилактика блага. Кроме того, в существе своем благотворчество, как энергия поступательная, устремляет нас неудержно вперед. В этом священном наступлении никакая тьма не страшна.

Не забудем, что та же апостольская мудрость, которая говорит о «духе утешителя», она же утверждает и «возмущение духа». Без этого священного возмущения не возмутятся воды и не последуют исцеления.

Вы знаете, что самую действительною защитой в ночное время от леопарда и тигра будет мощный электрический фонарь. Слепленное исчадие тьмы в ужасе отступает и скрывается, если волна света безбоязненно направлена в глаза. Еще более могучий свет излучает сердце человеческое. Пронзает тьму этот луч, если возмущение духа послало его непреложно, без серых сомнений.

«Смертный глаз» Йога безошибочен, если он защищает Благо. Но Йог и не будет Йогом, если он в благом пошатнется. Главное же не потушить «электрический» свет сердца нашего. Перед этим сиянием отступят все исчадия тьмы. Отступят и соберут на себя все то, что сами готовили против Блага. Сопротивление злу будет тем благородным действием, которое заповедано высшим Учением. Из благородного нагнетения энергии рождается та возвышенная

утонченность, которая является основанием Культуры.

Кейланг. 1931 г.

О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движенъи вещества,
Теченьем времени предвечный
Без лиц, в трех лицах Божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все Собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем – Бог!

Так в 1784 году первый русский поэт Державин начал свою бессмертную оду «Бог».

Первый основной член Символа Веры читается: «Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца Неба и Земли; Видимого же всем и Невидимого».

Ко Всевышнему, к Дыханию всех Дыханий, к Атману всего Сущего, все народы на всех языках приносят свое сокровенное и непреложное устремление. Каждый в пределах своего сердца, в пределах своего разумения красоты, прилагает лучшее название Элохиму. Пусть эти священные Имена многообразны, но, сложенные воедино, они дают трогательную симфонию всего самого лучшего, самого высокого, что только мог произнести язык человеческий и что могла начертать воплощенная рука всеми Священными Иероглифами.

Священнейшая Непреложность Бога Всевышнего зачинается в каждом детском мозгу, впервые обратившемся к мирам бесчисленным, и приходит эта мысль к той же светлой формуле: «У Отца Моего Обителей много». И другая формула, такая же безмерная в величии своем, утверждает: «Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть Дух и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в Духе и Истине».

Только что вышла книга-Симпозиум «Нашла ли наука Бога», в которой Эд. Коттон собрал мнения ученых о Боге. Среди ряда выдающихся имен мы видим и Милликена, и Эйнштейна, и Лоджа, и Томсона, и Берда, и Куртиса, и Эддингтона, и Матера, и каждый из них по-своему славословит это высшее всеобъединяющее Понятие, без которого невозможно стало бы само представление о величии Беспредельности.

Прошло короткое время, когда во имя какой-то ложной материалистической научности были отрицаемы великие Реальности. Атеизм в истории человечества являлся теми пароксизмами отчаяния, когда человек, по вине своей очутившийся в полной тьме, теряет представление об окружающем, о формах, о смысле. Еще прошлое поколение иногда допускало самодовольно-кошунственную формулу о том, что, кроме них, ничто не существует. Все миры дальние были для них лишь услаждающими их лампадами, а солнце, конечно, было лишь источником их комфорта.

Пресловутый в атеизме своем Базаров тупоумно восклицает о том, что из него после смерти лишь лопух вырастет! При этом эти восклицания не являлись своеобразными выражениями самоуничижения, наоборот, они хотели этим утвердить свою телесно-материальную

конечность, погрязая в гордыне относительных и ограниченных материальных знаний. Этот отрицательный тип ярко выражен в произведении Тургенева «Отцы и дети». Но другой русский писатель, Достоевский, дает иной тип кажущегося народного атеизма. Писатель говорит об атеисте-солдате, который желал измыслить высшее кощунственное действие, чтобы увериться в отсутствии Бога.

Для этого он положил святое Причастие на столб и выстрелил в него. После чего кощунствующий увидел самого Христа, там стоящего. В этом образе кажущегося атеизма описано своеобразное вызывание Бога, моление о чуде, о знаке, который и без того хранился в глубинах сердца.

Перед нами лежит очень замечательная книга последних дней о чудесных явлениях, бывших в самое последнее время. В книге приведены факты, подтвержденные многими свидетелями, отмеченные в прессе. Описаны эти тончайшие явления подробно, с указанием качества светоносности, со всеми эффектами на присутствующих. А вот такие же показания о чудесных исцелениях в Лурде. А вот сведение о том, что в 1925 году на Волге, в городе Костроме, скончался старец, в бумагах которого нашли путь к святыням светлых Обителей Гимавата. И староверы сибирские по-прежнему идут в священное Беловодье; стремятся к высшему общению с Богом. И на этом пути они встречаются с «Дон-дам ден-па», с так называемым высшим Пониманием буддийско-тибетского сознания.

Как только сойдете с пути тупоумного отрицания и устремитесь по пути Блага, по пути светлой творческой мысли, на вас нахлынет необозримое множество фактов и знаков от всех народов всего мира, так очевидных чистому сердцу. Все народы в богоискательстве и в богоносности знают в сердце своем и о светлом будущем. Мессия, Майтрейя, Калки Аватар, Мунтазар, Митоло, ведь каждый по-своему и опять в самых лучших образах ждет это светлое будущее, обращаясь к тому же Богу Всевышнему. В Исфагане уже оседлан белый конь для светлого Пришествия. Раввин в Хамадане говорит вам: «Вы ведь тоже Израиль, если ищете Света!» А брамины приходят к вам, чтобы вместе с вами в весенних цветах праздновать великий Образ Кришны. Каждый из этих, по-своему устремляющихся ко Благу и светлому будущему, знает Бога.

В замечательной книге Ж. Сент-Илера «Криптограммы Востока» приведено высокое речение о Почитании Учителя.

«Маленький индус, познавший Учителя. Мы спросили его: «Неужели солнце потемнеет для тебя, если увидишь его без Учителя?»

Мальчик улыбнулся: «Солнце останется солнцем, но при Учителе мне будет светить двенадцать солнц!»

Солнце мудрости Индии будет светить, ибо на берегу сидит мальчик, знающий Учителя».

В этом сердечном почитании Иерархии Света уже есть непоколебимая вера в Бога; мало того, не только вера, но знание Бога, которое дает не только Богоискательство, но Богоносность. Знание вездесущия Бога в каждой былинке существующей не умаляет величие, наоборот, оно дает реальность всем тонким состояниям, всем дальним мирам, всему тому, что видит даже человеческий глаз, а кроме того, и всему тому, что знает в существе своем сердце человеческое. Сердце – это Солнце солнц, это престол Всевышнего. Лишь ненадолго разошлась наука с великими Реальностями. Все новые открытия энергий, лучей, волн, ритма и всего незримого оку богатства всей фактической Мощи Всевышней, опять обращают честное познание вверх по беспредельной Иерархии Света, где нет мелких земных делений, где нет злобы и ненавистничества, но где сияет великий Огонь великой творческой Мысли. И в сиянии этой

великой Мысли Всевышней и человеческая мысль озаряется сиянием сердца.

Также недавно западная наука отводила сердцу лишь физиологическое значение, упустив его высокое значение как трансмутатора тончайших энергий, беспредельно проходящих через него и питающих и утончающих сознание. По старым Заветам индус знает, что великий Манас живет в сердце, и недаром индус, когда говорит о мысли своей, полагает руку на сердце. Таким образом, аппарат мозга, насильственно иногда отделявшийся от деятельности сердца, опять становится реальным сотрудником. И в этом обращении к сотрудничеству опять выявляется великое Понятие вездесущности Духа-Бога. И понятие сотрудничества, сужденное человечеству для светлого будущего, не близко ли оно Реальному Осознанию Бога? Сильные духом не страшились ответственной формулы Подражания Всевышнему. «Подражание Христу» Фомы Кемпийского не есть намек на сомнительность, но призыв к тому же светлomu сотрудничеству! Древний Восток с изумлением созерцал попытки недавней науки отделиться от всего самого высокого, ибо где же, как не на Востоке, прежде всего, было познано сердце, этот первый проводник ко Престолу Всевышнего? И пещерники Синаитские, и Пророки, и Риши – все, осиянные стремлением к Богу, знали высокие возможности нашего духовного путеводителя – сердца.

Свами Вивекананда справедливо замечает, что некоторые из новейших мыслителей, при нынешнем разнообразии концепций, ставили вопросы, не нужно ли заменить слово «Бог» каким-либо другим наименованием. Но мудрый Свами Вивекананда, конечно, приходит к выводу, что в этом слове собрано столько высших человеческих устремлений, что реальность его не следует изменять. Действительно, какое бы то ни было изменение было бы похоже на первобытные искания, когда ум человеческий, еще связанный многими условиями, пытался слить беспредельное Величие со своими земными пониманиями.

Понятие Бога, бесчисленное количество его высочайших свойств, конечно, несказуемо ограниченных словарем земным, но сердце, на своем неограниченном языке, знает эту высшую беспредельную мудрость, огни которой сверкают в Логосе Сознания. Вспоминаю, как один из моих покойных друзей, прекрасный поэт Александр Блок, однажды перестал ходить на религиозно-философские собрания. Когда же его спросили о причине отсутствия, он сказал: «Потому что они говорят там о Несказуемом». Это великое Несказуемое было для него полною Реальностью. Поистине всем тонким чутьем поэта он чувствовал словесную грубость суждений о таком Высоком, о таком Тонком, о таком Беспредельном, которое звучит в сердце. Каждое слово о Высочайшем уже наносит какой-то кощунственный предел этому Величию.

Но именно сейчас особое время, чтобы вспомнить о Боге, чтобы вспомнить о том, как сказано в Заветах древних, о том Неизреченном, Несказуемом, Непознаваемом, Беспредельном и в то же время о так близком и всенаполняющем каждое сердце человеческое, когда оно мыслит о Благe. Как прекрасно выражено Вездесущее Божие в самых лучших Заветах!

Потрясаема земля всевозможными кризисами. В этом убожестве, в этом всяческом обеднении еще раз мощно встает величайшее Понятие, которое, хотя бы частично осознанное, преображает жизнь человеческую в сад прекрасный. Отрыв от Бога, отрыв от свободного, неограниченного, светлого познания, отрыв от сужденной радости совершенствования обращает знаменательное земное существование в Остров Слез. Но ведь не несчастья заповеданы, не горе суждено. Суждена высокая радость, сужден творящий трепет мысли, сужден благовонно-омытый Престол Сердца. И не Остров Слез, но Сад Прекрасный, Сад преображенного Труда и Знания в руках самих людей, обратившихся к Богу.

Кончает Державин свою оду «Бог» следующим обращением:

Твое создание я, Создатель!

Твоей премудрости я тварь!
Источник жизни, благ Податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие,
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! в бессмертие Твое!
Неизъяснимый! Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображения бессильны
И тени начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к Тебе лишь возвышаться,
В бессмертной разности теряться
И благодарны слезы лить.

9 апреля 1932 г.

Гималаи

На древних перстнях можно видеть две спирали. Спираль восхождения и спираль нисхождения. Говорится, что даже очень высокий дух так же скоро может подняться, как и спуститься. Очень грозное и справедливое предупреждение.

Издавна люди понимали, что как восхождение, так и нисхождение могут быть чрезвычайно быстры. Ничто не удержит даже высокое существо от нисхождения, если оно допустит себя до низших вожделений. Этот путь или, вернее, скачок в бездну не однажды запечатлен и в восточной, и в западной литературе от времен самых древних. И в форме поэтических произведений, и эпических сказаний, и сказок, и романов – всюду в разнообразных формах отмечена та же истина. Очевидно, народная мудрость предчувствовала, как часто нужно напоминать людям как о нужности движения вверх, так и об опасности низвержений.

Иногда люди спрашивают:

«А как же бывает со всеми достигнутыми утончениями и восприятиями при низвержении? Ведь, казалось бы, однажды познанное и усвоенное – не может оно стать небывшим. Каким же образом достижения уже совершенные уместятся в низверженном состоянии?»

Такой вопрос вполне логичен и затрагивает сложные соображения. Нужно очень ясно усвоить себе принцип преобразования как вверх, так и вниз. При преобразении вверх все возможности и достижения как бы разворачиваются, как в торжественном шествии разворачиваются знамена и являются их внутренние знаки. Так же при отступлении и низвержении знамена свертываются. Знаки, только что сверкавшие, погружаются в глубокие тайники.

Часто люди удивляются изысканности и познаниям служителей тьмы. Но ведь никто не сказал, что они всегда были служителями тьмы. Может быть, они низверглись, о чем дан такой замечательный символ. В низвержении свернулись и преобразились вниз их достижения. Правда, изысканность осталась, она обратилась во зло. При восхождении все встречаемое, все познаваемое преобразуется в добро. Так же точно при обратном процессе: все уже достигнутое во зло обратится. Обратится во вред всему светлому, всему проявленному. Будет затемнять, смущать и обращать в хаос.

В конечном итоге не так уж трудно, хотя бы и человеческим разумением, рассмотреть, что идет к проявлению и созиданию, а что к разложению, к хаосу. Именно, как говорилось, – «Рассмотрите в преумножении, и тогда каждая частность встанет в очевидности».

Но суждение в перспективе не так легко дается. Какие-то мудрые правители оставили изречение: «Управлять – значит предвидеть». А для того, чтобы предвидеть, нужно посмотреть далеко. А в зрительных трубах – увеличительные стекла. Опять-таки кто-то может сбиться и принять различие горизонта за самохвальство, за хвастовство о настоящих его познаниях.

Если прозрения и озарения могут быть скоропостижны, то и отемнение, и смущение тоже бывают стремительными.

Человек может найти клад вдруг, но сколько раз приходилось людям терять свое сокровище тоже вдруг и безвозвратно.

Один большой художник и деятель говорил мне, как однажды на совершенно определенном месте, где никаких прохожих не было, на гладком берегу моря он потерял драгоценный для него перстень. По его словам, он перебрал каждую песчинку на этом месте. Он заметил это место и приходил на него многократно и никогда не нашел памятного для него перстня. И другой случай известен, когда ценный перстень в доме неожиданно пропал, а через три недели нашелся, сверкая на бархатном сиденье дивана.

И нахождения, и потери так замечательны, если сообразить их вместе с окружающим.

Возможность восхождения! Может ли она делать человека самомнительным? Нет. Она сделает его осмотрительным, мужественным и неутомимым. Опасность нисхождения может ли обратить человека в мнительного труса, в беглеца дрожащего? Нет. Она лишь обострит его память, умножит осторожность в действиях и только напомнит, насколько радостно ему поспешать вперед. Можно привести также из различных памятников литературы прекрасные слова, посвященные великому понятию «вперед».

Именно действие постоянно поступательное оградит от многих опасностей. И стрела не так легко достигнет устремленного. И между ужасов пройдет он, не замечая их, и умножит, и сохранит он силы свои своим непреложным устремлением. В устремлении станет ему ненужной роскошь. В устремлении благодушно отнесется он к толчкам, в толпе неизбежным. В стремительности ему легче прощать многое, что для медлителей является предметом бесконечных обсуждений.

Также давно сказано, что в действии легче прощать. А ведь это приучит вообще к одному из самых благодетельных качеств – к прощению. Цветы прощения – прекрасны, а сад обид – зрелище весьма отвратительное. Соизмеримость большой ответственности, большой готовности к трудам и вообще мер больших дает и большие следствия. Всякое же ограничение, произойдет ли оно от необдуманности, легкомыслия, лености, неподвижности – все равно от чего, оно будет также нарастать стремительно.

Прогрессы нарастаний замечательны. Во всех законах движения можно видеть ту же основу. Также и прогрессия мысли или немышления, *видияи авидия* ^[1], – все это так же точно и движется, и нарастает. Мужество – нарастаемое качество, и в действии оно умножается. Так же быстро умножается и страх – постыдная боязливость, которая от бездействия овладевает ужасно.

Тот, кто помещал на перстнях, всегда носимых, спирали восхождения и нисхождения, тот хотел постоянно напомнить о возможностях как вверх, так и вниз. Казалось бы, если так часто упоминается о низвержении, то люди должны бы принимать всякие предосторожности, чтобы избежать его. Но не так-то бывает в жизни.

Из самых высоких и прекрасных символов люди ухитряются сделать бытовые, никому не говорящие предметы. Потому и в движениях самой жизни так страшно омертвление, опошление, которое внедряется во весь смысл существования, овладевает всем складом мысли и оставляет на всем свою позорную печать. Замечающие это были бы пессимистами, если они будут думать лишь об этой стороне. Но ведь первая спираль – восхождение, она должна остаться первой, самую привлекательную и самую вдохновительную.

Спуск с горы всегда порождает какую-то грусть, но восхождение всегда сопряжено с великою радостью.

2 марта 1935 г.

Пекин

Чаша в представлении всех народов является предметом знаменательным. Начиная от священных, родовых и военных чаш и кончая символическими наименованиями *нервных центров* [2], всему придается особенное заботливое внимание. Чаше вещественной посвящаются целые исследования. На изображениях, от самых древнейших, видим пламенеющие Чаши. На каменных изваяниях в Средней Азии можно видеть, как эти стражи пустыни держат у сердца своего Чашу, огнем процветшую.

Так, в древнем представлении понятие Чаши и Огня особенно часто соединяется. Если же мы вспомним то же древнейшее знание о нервном *центре Чаши* [3], служащем как бы хранилищем всех восприятий, то всякие подобные сопоставления углубляются еще более. Центр Чаши, имевший в некоторых старинных писаниях и некоторые другие названия, тем не менее всюду не обойден.

Даже самые неопытные люди подчас ощущают этот знаменательный центр. Они говорят о каком-то стеснении в груди. В общезитии такое явление приписывается или желудочному, или сердечному воздействию. Но более вдумчивые и знающие люди подумают, нет ли еще каких-либо причин, вызывающих это напряжение, которое может быть даже тягостным. Иногда можно проследить любопытное явление. Такие ощущения могут совпадать с очень значительным психическим переустройством организма. Особенно же это может чувствоваться, когда человек уже мог бы значительно продвинуться в психическом отношении, но вольно или невольно не бережет эту возможность.

Также иногда люди называют это состояние тоскою или грустью, прибавляя соображение о беспричинной тоске. Правильно, что это напряжение очень похоже на некоторые явления тоски. Кто-то даже сказал, что, может быть, сердце его тоскует о чем-то невоспринятом. Такие ощущения еще раз показывают, насколько бережно и внимательно нужно относиться к знакам, подаваемым самим организмом. Без суеверия, без предрассудков и без невежественных страхов человек должен ясно отдавать себе отчет, что именно наиболее полезное он совершить может. Как именно неотложнее воспользоваться ему каждым данным обстоятельством. Ведь часто людям дается полнейшая возможность приобщиться новой ступени знания. Они уже замечают мгновенные сверкающие знаки, обращающие их внимание. Они ощущают неожиданные ароматы, они, может быть, даже слышат кое-что, но наносная огрубелость не позволяет им подумать ясно и четко, какие благодатные возможности так близки от них.

Говорим об огрубелости, ибо обычно всякие возможности сопряжены с бывшим или с происходящим утончением. Но лишь огрубелость, вследствие каких-либо препятствующих обстоятельств, как бы закрывает возможность ближайшего осознания прекрасных знаков, а вместе с ними и своей ответственности. Очень часто люди издали более бережно относятся к своим возможностям. Но когда они находятся, может быть, даже совсем близко от источников, они начинают мечтать о каких-то других водах, минуя ближайшую данную возможность.

Но сердце и так связанный с ним центр Чаши стучатся и горестно напоминают о том, что наиболее всего существенно. До болезненности гремят эти напряженные стуки, а человек вместо того, чтобы прислушаться к ним, старается их омертвить всякими грубо нелепыми средствами. Наверное, когда-то этот неразумный оглянется, осмотрится и увидит, что вместо маленьких повседневностей он мог легко прикоснуться к большему и незаменимому.

Как бы ни пытался он оправдать себя или возрастом, или намерением в будущем поступить лучше, но каждый миг остается неповторенным. Будущие намерения могут создать множество

новых возможностей, но это будет чем-то уже другим, и прежняя задача останется уже невыполненной. Между тем каждое пренебрежение, а тем более к вопросам духа, рано или поздно даст о себе знать. В Чаше отложатся эти невыполненные или извращенные задачи.

Осматривая историю человечества с точки зрения данных задач и полученных следствий, всегда можно убеждаться, что утерянные духовные возможности напомнят о себе, как ухабы на дороге. И опять-таки нельзя относить все эти жизненные обстоятельства к чему-то исключительно большому, по людским мирским измерениям. Иногда и самое маленькое зерно перевешивает глыбы золота. Иногда, казалось бы, самое сокровитое внутреннее соображение явно окрашивает неминуемые последствия.

Рано или поздно людям приходится возвращаться к духовному пути. На каких бы цветистых жизненных лужайках ни резвились легкомысленные мотыльки, им придется приобщиться и к чему-то другому, в основе лежащему. Когда же люди вольно или невольно, сознательно или бессознательно, по своим срокам или чужими касаниями обращаются к пути духа, тем яснее стукнет сердце обо всем когда-то неправильно утаенном, обо всем недонесенном, извращенном и оставленном в пренебрежении.

Всякие условные страхи, всякие перерожденные обычаи – все это встает в плеске вещества Чаши, и люди опять бросают в пространство мучительный вопрос: «Зачем?» Но все-таки каждую минуту еще не поздно хотя бы что-то сделать в исправление. Да, это будет уже нечто другое, оно уже не так четко сопряжется с Высшею Мыслью. Но все-таки всегда можно обернуться в правильном направлении.

Центр Чаши, являясь истинным тайником памяти, хранит навсегда сложенные и сокровища, и горести. В жизни, в бурлении, в плеске перерабатываются эти духовные отложения. Залечиваются многие раны, но все же или внешние, или внутренние рубцы остаются. Потому так часто центр Чаши и само сердце напоминают о себе. Пытаются направить мысль по правильному руслу, чтобы не утеривалось то, что вот-вот уже лежит у порога. Как на дозоре, сердце и Чаша напоминают, что не должно быть отложено на завтра все, что может быть воспринято сегодня, а всякое светлое восприятие не должно быть замарано хотя бы малым темным соображением.

Нехорошо испортить чей-то праздник. Так же точно недопустимо отемнить светлое восприятие. Какие же маленькие темные мысли могут вторгаться даже среди торжественного великолепия. И это бывает особенно безобразно, все равно что среди величественной симфонии молот упадет на струны. Опять же не подумаем, что величественная симфония заоблачна, а мы здесь пресмыкаемся в грязи земельных отбросов. Именно «как на небе, так и на земле», и здесь, среди быта, раздаются отзвуки самых высоких песнопений. Не замараем эти светочи, не потушим светлое пламя над Чашей.

Не случайно и самые великие акты человечества, и обиходные проявления связаны с великим образом Чаши. Язык символов от древнейших времен живет и по сей час. Правда, люди часто в неведении играют великими символами. Твердятся самые прекрасные обозначения в легкомыслии, без желанья отдать отчет, где и как прилично произносить их. Всякая обязанность не будет скудным ханжеством, если она осознана в радости духа. Каждое поникновение духа тоже отложится в Чаше. Но как прекрасно подлинным адамантом загорится в ней каждая духовная радость.

Кто-то сказал, что именно наша современность изгоняет из жизни всякую радость, тогда как жизнь даже некоторых примитивных народов все же сохраняет искры радости во всей жизненной обиходности. Красива радость духа. Не преломим ее никакими гримасами мертвого черепа. Дух и Огонь. Пламя над Чашей. Чем светлее оно, тем прекраснее сокровища сохраненные.

Даже в пустынях стоят стражи пламенеющей Чаши.

12 апреля 1935 г.

Цаган Куре

«Держатели ^[4] бывали и в наших аилах. Никто не знает, когда они проедут. Неизвестно откуда и куда, но большею частью поспешают. Говорят, что они ищут клады, а другие говорят, что они что-то заложат, там, где нужно. Иногда места прохождений их люди отмечали субурганамии или хотя бы простыми обо. Когда узнают люди о приезде их, то надолго водворяется радость в окрестных аилах. Слышно, что и болезни минуют эти места. А также приходит всякая удача и в помышлениях, и в делах» – так рассказывал старый бурят; и по его проникновенному говору можно было понять, что предмет для него и близок, и торжественен.

Мы спросили: «Если говоришь, что помыслы и дела становятся удачнее, может быть, внушается это в мыслях. Ведь часто известны такие внушения?»

«Про эту силу мы знаем и сами думаем, что удача посылается. Однажды, говорят, самого его спросили: правда ли, что по мысли его совершаются разные полезные дела, а также спросили, как это он внушает? Говорят, что он ответил: и так, и этак, а главное то, что вы делаете потом так, как нужно. И поспешают они, чтобы дать людям больше добрых мыслей, чтобы повсюду люди могли сделать самое полезное ко времени».

Мы спросили: «Скоро ли признают их люди?»

«По правде сказать, только немногие их признают. А другие как-то только после ухода одумываются. И тогда опять начинают ждать. Глупые люди, когда что приходит – не соглашаются, а только стоит уйти, как начинают опять ждать».

Мы спросили: «А если они приезжают, то где они останавливаются?»

«Иногда и в своей палатке, а то больше куда-то уезжают, и никто о них толком не знает, из-за каких гор и куда ляжет путь. Но умные люди ждут их, сильно ждут. А уж если пройдет слух о проезде, то повсюду как бы пролетит радость. От аила к аилу скачут гонцы. А не успеет собраться народ, он уже и уехал. Конечно, говорят, что у них есть и подземные ходы, но только этого никто не знает. Когда они появляются всередине пустыни, то можно задуматься, откуда же и как совершен этот долгий безводный путь? Может прийти в голову, что где-то и есть ходы подземные. Даже находили такие долгие, долгие пещеры, и конца-краю не видно. Может быть, что-то и есть в них, но никто в этой тьме пещерной не нашел хода».

Мы спросили: «Все это из давнего прошлого или же и теперь бывает?»

«И было, и есть, и будет. Они берегут людей. Они держат справедливость. Они посылают новые мысли. И недавно, и теперь, а может, и сегодня покажется всадник. Или один, а не то и вдвоем, никто путей их не знает».

Мы спросили: «А есть ли какие-нибудь признаки их приезда?»

«Вот уж никаких, никогда. Да ведь и все чудное бывает нежданно. Уж так нежданно, что и уму не помыслить. Но сердце, может быть, и чует. Когда надлежит им приблизиться, может быть, и тоскует, и стремится сердце, и летит навстречу. Сколько раз, как птица, трепещет сердце, а ведь может быть, что они проезжают поблизости? Сколько раз конь заржет неведомо от чего – может быть, их коней зачуял? Сколько раз собаки насторожатся и уйдут назад; потому пес на них не залает. И в караванах бывает, на ночлегах. Увидят, что будто едет кто-то, а начнут слушать – ничего не слышать. Бывает, что особый запах замечательный, как от лучших цветов, пронесется среди песков. Тоже говорят, что это от их приближения. Видели как-то и белую собаку, будто бы борзую. Старые люди говорили, что их собака. А бежит она одна, как бы за делом. На зов не отзывается. Наверное, поспешает. Тоже говорят, что видели иногда белых птиц, как бы голубей. Думают, что ими они посылаются. Вообще много знаков и в нашей пустыне. Уж такие иногда замечательные камни находим. Не иначе, что кто-то заложил их. Потому обделаны

они, иногда с надписями, а иногда как бы круглые, что твое яйцо».

Мы сказали: «Вот, вы видите много знаков в пустыне, а для проезжих все одна дичь и мертвенность».

«А потому, что вы не знаете наших языков пустынных. Вы и ветра не разберете, и запахов не услышите, да и они, если проедут, то вы их не признаете».

Мы добавили: «А как же они из себя? Ведь видели же их люди».

«А так, как по месту нужно. Так, чтобы людей понапрасну не удивлять. Вот мне говорили, что в одном становище их приняли за торговцев, а в другом – за табунщиков, а где-то еще – за военных людей, каждый судит по-своему. Но они нашим суждениям не обижаются. Один признавший допытывался, а как ему понять, что он сделает так, как нужно? А он ему ответил – все равно, как нужно, тогда и сделаешь. Об этом не беспокойся, но твори добро всегда и во всем. Они всегда учат добро делать».

Мы опять спросили: «Но почему же они терпят пустыни неплодородные?» Собеседник посмотрел на нас очень хитро и сказал: «И это придет вовремя. И реки подымутся, и леса встанут, и трава побежит всюду. Всему срок. Как ушло по погрешности людской, так и придет по держательской мысли. Они пошлют, когда нужно, когда мы сумеем опознать и принять».

Мы спросили: «А нет ли у кого каких-нибудь знаков или вещей от них?»

«Может быть, и есть. И даже наверное имеется. Но только, если кто получил их, тот о них уже не скажет».

Мы спросили: «А имена их знаете ли?»

«Они могут быть под разными именами, но, опять же, если кому выпало счастье знать имя, то он никогда никому не повторит его. Никто не преступит это уложение».

Собеседник замолчал и долго следил за какой-то двигавшейся точкой на дальних барханах. Может быть, он думал, а вдруг! В глазах его загорелась нежданная жданность. Виделось, что он знает, слышал и видел и еще многое. Но сколько же нужно посидеть у одного костра, чтобы растворилось сердце! Даже если бы оно и хотело раствориться, то воля знает, насколько эти врата могут открываться проезжему. Для нас, для проезжих, не сказаны многие тайны пустыни. Она их может поведать лишь своему. Лишь тому, в ком есть окончательная уверенность. Тому, кто может мыслить спокойно и о прошлом, и о будущем, кто может довольствоваться тем малым, которое даже не учтено для нынешней роскоши.

Пустыня приняла тот лик, в котором видит ее проезжий, чтобы сокрыть свое значение и свое величие. Серединная Азия притаилась, со всеми своими богатствами, со всеми глубоко захороненными знаками, а сыны ее умеют беречь заповеданное.

9 апреля 1935 г.

Цаган Куре

Чандогия Упанишады

«Дыхание насыщаем, глаз насыщаем, солнце насыщаем, небеса насыщаемы, все, что под небом и под солнцем, насыщаем. Откуда же насыщается все происходящее, стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?»

«Виана насыщается, ухо насыщаем, луна насыщается, державы небесные насыщаемы, все, что под ними и под луною, насыщаем. Откуда же насыщается все происходящее, стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?»

«Алана насыщается, слово насыщаем, огонь насыщаем, земля насыщается. Все, что под огнем и землю, насыщаем. Откуда же насыщается все происходящее, стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?»

«Самана насыщается, дух насыщаем, вихри насыщаемы, ураган насыщаем. Все, что под вихрями, в урагане, насыщаем. Откуда же насыщается все происходящее, стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?»

«Удана насыщается, воздух насыщаем, пространство насыщаем. Все воздушное и пространственное насыщаем. Откуда же насыщается все происходящее, стада, питание, сила, великолепие, торжественность Служения?»

* * *

«Кто, зная сие, сожительствоует Агнихотре, – тот служителствует во всех мирах, во всех сущих, во всем».

«Как дети теснятся вокруг матери, так приникают сущие вокруг Агнихотры – вокруг Агнихотры».

* * *

«От Тончайшей Сущности все одухотворено. Это единственная Действительность. Это Атман».

«Истинно, мертво тело, покинутое духом. Дух же не умирает. Тончайшею Сущностью все одухотворено. Эта единственная Действительность, это Атман».

«Брось эту соль в воду и вернись ко мне завтра утром».

«Попробуй теперь эту воду, что находишь?» – «Она соленая». – «Зачерпни эту воду поглубже, что находишь?» – «Она соленая». – «Попробуй ото дна. Что находишь?» – «Она соленая». – «Еще попробуй и подойди ко мне». – «Она все такая же». – «Итак, истинно, мой друг, ты уже не замечаешь вещества, но оно всюду».

* * *

«Скажи мне все, что ты знаешь, и скажу тебе последующее».

«Знаю Риг-Веду, Аюр-Веду, Сама-Веду, Атарвану-Веду, древние сказания, Веду – Вед, знаю обряды, знаю вычисления, науку предсказаний, познание погоды, логику, правила поведения, этимологию, науку священных текстов, науку оружия, астрономию, познание змия и гениев,

вот что я знаю».

«Все, что ты перечислил, это только слова».

«Слова – Риг-Веда, и Аюр-Веда, и Сама-Веда, и Атарвану-Веда, и древние сказания, и наука предсказаний, и познание времени, и логика, и правила поведения, этимология и наука священных текстов, и наука оружия, и астрономия, и наука змия и гениев – все это только слова. Пойми правильное понимание слов».

«Когда кто понимает в словах брахмана, он может все, что желает, в державе этих слов». – «А есть ли что-нибудь высшее, чем эти слова?» – «Конечно, есть нечто высшее, нежели эти слова». – «Учитель, скажи мне это».

«Оно, Слово, истинно, больше чем все слова. Это Слово дает понять Риг-Веду, и Аюр-Веду, и Сама-Веду, и Атарвану, и древние сказания, и грамматику, и правила вычисления, и науку предсказаний, и знание времени, и логику, и правила поведения, этимологию, и науку священных текстов, и науку оружия, астрономию, и знание змиев и гениев, небо и землю, воздух, эфир, воды, теджас, высших существей, людей, животных, птиц, растения и деревья – все творения до малейшего, и насекомое, и до муравьев, и праведное и неправедное, истинное и ложное, благое и злое, приятное и неприятное. Если бы Слово не существовало, ни праведное, ни неправедное не было бы познано, ни истинное, ни ложное, ни благо, ни зло, ни приятное, ни неприятное, это Слово дает различить все. Прими правильное понимание Слова».

* * *

«Единственно, когда служение происходит правильно; без жертвенности не будет правильности. Это единственно делает Служение правильным, но нужно желать познать Служение».

«Только когда ощущаешь внутреннюю радость при Служении. Не служит тот, кто в страдании. Только лишь когда преисполнен радости, тогда происходит Служение; но нужно познать радость».

«Нет радости вне беспредельности. Нет радости в конечном. Радость есть беспредельность. Но нужно желать познать беспредельность».

«Кто устремляется к миру отцов, тот с ними и пребудет. Окруженный миром отцов, он может быть счастлив. Кто устремляется к миру матерей, лишь подумать, с ними и пребудет. Окруженный миром матерей, он будет счастлив».

«Истинно зрящий не видит ни смерти, ни болезни, ни страдания. Истинно зрящий видит, и всюду он достигает всего».

* * *

«Атман, единственная истинная действительность – в сердце. Это то, что объясняет выражение: Он – в сердце. День за днем он, который это знает, достигает мир небесный».

* * *

Незабываемо высоко настроение, когда индус напевно сказывает священное предание. Прекрасно умеет сказать их поэт Тагор, который всем своим чутким сердцем держит великие

ритмы.

В Индии, несмотря ни на что, всюду остается одна основная радость, когда сказываются стихи Махабхараты, Упанишад и Пуран. При всем новом, неминуемо вошедшем в Индии, эти старые напевы остаются всегда живыми.

В переводе можно удивляться многим как бы намеренным повторениям. Но когда вы слышите старинный, напевный ритм, то становится совершенно ясно, что сами повторения являются как бы необходимым дополнением напева. Кроме того, в этих повторениях часто подчеркиваются именно те места, которые заслуживают особо углубленного усвоения. Не забудем, что многие века как Риг-Веды, так и прочие стариннейшие предания передавались только устно, и, таким образом, сам ритм способствовал точному запоминанию.

Когда вспоминаете особенно большое количество философских и религиозных журналов и книг, издаваемых в Индии, то вы должны будете отвести почтительный поклон народу, который так хранит и заботится об искусстве мышления. Истинное утверждение получится, когда вы будете собирать знаки добрые. Ведь один добрый знак уже покрывает многие несовершенства.

Во всей Индии, от опаленного юга до вознесенных Гималаев, живут знаки, о которых вы вспомните во всякой стране. Во всех них вы по справедливости воздадите почтение тонкости и возвышенности мысли. Любой индус, от самого ученого до простого кули, будет рад побеседовать о предметах высоких. Даже за короткое время вы поймете, что поверх личного быта, поверх общности и государственности, для индуса будут самыми значительными высокодуховные предметы. Именно достигая этих предметов, индус становится реален, ибо для него они будут, как сказано, единственной, истинной действительностью.

Так же, несмотря на все современные смятения, в Индии все же живет учительство в трогательном и высоком понимании. Гуру все же живет в Индии. Соотношение между Гуру и учениками всегда будет поучительным. Такого сознательного, благородного почитания теперь уже трудно найти в других странах. Это не есть рабство, не подавление личности, не суживание горизонта, но есть возвышенное, благородное понимание Иерархии. Даже в мелочах обихода, и в глаза и за глаза, ученик действительно почитает и хранит достоинство своего учителя. Конечно, эти качества могут развиваться лишь от соответственной взаимности. Учитель истинно является отцом и советником, руководителем во всей жизни.

Заботы о внутреннем и внешнем преуспейнии учеников являются неотъемлемым качеством Гуру. Но и ученики, со своей стороны, находят незабываемо прекрасные выражения в отношении своего руководителя. Не будет допущено никакого, хотя бы обиходно малого, умаления. Будет приложено все заботливое старание понять и охранить сущность познаваемого. В таких взаимоотношениях создается искусство мышления, творится радость о предметах высших. И эта радость живет не только во дворцах и около храмов, она проникает в самые убогие жилища и претворяет невероятные трудности жизни в ношу легкую.

Кто побывал в Индии не туристом, прохожим, но прикоснулся к сущности жизни страны, или, вернее, великого континента, тот никогда и нигде не забудет очарования великой Индии. Можно всюду выполнять различные полезные задачи, можно примениться к любым условиям, можно понять разные языки, но все же ничто не затмит необычное очарование Индии.

И сердце Индии отзывчиво там, где оно почует взаимность. Никакие слова и уверения не сравнятся с великим знанием сердца. Зато и неизменен приговор сердца. Оно знает, где настоящее добро, под любую поверхность сердце определит сущность. В Индии к этому сердечному языку прибавляется еще и неповторенная психическая чуткость. Даже на расстоянии вы можете взглянуть на кого-либо из толпы, и он сейчас же оглянется, как бы желая ответить. Сколько раз нам приходилось убеждаться в этой необыкновенной чуткости.

Невозможно чем-либо насильственным или противоестественным развить в себе эту чуткость. Лишь веками, в великом ритме, в постоянном мышлении о предметах высоких развивается это чрезвычайное качество.

Но чтобы познать искусство мышления о высоких предметах, нужно полюбить и сделать обычным для себя этот способ мышления. Но чтобы полюбить, нужно возрадоваться.

Правильно указано в Упанишадах, что служение может быть действительно лишь в радости. Эту внутреннюю сердечную радость нужно не только воспитать, но ее нужно суметь удержать, чтобы она поселилась в сердце. Добрая радость сердца делается уже неотъемлемым качеством и преобразит собою все сумерки и потемки.

Думать ли о величественных, замысловатых строениях юга Индии, или мечтать о неповторенном величии Читора или Гвалиора и множества твердынь Раджпутаны, или перенестись мысленно в торжество Гималаев – всюду будет выражена радость великого мышления. В лунном Ганге, в тайне ночи Бенареса или в великом ритме гималайских водопадов будет то же неповторенное настроение. В повторении множества древнейших имен, от Ману, от Арджуны, от Кришны, от всех пандавов, героев, творителей и строителей утверждается крепость в любовном почитании этой древности. И от Матери Мира, от царицы Мира, от всех носительниц домашнего и государственного очага проникаемся всегда цветущим очарованием великой сердечности.

Хороша Индия. Хороша она и в явном, и в тайнах, бережливо охраненных.

Милая, Прекрасная Индия.

13 апреля 1935 г.

Цаган Куре

Шамбала сияющая

– Лама, расскажи мне о Шамбале!

– Но ведь вы, на Западе, ничего не знаете о Шамбале и не хотите знать. Вероятно, ты спрашиваешь лишь из любопытства и напрасно произносишь это священное слово.

– Лама, я не случайно спрашиваю тебя о Шамбале. Повсюду люди знают об этом великом символе под разными названиями. Наши ученые собирают каждую искорку знаний об этой замечательной стране. Чома де Кереш узнал о Шамбале во время своего длительного посещения буддийских монастырей. Грюнведель перевел книгу известного Таши-ламы, Палден Еше, «Путь в Шамбалу». Мы чувствуем, что под сокровенными символами скрыта великая Истина. Воистину, настоящий ученый жаждет узнать все о Калачакре.

– Так ли это? Ведь некоторые из ваших соотечественников оскверняют наши храмы! Они курят в наших святилищах; они не только не понимают, но и не хотят уважать нашу веру и наше учение. Они насмеются и издеваются над символами, значение которых не способны постичь. Если бы мы посетили ваши храмы, мы вели бы себя совершенно иначе, потому что ваш великий Бодхисаттва, Исса, воистину возвышенный дух. И никто из нас не стал бы осквернять учение милосердия и справедливости.

– Лама, только полный невежда и глупец способен насмеяться над вашим учением. Все учения справедливости как бы сходятся в едином святилище. И никто, будучи в здравом уме, не станет осквернять священные места. Лама, почему ты считаешь, что основное учение Благословенного неизвестно Западу? Почему ты полагаешь, что мы, на Западе, не знаем о Шамбале?

Лама, и на моем столе ты можешь найти Калачакру, Учение, которое великий Атиша принес из Индии. Мне известно, что если высокий, уже подготовленный дух слышит голос, произносящий «Калагия», то это есть зов в Шамбалу. Мы знаем, какой Таши-лама посетил Шамбалу. Нам известна книга настоятеля монастыря Утайшаня «Красный путь в Шамбалу». Мы даже знаем монгольскую песню о Шамбале. Кто знает, быть может, нам даже известно многое, что ново для тебя. Мы знаем, что совсем недавно молодой монгольский лама издал новую книгу о Шамбале.

Лама изучает нас своим пронизывающим взглядом. Потом он говорит:

– Великая Шамбала находится далеко. Это могущественная небесная страна. Она не имеет ничего общего с нашей землей. Зачем и почему вы, земные люди, интересуетесь ею? Лишь в некоторых местах, на Крайнем Севере, можно видеть сияющие лучи Шамбалы.

– Лама, мы знаем величие Шамбалы. Мы знаем, что эта заповедная область реальна. Но мы знаем и о реальности земной Шамбалы. Мы знаем, как некоторые высокие ламы отправлялись в Шамбалу и на своем пути видели обычные физические объекты. Мы слышали рассказы о бурятском ламе, о том, как его провели через очень узкий тайный ход. Мы знаем, что другой посетитель видел караван горцев с солью из озер на самой границе Шамбалы. Более того, мы сами видели белый пограничный столб одной из трех границ Шамбалы. Потому расскажи мне не только о небесной Шамбале, но и о Шамбале земной; ведь ты, так же как и я, знаешь, что Шамбала земная связана с Шамбалой небесной. И на этом звене оба мира соединяются друг с другом.

Лама замолкает. Глазами, наполовину прикрытыми веками, он внимательно всматривается в наши лица. И в вечерних сумерках начинает он свой рассказ:

– Истинно, наступает время, когда Учение Благословенного опять придет с Севера на Юг. Слово Истины, которое начало свой великий путь в Бодхигае, опять вернется в те же места. Надо

принять просто то, что истинное учение покинет Тибет и вновь появится на Юге. И во всех странах станут известны заветы Будды. Действительно, наступают великие события. Вы приходите с Запада, и все же вы приносите вести о Шамбале. Истинно, надо принять это так, как есть. Вероятно, луч из башни Ригден-Джапо достиг всех стран.

Как алмаз, горит свет на Башне Шамбалы. Он, Ригден-Джапо, там, в неустанном вечном дозоре на благо человечества. Его очи никогда не смыкаются. И в своем магическом зеркале он видит все происходящее на земле. И мощь мысли его проникает в далекие страны. Расстояние не существует для него; он может мгновенно принести помощь тем, кто достоин ее. Его могучий свет может уничтожить всю тьму. Его неисчислимы сокровища готовы для помощи всем нуждающимся, кто хочет служить делу справедливости. Он даже может изменять карму людей...

– Лама, мне кажется, что ты говоришь о Майтрейе. Так ли это?

– Мы не должны произносить эту тайну! Много такого, что не может быть выдано. Много такого, что не должно быть кристаллизировано в слове. В слове мы открываем нашу мысль. В слове мы выпускаем нашу мысль в пространство, и величайший вред может произойти. Ведь все, разглашенное до назначенного срока, приводит к несказуемому злу. Даже величайшие катастрофы могут быть вызваны такими легкомысленными действиями. Если Ригден-Джапо и Благословенный Майтрейя для тебя одно и то же, пусть будет так. Я этого не говорил!

Несчетны жители Шамбалы. Многочисленны прекрасные новые силы и достижения, которые готовятся там для человечества...

– Лама, веданта говорит нам, что очень скоро человечеству будут даны новые энергии. Правда ли это?

– Неисчислимы великие ценности, сужденные и уготованные. Из Священных Писаний мы знаем Учение Благословенного о жителях далеких планет. Из того же источника мы слышали о летающей стальной птице... о железных змиях, которые огнем и дымом пожирают пространство. Благословенный Татхагата предсказал все на будущее. Он знал, что помощники Ригден-Джапо воплотятся в должное время; что священная армия очистит Лхасу от всех нечестивых врагов и что будет установлено царство справедливости!

– Лама, если великие воины воплотятся, не проявятся ли действия Шамбалы здесь, на нашей земле?

– Это произойдет повсюду, и здесь, и на небесах. Все благие силы должны объединиться, чтобы уничтожить тьму. Каждый, кто поможет в этой великой задаче, будет вознагражден стократно и на земле, в этом же воплощении. Все противоборствующие Шамбале погибнут в этом же самом воплощении, потому что они не достойны милосердия.

– Лама, тебе ведома истина. Так скажи мне, почему среди священнослужителей столько недостойных?

– Конечно, это не извинение; но если Учение должно переместиться на Юг, то неудивительно, что многие ученые ламы покинули Тибет. Знают ли на Западе, что Панчен-Ринпоче (Таши-лама) связан с Шамбалой?

– Лама, конечно, мы знаем, что Панчен-Ринпоче весьма почитаем повсюду. В разных странах мы слышали, как высоко отзывались о Его Святейшестве не только буддисты, но и люди многих национальностей. Говорят даже, что были представлены на фресках в его личных покоях задолго до его ухода некоторые подробности его будущих путешествий. Мы знаем, что Панчен-Ринпоче следует обычаям всех великих лам. Нам рассказывали, как во время своего бегства он и его спутники избежали многих величайших опасностей.

Мы знаем, что однажды погоня из Лхасы уже почти настигла его, как вдруг повалил сильный снег и преградил преследователям путь. В другой раз Панчен-Ринпоче прибыл к

горному озеру; трудная задача встала перед ним. Враги следовали за ним по пятам, и, чтобы спастись, надо было проделать длинный путь в обход озера. Панчен-Ринпоче погрузился на время в глубокую медитацию. А затем отдал распоряжение, чтобы, несмотря на опасность, весь караван провел ночь на берегу озера. И вот случилось необычное: ночью ударил сильный мороз и озеро покрылось льдом и снегом. Перед рассветом, когда было еще темно, Таши-лама велел своим людям быстро двинуться вперед; он и триста его последователей перешли озеро по льду наикратчайшим путем, избежав таким образом опасности. Когда враги подоспели к этому месту, солнце стояло уже высоко и в его лучах лед растаял. Для них остался лишь окольный путь. Разве это не так?

– Истинно, так оно и было. Панчен-Ринпоче помогала Святая Шамбала во всех его путешествиях. Он видел много чудесных знаков, когда пересекал нагорья, спеша на Север.

– Лама, недалеко от Улан-Давана мы видели огромного темного коршуна, низко летевшего неподалеку от нашего стана. Он пересек путь чему-то блестящему и прекрасному, что двигалось на юг над нашим лагерем и сверкало в лучах солнца.

Глаза ламы блеснули. Он быстро спросил:

– Не чувствовали ли вы в пустыне ароматы храмовых курений?

– Лама, ты совершенно прав: в каменистой пустыне, в нескольких днях пути от ближайшего жилья, многие из нас одновременно ощущали изысканные благоухания. Это происходило несколько раз. Мы никогда не слышали такого чудесного аромата. Он напомнил мне одно благовоние, которое дал мне однажды мой друг в Индии. Но откуда он получил его, я не знаю.

– О, вас хранит Шамбала. Огромный темный коршун – это ваш враг, который старается разрушить ваше дело, но охранительная сила Шамбалы сопровождает вас в виде этой лучезарной материи. Эта сила всегда с вами, но ее невозможно видеть постоянно. Она проявляется лишь по временам, чтобы укрепить и направить вас. Заметили ли вы направление, в котором двигался этот шар? Вы должны следовать в том же направлении. Ты упомянул священный зов «Калагия!». Тот, кто услышал этот повелительный зов, должен знать, что путь в Шамбалу ему открыт. Он должен запомнить год, когда был позван, потому что с этого времени ему будет помогать сам Благословенный Ригден-Джапо. Но только надо знать и ясно представлять себе, каким образом людям помогают, ибо часто они отвергают посланную помощь.

– Лама, скажи мне, как обычные люди могут получить помощь Шамбалы? Мы знаем об адептах и воплощенных сотрудниках Шамбалы. Но каким образом могущество Шамбалы проявляется в жизни простых людей?

– Несказуемы и разнообразны эти пути.

Каждому, кто в прежних воплощениях следовал учению справедливости и был полезен для Общего Блага, поможет это Общее Благо. Несколько лет назад, во время войны и беспорядков, один человек спросил ламу, не надо ли ему переменить местожителство. Лама ответил, что он может оставаться на прежнем месте еще около шести месяцев, но потом окажется в большой опасности и ему придется бежать без промедления. В течение последующих шести месяцев человек этот весьма преуспевал в своих делах; все было спокойно, и его состояние увеличивалось. Когда эти шесть месяцев истекли, он подумал: «К чему мне рисковать своей собственностью, покидая это спокойное место? Все как будто благоприятствует мне, и явно нет никакой опасности. Вероятно, лама ошибся». Но космическое течение шло своим ходом. И предсказанная опасность внезапно возникла. Вражеские войска мгновенно окружили место, где жил этот человек, а он понял, что лучшая возможность упущена и что путь ему теперь отрезан. Он поспешил к тому же ламе и рассказал ему о том, что случилось.

Лама сказал ему, что по определенным причинам необходимо, чтобы он был спасен. «Однако, – добавил он, – теперь помочь тебе уже труднее. Лучшая возможность упущена, но я

все же могу кое-что сделать для тебя. Завтра бери с собою свою семью и поезжайте на север. По дороге вы встретитесь с врагами. Это неизбежно. Когда вы увидите, что они приближаются, сойдите с дороги и стойте спокойно. Если даже они подойдут к вам и заговорят с вами, стойте молча и неподвижно, пока они не проедут». Так и случилось. Человек со своей семьей и имуществом отправился в путь рано утром. Внезапно в утренних сумерках они различили силуэты быстро приближающихся всадников. Они свернули с дороги и застыли в напряженном молчании.

Солдаты стремительно приближались, и бедняга слышал, как один из них закричал: «Вот они! Я вижу людей. Кажется, нас ждет хорошая добыча!»

Другой солдат, смеясь, возразил ему: «Приятель, похоже, ты плохо спал прошлой ночью, если не можешь отличить камни от живых людей. Они совсем рядом с нами, а ты говоришь, что это не камни!»

Первый настаивал: «Но я даже вижу лошадь!» Второй смеялся: «На такой каменной лошадке далеко не уедешь. Неужели ты думаешь, что лошадь, чуя наших коней, стояла бы неподвижно?»

Солдаты, смеясь от всей души и издеваясь над ошибкой первого, проехали совсем рядом с неподвижной группой и затем исчезли в тумане. Так, даже в самом трудном положении, этот человек был спасен, потому что однажды он был полезен Шамбале.

Шамбала знает все. Но тайны Шамбалы хорошо охраняются.

– Лама, каким образом охраняются тайны Шамбалы? Утверждают, что много сотрудников Шамбалы, много вестников спешат по всему миру. Как могут они сохранить тайны, доверенные им?

– Великие Держатели тайн внимательно наблюдают за теми, кому они доверили свою работу и дали высокие поручения. Если с ними случится неожиданное несчастье, им немедленно помогут. И доверенное сокровище будет охранено. Лет сорок тому назад большая тайна была доверена одному человеку, жившему в великой монгольской Гоби. Ему было сказано, что он может воспользоваться знанием этой тайны для достижения определенной цели, но при приближении смерти он должен передать сокровище доверенному лицу, которое выберет сам. Прошло много лет. Однажды человек этот заболел, и во время болезни враждебные силы настигли его и он потерял сознание. В таком состоянии, конечно, он не мог передать сокровище достойному преемнику. Но Великие Держатели неусыпно бодрствуют на дозоре. Один из них из священного Ашрама в величайшей поспешности отправился в путь через огромную Гоби, оставаясь в седле без отдыха более шестидесяти часов. Он застал больного вовремя и временно вернул ему сознание, благодаря чему тот смог завершить данное ему поручение достойным образом. Может быть, ты удивляешься, почему Держатель не взял сокровище с собой? И почему все должно было произойти именно таким образом? Так случилось, потому что у великой кармы свои особые пути, и даже высшие Держатели тайн иногда не хотят прикасаться к нитям кармы. Ибо каждая нить кармы, будучи оборвана, производит величайший вред.

– Лама, в Турфане и Туркестане нам показывали пещеры с длинными неисследованными ходами. Можно ли этими путями достичь Ашрамов Шамбалы? Нам рассказывали, что бывали случаи, когда нездешние люди выходили из этих пещер и приходили в города. Они собирались расплачиваться за покупки необычными, старинными монетами, которыми давно уже никто не пользуется.

– Истинно, жители Шамбалы временами появляются в миру. Они встречаются с земными сотрудниками Шамбалы. Во благо человечества они рассылают драгоценные дары, замечательные реликвии. Я могу рассказать тебе много историй о том, как чудесные дары были получены из пространства. Даже сам Ригден-Джапо временами является в человеческом теле.

Неожиданно появляется он в святых местах, монастырях, и к сужденному сроку возвещает свои пророчества.

Ночью или рано утром, до восхода солнца, Владыка Мира прибывает ко Храму. Он входит. Сразу же сами собой возжигаются все лампы. Некоторые сразу узнают Великого Незнакомца. В глубоком почтении собираются ламы. С величайшим вниманием они слушают пророчества о будущем.

Приближается великая эпоха. Владыка Мира готов к битве. Много уже проявляется. Космический огонь опять приближается к земле. Планеты возвещают Новую Эру. Но много катаклизмов еще произойдет до наступления Новой Эры благоденствия. И опять человечество пройдет через испытания, чтобы стало ясно, достаточно ли продвинулся его дух. Подземный огонь стремится соприкоснуться с огненным элементом Акаши; если все благие силы не объединят свою энергию, величайшие катаклизмы неизбежны. Рассказывают, как является Благословенный Ригден-Джапо, чтобы отдать приказ своим вестникам; как на черной скале, на пути в Ладак, появляется Могущественный Владыка. От всех сторон стремятся к нему вестники всадники, чтобы в глубоком почтении выслушать приказ, а затем мчатся во весь опор исполнять то, что заповедано великой мудростью.

– Лама, почему так получилось, что земная Шамбала еще не открыта путешественниками? На картах можно видеть столько маршрутов разных экспедиций. Кажется, что все вершины уже отмечены и все долины и реки исследованы.

– Воистину, много золота в земле, и много алмазов и рубинов в горах, и каждый жаждет овладеть ими! И сколько людей пытаются найти их! Но пока они не нашли всего этого, так же никому не удастся достичь Шамбалы без зова! Вы слышали о ядовитых воздушных потоках, существующих в горах. Возможно, вы были свидетелями того, как люди умирают от этих газов, когда приближаются к таким областям. Может быть, вы видели, как животных и людей начинает сотрясать дрожь, когда они приближаются к определенным местам.

Многие пытаются достичь Шамбалы без зова. Некоторые из них исчезают навсегда. Лишь единицы доходят до святого места в том случае, если карма их созрела.

– Лама, ты говоришь о святом месте на земле. Насколько богата там растительность? Горы выглядят бесплодными, а ураганы и смертоносные морозы кажутся необычайно сильными.

– Посреди высоких гор неожиданно встречаются раскинувшиеся между ними долины. Множество горячих источников питают богатую растительность. Многие редкие растения и лекарственные травы способны произрастать на этой необычной вулканической почве. Возможно, вам встречались горячие гейзеры в нагорьях. Может быть, вы слышали, что всего лишь в двух днях от Нагчу, где не увидишь ни кустарника, ни растения, находится долина с деревьями, травой и теплой водой. Но кому ведомы лабиринты этих гор? На каменистой поверхности не различить человеческих следов. Невозможно прочесть мысли людей, а тот, кто может это делать, – молчит! Возможно, во время ваших странствий вы встречали многочисленных путников – неведомых странников, скромно одетых и молчаливо идущих по пустыне, в жару и холод, к своим неведомым целям. Не думайте, что если одеяние скромно, то и сам незнакомец незначителен! Если глаза его полузакрыты, не надо думать, что и взгляду его ничто не доступно. Невозможно разглядеть, откуда приходит сила. Бесполезны все предостережения, тщетны все предсказания, лишь по единственному пути Шамбалы можно достичь победы. Обращаясь прямо к Благословенному Ригден-Джапо, вы можете преуспеть.

– Лама, ты сказал, что враги Шамбалы погибнут. Каким же образом это случится?

– Воистину, они погибают в должное время. Они истребляются собственным порочным честолюбием. Ригден-Джапо милосерден. Но грешники сами себе враги. Кто может сказать, когда выплачивается заслуженное? Кто может знать, когда помощь действительно нужна? И

какова должна быть эта помощь? Нужны многие перевороты, и они имеют свою цель. Именно тогда, когда наш ограниченный человеческий рассудок убежден, что все погибло и что не осталось никакой надежды, тогда созидаящая рука Владыки шлет свой могущественный луч.

Как же уничтожаются грешники? Один лама-художник имел высокий дар писать священные изображения несравненной красоты. Великолепно писал он лики Ригден-Джапо, Благословенного Будды и Дуккар-Всевидающей. Но другой художник позавидовал ему и в ярости замыслил причинить ему зло. Но когда он начал клеветать на ламу-художника, по неизвестной причине в его доме произошел пожар. Все его имущество было уничтожено, и руки клеветника были сильно обожжены, так что он долгое время не мог работать.

Другой клеветник угрожал разрушить все труды одного честного человека. Но сам вскоре утонул, переправляясь через Цангпо. На другого человека, который совершил много прекрасных дел благотворительности, напал некто, стараясь уничтожить все его состояние, которое было посвящено благу человечества. Но опять могущественный луч Ригден-Джапо настиг нападающего, и в один день все его богатство было сметено и он сделался нищим. Возможно, и теперь еще вы можете встретить его на базаре в Лхасе, просящего милостыню.

В каждом городе вы можете услышать, как те недостойные, которые обратили свою злобу против достойных, были наказаны. Только по пути Шамбалы вы можете идти в безопасности. Любое отклонение с этого пути славы ввергает вас в величайшие опасности. Все на свете может быть изучено и измерено. Не веру и не слепое поклонение заповедал Благословенный, но знание опыта.

– Это так, Лама. Я могу также рассказать тебе, как один из наших близких стал братом Шамбалы. Мы знаем, что он прибыл в Индию с научной миссией, как караван неожиданно потерял его и что много времени спустя нежданная весть открыла, что он в Шамбале.

Я могу рассказать тебе, как из далекого Алтая многие староверы отправлялись искать так называемое Беловодье и больше уже не возвращались. Я слышал названия тех гор, рек и озер, которые лежат на пути к святым местам. Они сокровенны; некоторые из этих названий искажены, но вы распознаете заключенную в них основную истину.

Я могу рассказать тебе, как один достойный ученик этого возвышенного учения отправился в путь, чтобы достичь Шамбалы, прежде назначенного ему срока. Это был чистый и искренний дух, но карма его еще не была изжита, и его земная задача была еще не исполнена. С его стороны это было преждевременно, и один из Великих Учителей выехал верхом ему навстречу в горах и лично говорил с этим устремившимся путником. В милосердии и сострадании своем он послал его обратно, чтобы тот завершил свои неоконченные дела. Я могу рассказать тебе об Ашрамах за Шикацзе. Я могу рассказать тебе, как Братья Шамбалы появлялись в разных городах и как они предотвращали величайшие человеческие бедствия, если люди принимали их подобающим образом.

Лама, встречал ли ты Азаров и Кутхумпа?

– Если тебе известно так много случаев, то ты должен быть успешен в своей работе. Знать так много о Шамбале уже само по себе есть поток очищения. Многим из нас в жизни доводилось встречать Азаров и Кутхумпа и снежных людей, которые им служат. Только недавно Азары перестали появляться в городах. Они все собрались в горах. Очень высокие, с длинными волосами и бородами, они внешне напоминают индусов. Однажды, идя вдоль Брахмапутры, я увидел Азара. Я попытался догнать его, но он быстро скрылся за скалой и исчез. Однако я не нашел там ни пещеры, ни углубления; все, что я увидел, это небольшую ступу. Вероятно, он не пожелал, чтобы его беспокоили.

Кутхумпа больше не видно. Раньше они совершенно открыто появлялись в области Цанг и у Манасаровара, когда паломники посещали священную гору Кайлас. Даже снежных людей теперь

редко увидишь. Обычные люди в своем невежестве ошибочно принимают их за призраков. Есть важные причины того, что именно теперь Великие не появляются открыто. Мой старый учитель много рассказывал мне о мудрости Азаров. Мы знаем несколько мест, где жили эти Великие, но в настоящее время эти места опустели. Глубокая причина, великая тайна!

– Лама, значит, это правда, что Ашрамы удалены из окрестностей Шикацзе?

– Не надо произносить эту тайну. Я ведь уже сказал, что Азаров больше не встретишь в Цанге.

– Лама, почему ваши священники уверяют, что Шамбала – далеко за океаном, ведь земная Шамбала много ближе? Чома де Кереш даже упоминает, приводя тому доказательство, это место – чудесную горную долину, где произошло посвящение Будды.

– Я слышал, что Чома де Кереша постигло несчастье. И Грюнведель, которого ты упоминал, лишился рассудка; ибо они прикоснулись к великому имени Шамбала из любопытства, не представляя себе его огромного значения. Опасно играть с огнем, несмотря на то что огонь приносит человечеству величайшую пользу Ты, наверное, слышал, как некоторые путешественники пытались проникнуть в запретную область и что проводники отказывались следовать за ними. Они говорили: «Лучше убейте нас». Даже этим простым людям понятно, что к таким высоким вопросам можно прикасаться лишь с величайшим почтением.

Не преступайте законов! Ждите в пламенном труде, среди постоянного подвига, пока вестник Шамбалы не придет к вам. Ждите, пока Мощного Голосый не произнесет: Калагия! Тогда вы можете невинно углубиться в исследование этого великого вопроса. Поверхностное любопытство должно преобразиться в истинное изучение, в приложение высоких принципов в каждодневной жизни.

– Лама, ты странник. Где я увижу тебя снова?

– Прошу тебя, не спрашивай моего имени. Более того, если ты повстречаешь меня в городе или в каком-нибудь другом селении, не подавай вида, что узнал меня. Я сам подойду к тебе.

– А если бы я подошел к тебе, ты бы просто ушел или же как-то загипнотизировал бы меня?

– Не вынуждай меня употреблять эти природные силы. В некоторых Красных сектах позволено применять известные силы. Но мы можем пользоваться ими лишь в исключительных случаях. Мы не должны нарушать законы природы. Истинное Учение Благословенного велит нам быть осторожными в обнаружении наших внутренних способностей.

– Лама, скажи мне еще, видел ли ты сам Ригден-Джапо?

– Нет, я не видел Владыку во плоти. Но я слышал Его Голос. И зимой, когда в горах стоял мороз, роза – цветок дальней долины, была Его подарком мне. Ты спрашиваешь меня столь о многом, что я вижу, ты владеешь основами знаний по многим вопросам. Что бы ты делал, если бы я начал так же спрашивать тебя?

– Лама, я молчал бы.

Лама улыбнулся:

– Да, ты действительно знаешь многое. Может быть, ты даже знаешь, как пользоваться силами природы и что Запад в последние несколько лет стал свидетелем многих знамений, особенно во время войны, которую начали вы или кто-то из вас.

– Лама, безусловно, такое беспримерное массовое убийство людей должно было вызвать неожиданный поток реинкарнаций. Столько людей умерло ранее своего назначенного часа, и из-за этих событий столь многое было искажено и приведено в расстройство.

– Вероятно, вы не знали о пророчествах, в которых эти бедствия давно уже были предсказаны. Если бы только вы знали, вы никогда бы не начали эту ужасную бойню. Если вы знаете о Шамбале, если вы знаете, как использовать свои скрытые природные силы, вы также должны знать и о Намиг – Небесных Письменах. И вы, наверное, знаете, как воспринимать

пророчества о будущем.

– Лама, мы слышали, что все передвижения Таши-ламы и Далай-ламы были предсказаны в пророчествах задолго до того, как они произошли.

– Я повторяю, что в частных покоях Таши-ламы по его указанию были изображены все события его будущих странствований. Часто совсем незнакомые люди сообщают эти пророчества, и вы можете видеть и слышать ясные знаки приближающихся событий. Вы знаете, что у входа в великий храм Гесар-хана стоят два коня: белый и красный. И когда Гесар-хан приближается, эти кони ржут. Слышали ли вы, что недавно это великое знамение совершилось и многие люди слышали ржание священных коней?

– Лама, ты упомянул третье великое имя Азии...

– Тайна, тайна, не надо говорить слишком много. Когда-нибудь мы побеседуем с одним ученым геше из Морулинга. Этот монастырь был основан нашим Далай-ламой Великим, и Великое Имя звучит в названии монастыря. Говорят, что прежде чем оставить Лхасу навсегда, великий Далай-лама имел в этом монастыре таинственное причастие. Истинно, из этого монастыря исчезло несколько лам для новых великих задач. Там ты нашел бы кое-что очень знакомое тебе.

– Лама, можешь ли ты рассказать что-нибудь о трех крупнейших монастырях близ Лхасы – Сера, Гандене и Депунге?

Лама улыбнулся:

– О, это крупные государственные монастыри. В Сера среди трех тысяч лам ты можешь найти много настоящих бойцов. В Гандене много лам из других стран, таких, как Монголия. Там находится Кресло нашего Великого Учителя Цзохапы. Никто не может прикоснуться к этому великому сиденью, не испытав трепета. В Депунге тоже есть несколько ученых лам.

– Лама, имеются ли под Поталою тайные ходы? И есть ли под главным храмом подземное озеро?

Лама опять улыбнулся:

– Ты знаешь так много, что мне кажется, что ты был в Лхасе. Я не знаю, когда ты был там. Не имеет значения, был ли ты там теперь или в другом одеянии. Но если ты видел это подземное озеро, ты, должно быть, был или очень высоким ламой, или слугой-факельщиком. Но как слуга ты не мог бы знать всего того, что ты рассказал мне. По всей вероятности, ты знаешь также, что в Лхасе во многих местах имеются горячие источники и в иных домах они питают весь домашний обиход.

– Лама, я слышал, что некоторые животные – олени, белки и шакалы – подходят к медитирующим ламам в пещерах гималайских лесов и что обезьяны и мартышки иногда приносят им свою еду.

– Я со своей стороны спрошу тебя, что может быть невозможного? Но оно очевидно: олень не подойдет к человеку в городе, потому что крайне редко в этих многолюдных местах найдете вы человека с благими помыслами. Человечеству неизвестно значение и определенное воздействие аур: оно не представляет себе, что не только люди, но даже неодушевленные предметы имеют значительные и действенные ауры.

– Лама, мы знаем об этом и даже начали фотографировать ауры. Что же касается неодушевленных предметов, Лама, мы тоже знаем кое-что о Кресле Учителя и что никто не должен прикасаться к этому Креслу. Таким образом, присутствие Великого всегда ощутимо.

– Если вам известна ценность этого почитаемого Кресла, то вы знаете и о значении водительства Гуру. Гуру – это высшая связь, какую мы можем достичь в нашем земном одеянии. Водительство Гуру нас охраняет, и в нашем почитании Гуру мы восходим к совершенству. Тот, кому известно истинное значение Гуру, не станет говорить против реликвий. На Западе вы тоже

храните портреты дорогих вам людей, и вы очень цените символы и предметы, которыми пользовались ваши далекие предки и великие вожди. Потому не принимайте это за идолопоклонство, но лишь как глубокое почитание и памятование работы, совершенной одним из великих. И это не одно только внешнее почитание, но если вам известно о психических эманациях предметов, то вы знаете также и о естественной магии. Что ты думаешь о магнитном железе, который указывает подземные богатства земли?

– Лама, мы повсюду слышали многочисленные рассказы о странной способности этой движущейся палочки, при помощи которой обнаруживают многие залежи руд, ключи и источники.

– И кто, по-твоему, действует в этих опытах, палочка или человек?

– Лама, я думаю, что палочка – безжизненный предмет, между тем как человек полон вибраций и магнетических сил. Таким образом, палочка не более чем перо в руке человека.

– Да, в нашем теле сосредоточено все. Надо только знать, как применять эти силы и как не употребить их во зло. Знаете ли вы на Западе что-нибудь о Великом Камне, в котором сосредоточены магические силы? И знаете ли вы, с какой планеты пришел этот Камень? И кто владел этим сокровищем?

– Лама, о Великом Камне у нас столько же легенд, сколько у вас изображений Чинтамани. Со времен друидов многие народы помнят эти правдивые легенды о естественных энергиях, скрытых в этом странном пришельце на нашу планету. Очень часто в таких упавших камнях скрыты алмазы, но это ничто в сравнении с некоторыми другими неизвестными металлами и энергиями, которые ежедневно находимы в камнях и в многочисленных токах и лучах.

Lapis Exilis – так называется камень, который упоминали в старину мейстерзингеры. Видно, что Запад и Восток сходятся во многих основах. И нам не нужно идти в пустыню, чтобы услышать о Камне. В наших городах, в наших научных лабораториях другие легенды и доказательства... Мог ли кто подумать, что волшебные сказки о летающем человеке станут когда-то реальностью? А теперь ежедневно и почта и туристы могут прибыть по воздуху.

– Конечно, Благословенный уже давно говорил, что железные птицы будут летать высоко в воздухе. Но между тем мы способны парить в наших тонких телах, не нуждаясь в подъеме столь больших масс. Вы, западники, постоянно мечтаете подняться на Эверест в тяжелых ботинках: но мы достигаем тех же высот и гораздо более высоких пределов без затруднений. Надо только думать, изучать, запоминать и знать, как сознательно усваивать весь свой опыт в тонких телах. Все указано в Калачакре, но лишь немногие постигли это. Вы на Западе, со своими ограниченными аппаратами, можете слышать звуки на дальних расстояниях. Вы можете улавливать даже космические звуки. Но уже давным-давно Миларепа безо всяких аппаратов мог слышать все высшие голоса.

– Лама, правда ли, что Миларепа в юности не был духовным человеком? Где-то мы читали, что он даже убил всю семью своего дяди. Каким же образом такой человек, после подобных крайних проявлений гнева и даже убийства, стал духовно развитым существом?

– Ты прав. В юные годы Миларепа не только убил эту родственную семью, но, по всей вероятности, совершил и много других ужасных преступлений. Но пути духа неисповедимы. От одного из ваших миссионеров мы слышали о вашем Святом по имени Франциск. Однако же в юности он тоже совершил немало проступков и его жизнь не была так уж чиста. Как же тогда он смог за одну жизнь достичь такого совершенства, что на Западе его почитают одним из самых возвышенных Святых? От ваших миссионеров, посещавших Лхасу в прежние века, мы слышали много рассказов, и некоторые из ваших книг стоят в наших библиотеках. Говорят, что книги вашего Евангелия можно найти запечатанными в некоторых из наших ступ. Может быть, мы лучше вас знаем, как почитать чужие религии.

– Лама, для нас, западных людей, так трудно почитать вашу религию, потому что многое так запутано, многое искажено. Например, как мог бы чужестранец, видя два внешне совершенно одинаковых монастыря, понять, что в одном проповедуется буддизм, в то время как другой является злейшим врагом буддизма. Даже если войти в эти монастыри, то, глядя поверхностно, видишь почти одинаковые изображения. Так, для чужеземца столь же трудно различить, повернута ли свастика в обратном направлении или нет, как и понять, почему одна и та же иконография может выступать как за, так и против Будды. Постороннему трудно понять, почему совершенно безграмотные и предающиеся пьянству люди носят то же звание ламы, как и ты, так много знающий и столь глубоко культурный.

– Ты прав. Много лам носят ламаистские одеяния, но их внутренняя жизнь гораздо хуже, чем у мирянина. Нередко из многих тысяч лам найдется лишь несколько отдельных лиц, с которыми можно беседовать на возвышенные темы и ждать достойного ответа. Но разве не то же самое и в вашей религии?

Мы видели многих миссионеров. Вероятно, они говорят об одном и том же Христе, но они нападают друг на друга. Каждый называет свое учение высшим. Я убежден, что Исса дал одно учение, каким же образом этот великий символ может содержать части, явно враждебные одна другой? Не думайте, что мы настолько невежественны. Мы слышали, что обряды, отправляемые одной сектой христианских священников, не признаются другими христианскими священниками. Следовательно, у вас должно быть много противостоящих друг другу Христов.

В наших пустынях находят много христианских крестов. Как-то я спросил одного христианского миссионера, подлинны ли эти кресты, и он мне ответил, что все эти кресты поддельные: что во все века ложное христианство проникало в Азию и что мы не должны считать эти кресты высокими символами. Так скажи мне, как нам отличить подлинный крест от поддельного? У нас тоже имеется крест в Великом Знаке Акдордже. Но для нас это великий знак жизни, огненной стихии вечный знак. Против этого знака никто не станет возражать!

– Лама, нам известно, что лишь знанием духа можем мы распознать, что подлинно.

– Опять ты обнаруживаешь знание великих вещей. Опять ты говоришь словно из нашей величественной Калачакры. Но как нам проявить наше великое понимание? Воистину, мы мудры в духе: мы знаем все, но как нам вызвать это знание из глубин нашего сознания и передать его нашему уму? Как распознать необходимые границы между жизнью аскетической и жизнью простой? Как узнать, сколько мы можем оставаться отшельниками и сколько должны мы работать среди людей? Как узнать, какое знание может быть открыто безо всякого вреда, а какое, может быть, самое возвышенное, можно разглашать лишь немногим? Это знание Калачакры.

– Лама, великая Калачакра, в сущности, неизвестна, потому что ее учение смешано с низким тантрическим учением. Точно так же, как у вас есть настоящие буддисты, а также их противоположность бонпо, так же у вас имеется и самая низкая тантра колдовства и некромантии. А разве Благословенный не осудил колдовство? Скажи мне откровенно, позволительно ли ламе быть колдуном?

– Ты прав. Не только колдовство, но и ненужное выставление напоказ сверхобычных сил были запрещены нашими великими Учителями. Но если чей-то дух настолько продвинулся, что может совершить многое и естественным образом использовать любую свою энергию на Общее Благо, то это уже не колдовство, но высокое достижение, великий труд ради человечества.

На наших символических изображениях, на наших образах и танках вы можете видеть, как действовали великие Учителя: из всех великих Учителей лишь немногих вы видите в полной медитации. Обычно они принимают деятельное участие в великой работе. Они или учат народ, или укрощают темные силы и стихии: они не боятся противостоять самым могущественным

силам и даже вступить в союз с ними, лишь бы это было на общее благо. Иногда вы можете видеть Учителей, в самом столкновении рассеивающих силы злых духов. Земную войну мы не одобряем, хотя на буддистов нападали на протяжении всей истории: буддисты же никогда не были зачинщиками. Мы слышали, что во время вашей недавней Великой войны христианские священники каждой из воюющих сторон объявили, что Исса и Бог с ними. Если Бог един, то из этого следует, что он вступил в противоречие с самим собой. Как вы можете объяснить это противоречие, которое так непонятно для всех буддистов?

– Лама, эта война кончилась. Могут происходить самые ужасные ошибки, но теперь все народы мыслят о том, как уничтожить не только саму идею, но даже средства и орудия войны.

– А ты считаешь, что все пушки и военные корабли следовало бы уничтожить? Лучше бы обратить их в орудия мира и возвышенного учения. Мне бы хотелось видеть большие военные корабли передвижными школами высокого учения. Возможно ли это? Во время своей поездки в Китай я видел такое множество пушек и военных кораблей, что я подумал: будь эти ужасные творения символами высокого учения, а не символами убийства, какой огромный прилив космической энергии испытал бы тогда наш мир!

– Лама, змея жалит, и все же она считается символом мудрости.

– Наверное, ты слышал старую притчу о том, как змея получила предостережение не жалить, но только шипеть. Каждый должен быть сильным, но какую защиту ты считаешь самой сильной?

– Лама, конечно же, ту защиту, которую дает сила духа. Потому что лишь в духе мы укрепляемся и умственно, и физически. Духовно сосредоточенный человек так же силен, как дюжина самых мускулистых атлетов. Человек, который знает, как пользоваться своими умственными способностями, сильнее толпы.

– Ну вот, мы снова подходим к нашей великой Калачакре. Кто может жить без пищи? Кто может жить без сна? Кто не подвержен жаре и холоду? Кто может исцелить раны? Истинно лишь тот, кто изучает Калачакру.

Великим Азарам, которые знают Учения Индии, известно происхождение Калачакры. Познания их огромны, и когда они будут явлены на помощь человечеству, они полностью переродят жизнь! И Восток, и Запад применяют многое из учений Калачакры, не ведая того, и даже такое бессознательное использование дает столько замечательных результатов. Поэтому ясно, насколько несравнимо большие возможности открылись бы при сознательном подвиге и как мудро могла бы быть использована великая вечная энергия, эта тонкая невесомая материя, которая рассеяна повсюду и которая доступна нам в любое мгновение. Это Учение Калачакры, это использование первичной энергии называлось Учением Огня. Индусам известен великий Агни: хотя учение это и древнее, оно будет новым учением Новой Эры. Мы должны думать о будущем: и мы знаем, что в Учении Калачакры содержится все, что может быть применено с наибольшей пользой.

Сейчас столько учителей: так различны они и так враждебны друг другу. И однако же многие из них говорят об одном и том же: о том, что изложено в Калачакре. Один из ваших священников как-то спросил меня: «Не составляют ли Каббала и Шамбала части единого учения?» Он спрашивал: «Не был ли великий Моисей посвященным этого же учения и последователем тех же самых законов?»

Можно утверждать одно: каждое учение истины, каждое учение высшего принципа жизни исходит из единого источника. Многие древние буддийские ступы были превращены в лингамы, и многие мечети заключают в себе стены и основания древних буддийских вихар. Но что в том плохого, если эти сооружения посвящались единому высшему принципу жизни? Многие буддийские изображения на скалах восходят к учениям, существовавшим задолго до

Благословенного. И тем не менее они символизируют ту же самую высокую Сущность.

Что раскрыто в Калачакре? Есть ли в ней какие-либо запреты? Нет, в высоком учении изложено только созидательное. Это так. И эти же высокие силы предлагаются человечеству. И строго научно показано, как природные силы стихий могут быть использованы человечеством. Когда говорится, что кратчайший путь через Шамбалу, через Калачакру, это означает, что совершенство не есть недостижимый идеал, но что искренним и ревностным устремлением оно может быть достигнуто здесь, на этой самой земле и в этом же воплощении. Таково Учение Шамбалы. Истинно, каждый может приобщиться к нему. Истинно, каждый может услышать звучащее слово Калагия!

Но чтобы достичь этого, человек должен полностью посвятить себя созидательному труду. Те, кто сотрудничает с Шамбалой, посвященные и вестники Шамбалы, не сидят в уединении, они странствуют повсюду. Очень часто люди не узнают их, а иногда они даже не узнают друг друга. Но они выполняют свою работу не для себя, но для великой Шамбалы: и всем им известен глубокий символ анонимности. Иногда они кажутся богатыми, но у них нет собственности. Все для них, но они ничего не берут себе.

Так что, если вы посвятили себя Шамбале, все у вас взято и все вам дано. Если у тебя есть сожаления, ты сам же и теряешь, если отдаешь с радостью – обогащаешься. По существу, в том и заключается Учение Шамбалы, что мы не говорим о чем-то далеком и тайном. Поэтому, если вы знаете, что Шамбала здесь, на земле; если вы знаете, что все может быть достигнуто здесь, на земле, тогда все должно получить воздаяние здесь же, на земле. Вы слышали, что воздаяние Шамбалы воистину происходит здесь, и притом многократно умноженное. И причина не в том, что Учение Шамбалы по-своему единственное, но в том, что Учение Шамбалы жизненно, дано для земных воплощений и может применяться во всех обстоятельствах. Как можем мы научиться работать? Как быть готовым ко всевозможным знаниям; как быть открытым и всевещающим? Только через практическое изучение Шамбалы.

Когда вы читаете многочисленные книги о Шамбале, частью переведенные на другие языки и частью закрытые, не смущайтесь великими символами. Даже на Западе, когда вы говорите о великих открытиях, вы пользуетесь специальным языком, и обычные люди не понимают его и воспринимают эти выражения буквально, судя только по поверхности. То же самое можно сказать и о великих писаниях, и о научных документах. Некоторые понимают великие Пураны буквально. К каким выводам они придут? Только к таким, какие можно извлечь из поверхностного слоя языка, из его филологии, но не из значения употребляемых знаков. Гармонию между внешним и внутренним можно обрести только через изучение Калачакры. Вероятно, вы встречали знаки Калачакры на скалах, в совсем безлюдных местах.

Чья-то неизвестная рука нанесла рисунок на камни и высекла знаки Калачакры на скалах. Истинно, истинно, только через Шамбалу, только через Учение Калачакры можно достичь совершенства кратчайшего пути.

Калагия, калагия, калагия. Приди в Шамбалу!

Затем наша беседа стала еще более прекрасной и священной. В нее вошел тот символ, который возносит все человеческие устремления. Мы говорили о горе Кайласа, об отшельниках, которые и по сей день живут в пещерах этой чудесной горы, наполняя пространство зовами, пробуждающими людей к праведности.

А затем мы говорили о Том Месте, что лежит к северу от Кайласа...

Спустились сумерки, и вся комната, казалось, преобразилась. Образ Ченрези, великолепно вышитый по блестящему шелку и висевший над головой Ламы, казалось, многозначительно взглянул вниз на нас. Таких изображений больше не найти в Тибете.

По обеим сторонам от этого изображения располагались другие, тоже редкой вышивки. На

одном из них был Амитаюс; на другом Владыка Будда, непоколебимый, с победоносным знаком молнии, дордже, в руке. Из алтаря в комнате благосклонно улыбалась Долма, Белая Тара.

От букетика свежих фуксий и фиолетовых георгин исходила живительная жизненная сила. Там же светился образ Могущественного, Непобедимого Ригден-Джапо, и Его Присутствие опять напомнило нам о таинственном Месте к северу от Кайласа. По углам этого знамени разместились четыре очень значительных образа. Внизу преемник Ригден-Джапо с пандитом-индусом, одним из первых толкователей Калачакры. В верхних углах находились два образа Таши-лам. Слева Таши-лама Третий, Панчен Палден Еше, который дал указания о Шамбале. А справа соответственное изображение нынешнего Таши-ламы, Панчена Чхокьи Ньима Гелег Намгьял Пелсангпо, который недавно опубликовал еще одну молитву Шамбале Сияющей. В центре знамени был сам Ригден-Джапо, и в основании Его трона сверкал скрещенный Акочир-Акдордже – Крест Жизни. Множество людей собрались перед тронном Ригдена: кого только нет среди них! Вот ладакец в своей высокой черной шапке; китайцы в своих круглых шапочках с красными помпонами наверху; вот индус в своем белом одеянии; а вот мусульманин в белом тюрбане. Здесь киргизы, буряты, калмыки, а там монголы в своей характерной национальной одежде.

Каждый преподносит Владыке лучшие дары своей земли: фрукты и зерно, ткани и оружие и драгоценные камни. Эти народы никто не принуждал: они пришли добровольно со всех концов Азии, окружив Великого Воина. Может быть, они покорены? Нет, в их обращении к Нему нет униженности. Народы обращаются к Нему как к своему собственному, своему единственному правителю. Его рука указывает по направлению к земле, как и рука великого Льва-Сэнкэ в его величественном жесте: на земной твердыне дает он клятву всегда созидать непоколебимо.

От благовонных курений перед изображением поднимались синеватые струйки дыма, проплывая перед ним и выписывая многочисленные знаки на тайном языке сензар. А затем, дабы не знающие Великую Истину не осквернили ее, благоухающие знаки поплыли, постепенно растворяясь и исчезая в пространстве.

Talai-Pho-Brang (Талайпхобранг),

1928 г.

ИЗРЕЧЕНИЯ, МЫСЛИ, АФОРИЗМЫ

Составитель С.А. Пономаренко

*Может быть, скоро поймет человек, что его мысль есть
рассадник и вреда и блага.*

Мысли

Неужели же величие небосклона может вызвать мысли, полные земного самомнения?
(«Предсказания».)

* * *

Перед Зарейю ночь особенно темна («Другу»).

* * *

Говорят о пятнах на солнце. Только ли на солнце эти пятна? («Желанный труд».)

* * *

Мало ли случайного блеска в мире! («Полезьа доверия».)

* * *

Кроту не нужен свет. Один намек на сияние уже обращает в бегство подземные твари
(«Эпика скорби».)

* * *

Для грязных все грязно. Для темных все темно («Зачем?»).

* * *

Пораженный болезнью организм не излучает свет («Свет опознанный»).

* * *

Люди могут глядеть не видя («Везде»).

* * *

Каждый близорукий не верит дальнорозоркому («Свет опознанный»).

* * *

Когда люди предаются сну в одной части света, в другой в дневные часы могут протекать решительные события («Nat-og-Dag»).

* * *

Мысль человеческая в оковах («Лада»).

* * *

Один земледелец уверял, что чертополох растет от дурных мыслей («Естество»).

* * *

Много разновидностей болезней сейчас в мире... Не мысль ли их творит? («Больной год».)

* * *

Может быть, скоро поймет человек, что его мысль есть рассадник и вреда и блага («Больной год»).

* * *

Убийство рукою или мыслью равноценно («Доколе»).

* * *

История взвесит тайные думы и намерения («Красный флаг»).

Сколько Прометеев было приковано к скалам за мысли о благе человечества! («Крылья».)

* * *

Тот, кто не был преследован за благо, тот и не являл его («Катакомбы»).

* * *

Обиход в жизни больше всего располагает к откладыванию и упущению («Videbimus»).

* * *

Мать-Культура может проливать потоки слез, а Владычица-Цивилизация хохотом встретит все попытки блага («Найдите прививку»).

* * *

Все лучшие культурные намерения разбиваются о некультурность («Странно»).

* * *

Под Культурою иные понимают разведение бацилл («Вредители»).

* * *

Каким образом так часто голосят о Культуре именно те, кто ее попирает? («Переживем».)

* * *

Ох, как далеко народам до Культуры! Пока что они на степени хлеба и зрелищ («Грустное»).

* * *

Без Культуры человечество обратится в двуногих («Другу»).

* * *

Человечество так туго воспринимает все культурные основы, что приходится твердить и твердить («Жизнь»).

* * *

Какими же примерами из древних времен напомнить, из чего слагался расцвет и чем зачиналось разложение? («Подвиги».)

* * *

Распад происходит оттого, что человечество высмеяло все лучшие устои Бытия («Сотруднику»).

* * *

Изгнана любовь, испугана вера, отброшена надежда, и скорбно отошла София-Премудрость. А ведь она крылом своим уже касалась («Он»).

* * *

Помимо всех материальных пустынь, самыми грозными остаются пустыни духа («Строитель»).

* * *

Неужели опять потребуются поколения, чтобы возвысить униженное сердце? («В новый путь».)

* * *

Отсутствие тяготения есть уже начало хаоса («Болезнь клеветы»).

* * *

Анархия и хаос будут синонимами («Содружество»).

* * *

Жить в опасности не есть преувеличение. Хаос – не отвлеченное понятие, но этот опасный химизм вторгается во всю земную жизнь.

* * *

Безумие людское является сильнейшим проводником его (24 марта, 1940).

* * *

Люди не желают задумываться о химизме пространственных токов. Самые чуткие переживания игнорируются и попадают в хранилища незаписанных повестей («Незаписанная повесть»).

* * *

Само пространство стонет от всего происходящего, и чуткий человеческий организм должен отзвучать («Америка»).

* * *

Уж больно напряжены токи, напряжены люди («Беспорное»).

* * *

Люди так загнаны, что им нужна скорая помощь («Доступнее»).

* * *

Усталость есть уже степень безумия («Безумия»).

* * *

Подлинный ужас в том, если глава государства безумен... Должен ли ждать народ, пока его глава выбросится в окно вагона или влезет в бассейн? («Безумия».)

* * *

Разве не великая ирония в том, что именно справедливость в руках бандитов? («Эволюции».)

* * *

Зло преходяще, но Благо вечно («Будем радоваться»).

* * *

Злое прежде всего эгоистично («Болезнь клеветы»).

* * *

Извилисты пути всяких уклонений от добра («Скорее!»).

* * *

Словарь зла переполнился... Злословить, поносить, клеветать, унижать – все это допущено в лощеной форме в любом обиходе... Вот куда вползла ехидна ненависти, что даже слово о добре много где будет неуместным! («Антифобин».)

* * *

Если ехидна начинает ползать, она заползет и во дворец и в хижину («Тайнь»).

* * *

Во лжи зарождаемое во лжи и погибнет («Зов Роланда»).

* * *

Зло вросло в мир. Какая панацея остановит разложение? («Шум-звон».)

* * *

Легко верят и вправо и влево, как гнилая тростинка, сгибаются. Что же получится? Одни криводушничают. Другие промолчат. Третьи изобретут компромисс! Точно бы зло и добро могут в компромиссе ужиться («Найдите прививку»).

* * *

Можно заметить, что часто зло действует не в свою пользу. Злодей совершает поступки вопреки здравому смыслу против себя самого. Или в ярости злодей уже не может взвесить последствий? Или карма ведет его к разрешению причин и следствий? («Шепот».)

* * *

Кто-то вообразил, что злоба и несправедливость – земные устои. За эту скверну придется поплатиться («Досмотры»).

* * *

Без следа, без следствия ничего не бывает. Падение лепестка розы создает гром на дальних мирах («Прощение»).

* * *

Испытание мира безмерно... Огромен посев всяких причин. Безмерны и следствия порожденные («Друзья!»).

* * *

О следствиях легче думать, но к причинам ум не оборачивается («Несправедливость»).

Кто учтет последствия неосторожного слова? («Герои».)

* * *

Разве не сам человек строит свою темницу, да еще какую мрачную! («Спешим».)

* * *

Сердце болит за все бедствия мира – увы! Подготовленные самими людьми («Туда и оттуда»).

* * *

Происходит сложенное человечеством. Гроза, и ливень, и вихрь! («К дальним».)

* * *

Отчего сейчас так трудно?.. Не оттого ли, что человечество задвигалось из одной пещеры в другую? («Трудно».)

* * *

Часто люди воображают свое победительное благополучие именно тогда, когда они находятся уже на краю вырытой ими самими же пропасти («Единение»).

* * *

Люди так несчастны, что иногда даже не замечают своего несчастья («Новый год»).

* * *

Развратители народа подлежат самой страшной каре («Безумие»).

* * *

Ярость несправедливых суждений возрастает особенно в дни больших потрясений («Несправедливость»).

* * *

Чем нелепее выдумка, тем легче она воспринимается («Грабарю»).

* * *

Древни сказания о судьях неправедных! («Грабительство».)

* * *

Пространство наполнено выдумками. Газетный лист почернел от измышлений («Дума»).

* * *

Никогда еще печатное слово не доходило до таких извращений, как сейчас («Кружные пути»).

* * *

Газеты неверны, и правда дрожит в извилистых строках. Где-то было сказано, что печатные черные буковки – бесенята («Живем»).

* * *

Если возьмем передовой лист каждодневной газеты, то разве не видно будет на нем апокалиптических знаков? («Скорее!»)

* * *

Экое длинное слово – человеконенавистничество, а следствия его еще длиннее («Антифобин»).

* * *

Беда в том, что ненависть возрастает... Все заподозрено, все охаяно, все осквернено («Антифобин»).

* * *

Чем выше идеал, тем больше псов его облаивают («Борьба за Культуру»).

* * *

Какова будет молодежь среди скрежета и ненависти? («Голод».)

* * *

Человечество пока объединилось в том, что живет в долг («Membra disjecta»).

* * *

Сколько красоты в мире, дыханье захватывает! А вместо действенного любования и творчества троглодиты друг другу горло грызут («Единение или гибель»).

* * *

Царь пустыни не выносит облаивания: он кончается от разрыва сердца («Зверье»).

* * *

Синодик взаимных уничтожений растет... Не верится, что сейчас в мире все возможно («Опасность»).

* * *

Мир уже в маске. Неужели должна начаться и лукавая продажа кинжалов? («Продажа кинжалов».)

* * *

Поезд мира сошел с рельсов и бедствует по кочкам и ухабам («Голод»).

* * *

Никогда не было такого страшного столкновения крайностей («Спешим»).

* * *

Поистине, агрессия проникла во все слои человечества («Боль планеты»).

* * *

Помним все перевороты. Куда же еще переворачиваться? («Сложно».)

* * *

Хочется, чтобы миру было хорошо, чтобы ничто кошунственное не грязнило пространство. И земля расстреляна, и небеса расстреляны («Бедная земля»).

* * *

Могут быть времена даже хуже войны («Содружник»).

* * *

Много убийств происходит и без кинжала, и без физического яда («У черты»).

* * *

Танец смерти – не только на бранных полях, но во всей земной жизни («Досмотры»).

* * *

Доллар царит и запечатывает совесть («Душное лето»).

* * *

Слишком слабы законы против клеветы. Во многих случаях они должны быть приравнены к закону об убийстве («Доколе»).

* * *

Вредительство – во всех оперениях («Вестники»).

* * *

Международны созидатели и разрушители. Их технология не уложится ни в какие международные права («Охраните!»).

* * *

Пробовали говорить против войны, а о том, как разоружить сердце, не мечтали («Досмотры»).

* * *

Возопить должен человек против вандализма! («Вандалы».)

* * *

Что же должно стрястись, чтобы человек возопил: «Так дальше нельзя!»? («Безумие».)

* * *

Еще некая война неизбежна: война знания против невежества («Знамя Мира»).

* * *

Доживет ли человечество, когда военные бюджеты будут перечислены на просвещение? («К будущему».)

* * *

Неужели во все времена свирепствует тот же «закон» отвергания? («Фрагменты».)

* * *

Большинство скепсиса происходит от невежества. Если человек чего-то не знает, он с особенной легкостью и отрицает это («Радость о книге»).

* * *

Если люди о чем-то не слышат, то, по их суждению, оно и не существует («Слушайте»).

* * *

Очевидно, каждое великое достижение должно пройти через горнило отрицания и глумления («Радость»).

* * *

Удивительно наблюдать отрицание, когда люди готовы мучиться и погибать, лишь бы не допустить нечто для них спасительное («Друзьям»).

* * *

Одни любят творящее «да», другие привержены тупому «нет» («Новая Земля»).

* * *

Страшное понятие «нельзя» вползает повсюду, и сколько лучших устремлений пресечено этим неумолимым палачом («Предубеждение»).

* * *

Ликвидация, упразднение, незнание, одичание... А расцвет? («Шатания».)

* * *

Как часто отмершее и не было, в сущности, живым («Вестники»).

* * *

Не вырасти новым побегам на старых рубцах («На острове»).

* * *

Но как оживлять засохшее дерево? Не лучше ли посадить новое? («Подсчеты».)

* * *

Между вопросительными и восклицательными знаками блуждают люди («Сотруднице»).

* * *

Мелкие умы не видят истинную сущность жизни. Человек всегда судит лишь от себя, ради себя и для себя. Те же житейские мудрецы любят говорить: так было, так есть и так будет. Скажем, к сожалению, – было, к ужасу – еще есть, но пусть не будет. Иначе, как же быть с эволюцией? («Другу».)

* * *

Жестокость и невежество о будущем не мыслят («Монголия»).

* * *

Больно видеть, как невежество топчет лучшие цветы («Счастье»).

* * *

Люди изучают Высокие Учения для того, чтобы нырнуть в бытовое болото («Радоваться»).

* * *

Не умеют еще люди приложить разумно великие пространственные энергии. Даже пытаются отмахнуться от познания их, точно трясогузка, противятся космическому величию («Битва»).

* * *

Какие слухи ползут, какие ужасы возрастают от незнания! («Голод».)

* * *

Сколько же миллионов лет должна еще крутиться бедная Земля, чтобы изжилась двуногая дикость! («Сберегите».)

* * *

Человек – «венец природы» – озверел («Зов о мире»).

* * *

Особый вид двуногих – вредители. Что же это за племя? Или особый зоологический вид? («Вредители».)

* * *

Суперфосфаты мнимых достижений, вероятно, создали питательную почву для гадов («Полнота жизни».)

* * *

Поразительны качания бытовых маятников. Злейшие хулиганы обертываются добрейшими пожелателями. И обратно («Душа».)

* * *

Сколько раз приходилось встречаться с заведомыми злощептателями, умильно улыбающимися, помахивая лисьим хвостиком. Прямо не знаешь, что и делать с этими лисами («Из письма».)

* * *

Где же полнота жизни, если нет претерпения предательства? («Полнота жизни».)

* * *

Как осуждать тянущихся к наслаждению, когда им и не говорили о жертвенности и о красоте подвига? («Счастье».)

* * *

Удовольствия и наслаждения под сенью раззолоченных отелей глумятся над чужою бедою («Подвиги».)

* * *

Во всей истории торжества Молоха были недолги («Тревожно».)

* * *

Древние народы гораздо лучше понимали смысл перемены бытия, нежели современные цивилизованные мудрецы («Туда и оттуда»).

* * *

Иногда думается, что каравеллы Колумба были быстрее нынешних «воздушных» сообщений («Досмотры»).

* * *

Древние гривны были ценою коровы, а теперешняя их ценность дала бы кусок хлеба («Сознание Красоты спасет»).

* * *

Наука высоко взлетела, а обиход обнищал («Оптимизм»).

* * *

Гоголь восклицал: «Скучно жить на этом свете!» Можно сказать: «Трудно жить на этом свете» («Паспорта»).

* * *

Тяжка ноша мира сего («Терпите»).

* * *

Миллионы земных лет протекли, но еще мутна и грязна река жизни («Сложно»).

* * *

Среди забытых понятий особенно пострадала человечность («Подвиг»).

* * *

Единственно, в чем человечество сдвинулось, – в цивилизации преступлений («Не укради»).

* * *

Ангелы не влекут в рай насильно за волосы. Насильно увлекают за волосы в ад («Естество»).

* * *

Если у кого-то от высот разрываются сосуды, то значит, он на этих возвышенностях и не мог бы существовать («Естество»).

* * *

Чем необычнее час, тем трепетнее ожидание («Вестники»).

* * *

Великое Присутствие наполняет Природу («Он»).

* * *

Много, много Знаков – лишь бы замечали их («Другу»).

* * *

При величественном зрелище не думается об опасности. Все бичи человечества исчезают («Смерч»).

* * *

Много Надземного и среди земной жизни («Особенное»).

* * *

Среди быта раздаются отзвуки самых высоких песнопений («Чаша»).

* * *

Чудеса отменены, а чудесность бытия стучится во все двери («Курукшетра»).

* * *

Беспредельное делает и мысли возвышенными («Небесное зодчество»).

* * *

Возвышенно мыслящий может и сказать прекрасно («Уберегите»).

* * *

Русский народ давно привык говорить крылатыми словами крыловских басен («Сердце»).

* * *

Подобно санскриту, русский язык особенно пригоден для выражения возвышенных понятий («Уберегите»).

* * *

Мысль Индии отлично выражается в русском слове («Тагор»).

* * *

Азия – колыбель всех религий, всех взлетов в Надземное («Торнадо»).

* * *

Строительство содержит в себе своего рода магнит. Бег большого корабля увлекает и малые лодочки («Смекалка»).

* * *

Поверх всяких суждений и споров высится сияющая сущность («Беспорное»).

* * *

Ливень Благодати ниспадает в щедром благоволении, и лишь капли этой ценности достигают («Дар небесный»).

* * *

Сознание есть молитва сердца («Строитель»).

* * *

Сердце есть врата Истины («O quanta allegria!»).

* * *

Для сердца нужен свет незримый («Везде»).

* * *

Только глубины сердца могут остаться прочными (24 марта, 1940).

* * *

В каждом добром начертании уже есть нечто зовущее, объединяющее и открывающее сердце («Король Альберт»).

* * *

Лучшее тянется к лучшему («Враги»).

* * *

Для единения нужна любовь, а где она? Нельзя ли прибегнуть к другому, тоже прекрасному понятию – «сотрудничество», а за ним высится «содружество» («Тревожно»).

* * *

Улыбка есть знак близости («Сближение»).

* * *

«Сходятся старцы» – сойдется и молодежь («Русскость»).

* * *

Для себя или для мира поет птица? Не может не петь она каждое утро («Строитель»).

* * *

В любви процветут пустыни («Засуха»).

* * *

Лучшие розы одинаково прекрасны («Благоухание»).

* * *

Не может быть сад без благоухания («Благоухание»).

* * *

Жизнь есть радость («Жизнь»).

* * *

Каждый предмет, источающий радость, уже представляет истинную драгоценность («Творчество»).

* * *

Не все ли равно, кто внес больше Красоты в многогранник нашего существования («Земля обновленная»).

* * *

Поистине, Красота величественна во всей своей многоликости («Панацея»).

* * *

Что есть счастье? Счастье есть радость, а радость – в Красоте («Счастье»).

* * *

Велика радость выпрямить согнутое и переплетенное веками («Скрыня»).

* * *

Натолкавшись и наблуждавшись, опять придут к Красоте... В Красоте – не сентимент, но реальность, мощь поднимающая, ведущая («Счастье»).

* * *

На крылах Красоты обновляются силы, и взор владеет пространством («Счастье»).

* * *

Есть великий смысл в том, что люди, направленные к добру, часто оказываются рассеянными в мире. Получается незримая сеть добротворчества («Содружник»).

* * *

В часы напряжения человеку хочется быть с теми, в ком он уже уверен («Привет вам, дорогие друзья!»).

* * *

Нужно радоваться о переходах в мир лучший, но сердце по-земному трепещет, когда покидают здешний мир прекрасные люди («Доктор Ф.Д. Лукин»).

* * *

Люди определенно делятся на два вида. Одни умеют радоваться небесному зодчеству, а для других оно молчит, или, вернее, сердца их безмолвствуют («Небесное зодчество»).

* * *

Люди различаются на осуждающих и на творящих («Открытые врата»).

* * *

Недаром искусство называлось священным. Без него человечество не вышло бы из животного состояния («Сотрудники»).

* * *

Творчество радуется энергетическими выявлениями («Долой осудительство!»).

* * *

Можно проследить, что человечество, когда наступали сроки обновления, возвращалось к так называемому реализму («Реализм»).

* * *

Истинный реализм – в передаче убедительного смысла виденного. Пусть зритель стоит перед действительностью, и нет ему дела, как она достигнута («Сантана»).

* * *

Правда наиреальнейшая в том, чтобы без лукавых выдумок напомнить и цветом, и звуком о существующем («Тридешатое царство»).

* * *

Наука в ее лучших открытиях оказывается уже искусством («Творчество»).

* * *

Воображение наше – лишь следствие наблюдательности («Небесное зодчество»).

* * *

В изобразительных искусствах синтез есть не что иное, как конденсация всех добрых возможностей («Творчество»).

* * *

Само искусство в сущности своей неделимо, и призрачны все разделы, нанесенные случайностями быта («Мир Искусства»).

* * *

Никакие ни географические, ни этнографические условия не могут разрубить древо искусства («Мир Искусства»).

* * *

Суждения народа о разных родах искусства всегда были задушевны. В то время, когда в высших классах профессия учителя и художника была под сомнением и усмешкою, народ уже любил художника («Сокровища Российские»).

* * *

Во времена упадка надевались всякие нелепые шоры, но возрождение всегда расцветало свободой творчества («Предрассудки»).

* * *

Феникс Культуры всегда жив. Из пепла восстанет («Море волнуется»).

* * *

Музыка – тоже беседа чувств («Слушайте»).

* * *

В песнях познается душа народа («Песни Монголии»).

* * *

Там, где природа крепка, где природа нетронута, там и народ тверд, без смятения («Чаша неотпитая»).

* * *

Один из самых полезнейших злаков – трава благая («Насаждения»).

* * *

Кто знает, почему каждому вверен дозор на том или ином месте? («Возрождение».)

* * *

Каждый странник хранит свою тайну («Странники»).

* * *

Случая почти не бывает, но всегда идет пришествие новых, уже когда-то сложенных возможностей («Порадуемся»).

* * *

Кто знает, где и в каких условиях сказанное принесет лучшую пользу («Посев»).

* * *

Судьбы в руках человечества («Судьбы»).

* * *

Словно заботливый врач, восстает целесообразность. Сделается так, как нужно («Синтез»).

* * *

Наиболее нужное встречает и наибольшие затруднения («Будущее»).

* * *

Часто само напряжение труда или жизненные препятствия выводят сознание на естественный путь («Естество»).

* * *

Горнило испытаний всегда открывало глаза на новые дали («Крылья»).

* * *

Не потому ли испытывается дух человеческий потрясениями, чтобы создать благотворные искры? («Искра».)

* * *

Бывают источники, для которых сами камни являются не препятствием, но благотворным руслом («Содружество»).

* * *

При широком горизонте нет препятствий («Урбанизм»).

* * *

Героизм – не самость. Героизм есть истинный альтруизм. В героизме живет и сияет самоотречение и самопожертвование («Король Альберт»).

* * *

Экое славное русское слово «подвиг». В нем и движение, и творчество, и преуспеяние («Взлеты»).

* * *

Подвиг дан тому, кто может устремляться во имя общего блага («Уберегите»).

* * *

Сколько безымянного подвига проявляется каждодневно, ежечасно! («Новый мир».)

* * *

Поверх печатных хроник пишется нестираемая история героев («Новые друзья»).

* * *

Русский народ уже много раз доказал свое бескорыстие, и потому он удостоен и подвига. В подвиге народ сбережет свои сокровища («Уберегите»).

* * *

Душа русская – не механическая заводная душонка. Нет, русская душа жива Красотою, а в глубинах русского сердца свила гнездо доброта («В новый путь»).

* * *

В сердечном предвидении народ от преходящего идет к вечному («Земля обновленная»).

* * *

Русский народ – под знаком благоденствия. Не страшны ему испытания – претворятся они в достижения («Оборона Родины»).

* * *

Мировая ось зиждется на русской мощи («Красный флаг»).

* * *

В глубоких скрнях захоронены светлые Истины («Зачем»).

* * *

Пусть будет история поэмой Истины («Наше знамя»).

* * *

Должна же наконец наступить та творческая эпоха, когда знание будет лишь отворяющим, но не отвращающим («Открытые врата»).

* * *

Жизнь есть поток – стремительный, изменчивый, шумящий («Сороковой год»).

* * *

Поток жизни – Сантана – прихотлив и щедр. Поток распыляется в отвесном водопаде, чтобы потом опять собраться в русло. Где и когда? («Сантана».)

* * *

Каждый по-своему вперед стремится. В потоке жизни все и многообразно и цветисто («Посев»).

* * *

Чем шире ум, тем целостнее протекает перед ним река жизни («Вперед»).

* * *

Бесчисленны, неохватны океанские волны. Не успеть усмотреть очертания, когда новый вал шумит и кажется самым примечательным («Вестники»).

* * *

Печати древности – для будущего («Печати»).

* * *

Даже очень светлое, насыщенное делами прошлое проваливается перед ненасытным будущим («Будущее»).

* * *

Когда-то каждое будущее станет прошлым. Пусть шлифовка алмазов будет другая, но достоинство камня сохранится («Открытые врата»).

* * *

Давнее встает всегда нежданно в обновленной форме, выявляя грань по обстоятельствам («Синтез»).

* * *

В сборах всегда кроется и начало чего-то («Сборы»).

* * *

Ничего нет оконченого в Великой Относительности («Монсальват»).

* * *

Эволюция протекает поперх всяких человеческих заторов и наветов («Парапсихология»).

* * *

Эволюция никогда не совершалась большинством, а была ведома меньшинством, самоотверженным, готовым претерпеть выпады невежд («Парапсихология»).

* * *

Эволюция повелительно устремляет человечество к нахождению тончайших энергий («Парапсихология»).

* * *

Наш век есть эпоха энергетического мировоззрения («Парапсихология»).

* * *

Во всех веках, во всех концах мира торжественно подтверждена жизнь вечная («Жизнь вечная»).

* * *

Одно кончается, чтобы процвело другое – в вечной жизни («Урбанизм»).

* * *

Время есть делание. Время есть мысль («Время»).

* * *

Работа мысли безгранична («Значительность»).

Заветы

Раскрепостите мысль («Молодежи»).

* * *

Молодые друзья, искореняйте гнезда дикости! («Проверка».)

* * *

Освободитесь от предрассудков. Их слишком много в обиходе («Молодежи»).

* * *

Уберегайте весь быт от всякого пустословия («Значительность»).

* * *

Главное – изгоняйте невежество. Оно – корень всякого зла («Эволюции»).

* * *

Милые ученые, наряду с витаминами найдите и антифобин, чтобы непреложным научным методом уничтожить разлагающие фобии («Антифобин»).

* * *

Кто вопит: «Нельзя, нельзя»? Пусть будет «можно» во всем познании вдохновительной природы. Можно, можно! («Предрассудки».)

* * *

Опасайтесь всех тушителей на всех путях их («Тушители»).

* * *

Слова отрицания и незнания заменим изумлением и восхищением («Земля обновленная»).

* * *

Не умаляйте! Великий Агни сжигает поникшие крылья («Знамя Мира»).

* * *

По закону Бытия все стремится к Свету. Но не забудем, какие мрачные фантомы лепятся иногда около лампы («Содружник»).

* * *

Очень различайте подлинных от неподлинных («Культура»).

* * *

Друзья, не обращайтесь внимания на клеветников – ведь это обезьяньи ласки («Из письма»).

* * *

Человечность, где ты? («Флюгера».)

* * *

Неразумные, не затроньте русский народ в его достоинстве («Достоинство»).

* * *

Русь захороненная, Русь подземная, покажись во всем величии! («Народность».)

* * *

Имейте в себе соль («Содружество»).

* * *

Храните бодрое настроение – эти крылья несут и высоко и далеко («Культура»).

* * *

Рулите выше! («Молодому другу».)

* * *

Поверх житейских забот найдем час для самого высокого («Культура»).

* * *

Искусство жизни пусть будет самым высоким («Сотруднице»).

* * *

Будем помнить, что всем нелегко, а при происходящих мировых событиях всем очень трудно. Пожалеем друг друга! («Наше Латвийское общество».)

* * *

И в трудностях подумайте, чем жив человек («Весна»).

* * *

Даже в трудные дни накопим и научимся («К дальним»).

* * *

Будем все особенно зорки. Станем на бессменном дозоре («Америка»).

* * *

Друзья, действуйте спешно! («Охранителям культурных ценностей».)

* * *

Действуйте, действуйте. В действии рождаются силы («АРКА»).

* * *

Пусть будет каждое ваше движение – продвижением («Продвижение»).

* * *

Пусть приходят новые друзья. Пусть будут они деятельнее врагов («Новые друзья»).

* * *

Пусть все движется в новых зарождениях («Посевы»).

* * *

И во время войн будем готовить истинный мир во всей его просветленной деятельности (24 марта, 1940).

* * *

Не огорчайтесь незнанием, но смотрите на него как на лучшую пашню (24 марта, 1940).

* * *

Не будем предрешать, но будем сеять («Посев»).

* * *

Пусть каждый честно отвечает за свои посевы («Посевы»).

* * *

Не потеряем ни дня, ни ночи для посева благословенных семян утончения и возвышения духа («Знамя Мира»).

* * *

Будьте сеятелями! («Шанхай».)

* * *

Не опасайтесь твердить о Красоте. Необходима поливка Сада Прекрасного («Счастье»).

* * *

Идите путем прекрасным («Единение»).

* * *

В Гималаях, в их горной державе, заключен магнит прекрасный... Сам прикоснись!
(«Долой осудительство!»)

* * *

Собирайте мед из лучших цветов («Спешим»).

* * *

Творите, творите, творите! («Друзья Востока».)

* * *

Будьте проще и любите природу... Вы творите не потому, что нужда заставила. Поете, как
вольная птица, не можете не петь («Молодому другу»).

* * *

Творите во всем неисчерпаемом творчестве сосуды цельные и прекрасные. Украшайте их
лучшими помыслами («Фредум»).

* * *

Охраним мечту как лучший мост к построению действительности («Мечты»).

* * *

Будьте строителями прекрасных мостов! (24 марта, 1940.)

* * *

Поймем ежедневную работу не как отвратительные кандалы, но как пранаяму, которая
пробуждает и координирует наши высочайшие энергии («Знамя Мира»).

* * *

Работайте каждый день. Непременно каждый день что-то должно быть сделано («Молодому другу»).

* * *

Веселей любите труд... Как пчела, собирайте мед отовсюду... Дайте радость и кому-то, вам неведомому («Молодому другу»).

* * *

Сумейте не только почитать, но и сердечно полюбить светлое созидание («Единение»).

* * *

Будем очень бережливы. Будем очень бережны! («Бережливость».)

* * *

Будем знать и терпимость и терпение («Фредум»).

* * *

Не отгоните, не закройте дверей стучащимся (24 марта, 1940).

* * *

Откройте посланцу. Допустите доброжелательно («Друзьям»).

* * *

Друг, найди слова самые простые, самые сердечные, самые доходчивые («Доступнее»).

* * *

Представьте, как постучится друг в сердце ваше. И найдите, найдите ласковое слово, чтобы достойно встретить близко-далекого (24 марта, 1940).

* * *

И в холоде зимы, и в тепле лета внесем нашу лепту Добра («АРКА»).

* * *

И мыслью, и словом, и делом будьте воинами Добра («Шанхай»).

* * *

Уподобимся ледоколам. Пусть будет кому-то легче идти («Новые друзья»).

* * *

«Радуйся» и «помогай» – такие зовы являются современной необходимостью («Литва»).

* * *

Будьте добры, помогайте всюду, где можете помочь во имя добра, и верьте в светлое будущее Родины («Содружник»).

* * *

Поймите энергетическое сотрудничество как реальнейшее познание («Молодежи»).

* * *

Сблизимся со всем ладным и созидательным («Русскость»).

* * *

В памятные дни будем сходитья. Пусть каждый принесет с собою самые возвышенные мысли («Привет вам, дорогие друзья!»).

* * *

Объедините вашу мыслительную мощь во благо («Привет вам, дорогие друзья!»).

* * *

Умейте поддерживать друг друга на спусках и на восходах («Друзьям»).

* * *

Любите самодеятельность во всем самоотвержении... Поддержите друг друга, обоюдно помогите на трудной пашне общечеловеческой Культуры («Единение»).

* * *

Художники всех областей, помогите! («Героический реализм».)

* * *

«Спасайте Культуру!» Этот зов не есть отвлеченность, но призыв к спасению человека («Психический каннибализм»).

* * *

Помните, что бездейственной обороною ничего не спасете. Победа – в обдуманном наступлении на врагов темных, жестоких в невежестве – только так можно оборонить Культуру («Дозор»).

* * *

Твердите о Culture. Не бойтесь, если вас будут укорять в повторениях. В сущности, повторений в природе вообще не существует («Дозор»).

* * *

Если зубр не понимает значения культурных сношений, то и не пытайтесь его разуверять. Он – вымирающий тип («К будущему»).

* * *

Пусть каждая некультурная атака на познание встречает четкий обоснованный отпор, чтобы воинствующие невежды садились в ту лужу, которую они заслуживают... Пусть невежды будут выявлены самым ярким способом («Твердим»).

* * *

Не считайте безысходностью проходящую тучу («Вивите форте»).
* * *

* * *

Не надрывайтесь в бурю («Доплывем»).
* * *

* * *

Не надрывайте сил, но приложите все добрые возможности к целению ран человеческих («Друзья»).

* * *

Наблюдайте пристально и широко-дальнозорко – и вы будете убеждаться в мощи Надземных посылок («Шанхай»).

* * *

Всякое переустройство начните словом «Культура» («Культура»).

* * *

Потрудимся во имя Красного Креста Культуры! («Друзья».)

* * *

Молодежь! Вы, самые юные, самые устремленные в светлое будущее, перечтите, что писалось о сохранении культурных сокровищ, и продолжите нашу работу («Охраните!»).

* * *

Держите дозор за Культуру! («Досмотры».)

* * *

Ведите неоспоримую линию Культуры. Под этим знаком пройдете («За Культуру»).

* * *

Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего («Софийский Собор»).

* * *

Молодежь, помни о прекрасных наследиях минувшего («Софийский Собор»).

* * *

Любите прошлое, когда оно вынырнет из нажитых глубин, но живите будущим («Будущее»).

* * *

Приобщайте молодых. Незаметно минуют целые поколения («Путники»).

* * *

Образуйте народного учителя. Дайте ему сносное существование («Молодежи»).

* * *

Помоги, школьный учитель! Помоги, учительница – сестра милосердия! («Корабль Культуры».)

* * *

Пусть во всем умении проявятся учителя, около которых молодые искатели могут собираться («Тревожно»).

* * *

Оповещайте, зажигайте сердца! («Зажигайте сердца».)

* * *

Помните о Светлом Наставнике народа русского, о Сергии Радонежском («Ужас»).

* * *

Особенно добавим зов о доверии и преданности Великому Учителю (24 марта, 1940).

* * *

Пусть навсегда укрепится сознание о всех жизнедателях и жизнехранителях («Сеятели»).

* * *

Пожелаем лишь и всем и себе прежде всего, чтобы чаша духа не расплескалась («Желанный труд»).

* * *

Пусть, несмотря ни на что, процветут пустыни песчаные и пустыни духа человеческого («Добро»).

* * *

О подвиге думайте. Духа не угашайте! («Прощание».)

* * *

Превозможем! («Душное лето».)

* * *

Живите сильными и преодолевайте («Вивите форте».)

* * *

Во имя блага будьте воителями! («Культура».)

* * *

Тесно время! Удвоим усилие! («Русскому сердцу».)

* * *

Так и пройдем – по большим вехам («Преодолеваем»).

* * *

В добрый, бодрый путь! («АРКА».)

* * *

Будем радоваться! («Будем радоваться».)

* * *

Сбережем для Зари наши лучшие приветствия («Зачем»).

* * *

Каждый может применить основы нравственности среди происходящих смятений (24 марта, 1940).

* * *

Так требуются напутствия, что и час пропустить нельзя («Посев»).

Непримененные истины

Если мы неуспешны, значит, где-то дрогнуло сердце, значит, где-то кто-то попятился и не дотянул руку до ключа врат («Держава Культуры»).

* * *

Печально, если кто-то временно вспыхивает, а потом поникает... Плохи часы, ходящие то быстро, то медленно («Естество»).

* * *

Самое страшное – это повернуть голову человека назад, иначе говоря, удушить его («Народный учитель»).

* * *

Непримененная истина не есть трюизм («Дозор»).

* * *

Плох лес, не имеющий подлесья («Торнадо»).

* * *

Не только жизнь, но и само достоинство, честь названную придется в опасность поставить, когда неотложно нужно помочь («Посев»).

* * *

Не в золоте правда. Многие возмутятся, если скажете, что истинная ценность в единице труда («Безумие»).

* * *

Многи подделки, но особенно страшна подделка счастья («Счастье»).

* * *

Сказали ли в школах об этом размалеванном вампире, который в обиходе называется «счастьем мещанским»? («Борьба».)

* * *

Скука есть не что иное, как падение жизненной энергии («Рождение скуки»).

* * *

Скука не в окружающих обстоятельствах, не в жизни, но в самих людях («Рождение скуки»).

* * *

Всякое уныние обычно возникает от недостатка творчества, скажем вернее – добротворчества («Единение»).

* * *

Неосознанная радость долга обращается в скорбную необходимость («В новый путь»).

* * *

Всякое уныние пресекает лучшие возможности («Друзья»).

* * *

Безразличие уже будет омертвлением («Мысль»).

* * *

Уж эта прохлада! Уж это равнодушие! Ведь в них заключается замирание энергии и выступает позорное безучастие («Равнодушие»).

* * *

Всякий признак лени и неповоротливости нужно изъять всюду («Архивы»).

* * *

В каждой пассивности имеется своего рода активность, и такая активность может быть еще страшнее и отвратительнее («Вандалы»).

* * *

Только бы защитники правды не раскланивались вежливо с жуликами («Памятный день»).

* * *

Всякие неискренние улыбки пусть будут уделом невежд, которые не знают об основах бытия (24 марта, 1939).

* * *

Всякая законченность будет признаком усталости или, вернее, неведения («Кольца»).

* * *

Полумеры во всем ужасны («Америка»).

* * *

Всякое раздражение уже есть основа несправедливости («Терпение»).

* * *

Неистов тот, кто не понимает смысла равновесия («Терпение»).

* * *

Если животное заметит хотя бы один неистовый знак или движение, оно перестанет уважать своего хозяина («Nat-og-Dag»).

* * *

Даже дикие животные не укрощаются грубостью... Всякая грубость потрясает не только своей жестокостью, но и бессмысленностью («Жестокосердие»).

* * *

С ругательствами надо полегче. От них лишь вред получается («Герои»).

* * *

Забывать прекрасное уже значило бы одичать («Notre Dame»).

* * *

Неслышно вползает одичание, а изгнать его трудно! («В новый путь».)

* * *

Жестокость – одичание – тупость. Дети, наученные первому, неминуемо впадут и в последующее («В новый путь»).

* * *

Всякое отупение поведет к огрубению («Значительность»).

* * *

Яд огрубения хуже любого наркотика («Огрубение»).

* * *

В огрубении человек теряет и чувство справедливости, и соизмеримости, и терпимости («Значительность»).

* * *

Нетерпимость есть не что иное, как дикость. Нетерпимый человек не пригоден для общности («Мысль»).

* * *

Пржевальский писал: «Я искал дикого человека в Средней Азии, а нашел его у себя в Смоленской губернии». Такое должно кончиться («Сберегите»).

* * *

Укус пятисот пчел равен укусу кобры («Предубеждение»).

* * *

Укус бешеного человека опасен так же, как и бешеного животного («Смерч»).

* * *

Стоит ли столько искать витамины, если человек по-прежнему будет вырабатывать морбины? («Смерч»).

* * *

Легче не заводить червей, нежели потом бороться с ними («Черви»).

* * *

Человек, окруживший себя негодными призраками-любимцами, достоин такого же сожаления, как и породивший неприязнь в себе («Неприязнь»).

* * *

Самомнение мешает человеку воспринимать действительность («Одичание»).

* * *

В самости нет простора, нет полета к обновлению («Вперед»).

* * *

Самооправдываться – это уже значит самообвинять («Естество»).

* * *

В надутой обидчивости не откроется сердце («Польза доверия»).

* * *

Ехидна своекорыстия, узурпаторства, нападения не может гнездиться в сердце, взыскующем лучшее будущее («Доктор Ф.Д. Лукин»).

* * *

Бывают ли волки в овечьих шкурах? Бывают, да еще какие! («Польза доверия».)

* * *

Зло всегда в чем-то несведуще и никогда не сможет достигнуть высшей степени понимания («Самопожертвование зла»).

* * *

Даже евангельское «Не ведают, что творят» не оправдывает сеятелей зла («Посевы»).

* * *

Любостяжание делает человека бесчестным, лишает его цельности и других благородных качеств («Caveant consules»).

* * *

Мошенник не может быть таковым лишь в одном случае – его прирожденное свойство скажется многообразно («Америка»).

* * *

Жульничество во всех видах должно быть караемо («Америка»).

* * *

Попустительство есть соучастие в преступлении («Вандалы»).

* * *

Человек волен погрязать в любой мерзости. На то он имеет свободную волю. Но не имеет он права заражать молодежь («Найдите прививку»).

* * *

Макар получит на свою голову все разбросанные им шишки. Вовсе не «бедный Макар», а Макар заслуживший («Причины»).

* * *

Нет, с оружием не пройдешь («Лонак»).

* * *

Поднявший насилие от насилия и погибнет («Взаимость»).

* * *

Неразумно насильствовать, если какие-то вещества, противные для восхождений, еще не изжиты («Естество»).

* * *

Всякая трусость уже будет невежеством («Значительность»).

* * *

Ужасом не спастись от хаоса. Ужас и есть врата к нему («Следы мысли»).

* * *

Нечего опасаться хаоса, если соблюдены целесообразность и соизмеримость («Предубеждение»).

* * *

Страх можно превозмочь надеждою на светлое будущее («Ужас»).

* * *

Большинство человеческих болезней и несчастий происходит от предательства («Единение»).

* * *

Можно гнуть и сгибать, но не больше меры. После чего или лопнет, или поразит бумерангом («Четвертый год»).

* * *

Каждый стремящийся к искажению уже будет человеком неверным («Письмо»).

* * *

Каждый глумящийся уже предательствует («Единение»).

* * *

От пошлости до подлости – один шаг («Пройдет»).

* * *

Предательство так разнообразно в своем оперении. Если хотя бы малое перышко от предательства произрастает, опасность уже будет велика («И это пройдет»).

* * *

Много жутких зрелищ, но тридцать сребреников – самое страшное («Жуть»).

* * *

Уберегитесь говорить о том, чего не знаете («Посевы»).

* * *

Нет новшества в осуждении («Открытые врата»).

* * *

Каждый в своем обиходе может уменьшить вольную и невольную ложь («Посевы»).

* * *

Всякая ложь прежде всего некультурна («Свет побеждает тьму»).

* * *

От глупого приукраша до гнусной клеветы недалеко («Посевы»).

* * *

Скверно и душно, когда властвуют клевета, наговоры, пересуды... («Психический каннибализм».)

* * *

Клевета есть передача лжи («Болезнь клеветы»).

* * *

Клевета должна быть судима наравне с физическим убийством («Шептуны»).

* * *

За ложь каждый сам расплатится (Из письма).

* * *

Лучше быть обманутым, нежели быть обманщиком («Единение»).

* * *

Разрушитель, лжец, извратитель не может быть носителем мира. Твердящие о мире должны запечатлеть этот принцип во всей своей жизни («Вехи»).

* * *

Прежде всяких самовольных выводов следует непредубежденно собирать факты («Оттуда»).

* * *

Основывайтесь на фактах, но на таких, где потребуются и мощные телескопы, и чуткие микроскопы («Молодежи»).

* * *

Зараженному мозгу уже не нужны никакие факты («Нерушимость»).

* * *

Главное – воздерживаться от всяких предрассудков. Ведь это они своею мертвенностью влагают в мозг предрешенные, несправедливые, ограниченные соображения («Письмо»).

* * *

Предубежденность есть прежде всего невежественность... Предубеждение в самом слове напоминает, что человек чрезмерно рано сам себя в чем-то убедил («Предубеждение»).

* * *

Несовместимы предубеждение и эволюция («Предубеждение»).

* * *

Никакой дом в раздоре не строится, и никакая песня в больших судорогах не складывается («Друзья сокровищ Культуры»).

* * *

Даже о себе забывают люди, куя цепи раздора и взаимоненависти («Единение или гибель»).

* * *

Незнающим и смущенным можно сказать: не ссорьтесь, особенно же в часы такого небывалого напряжения («Наше Латвийское общество»).

* * *

Каждый порознь не вытянет («Единение или гибель»).

* * *

Если кто будет говорить о мире, наточив нож в сердце своем, то это будет не мир, а лицемерие («Фредум»).

* * *

Не думайте, что злошептания менее вредны, нежели открытые вражеские нападения («Шептуны»).

* * *

Единение не может быть притворным и лукавым. Всякая ложь в единении будет разрушительна («Привет вам, дорогие друзья!»).

* * *

Без взаимности всякая договоренность будет лишь пустым и стыдным звуком («Взаимость»).

* * *

Сила притяжения не в злобе и ненависти, но в добре («Сильны, богаты»).

* * *

Без сотрудничества, без доверия, без доброжелательства невозможно приближаться к сферам тонких энергий («Битва»).

* * *

В каждом неверии уже заложено кощунство («Нерушимость»).

* * *

Потеря чувства доверия будет значить уже утерю жизнедеятельности («Польза доверия»).

* * *

Без врагов – как песнь без аккомпанемента. Да и на ком же измерить длину тени своей делателю? («Симфония жизни».)

* * *

Плохо, если супротивники сущности твоей согласятся с твоими деяниями. Пусть они всегда будут нападать и угрожать и тем умножать твои силы («Борьба»).

* * *

Бесспорное всегда особенно озлобляет вражескую сущность («Бесспорное»).

* * *

Похвала врага – в степени его озлобленности («Америка»).

* * *

Костры и факелы дикарей являются лишь озарением пути. Без врагов люди забыли бы о многом полезнейшем и прекраснейшем («Чюрлёнис»).

* * *

Во временном пользовании всякая подвижность и неподвижность. Не унести ее за пределы земные («Радость народа»).

* * *

Отказаться от собственности совсем не трудно.

* * *

Кичливое, жадное «я» заменяется сотруди́ческим «мы». «Мое» непрочно, а «наше» уже устойчивее («Радость народа»).

* * *

Вандализм вещественный еще ничто перед рабством мысли, скованной невежеством («Культура»).

* * *

Лишь бы только не было мыслей взаимопоедающих («Возрождение»).

* * *

Как прискорбно наполнять пространство необдуманно иероглифами! За каждый из них мы ответим, и ответим в пространственном мегафоне («Неприятность»).

* * *

Все бессмысленное непристойно («Значительность»).

* * *

Почтительно проследить, как мрачные замыслы душат даже самые здоровые начинания («Правильное задание»).

* * *

Насколько нелегко повернуть руль в правильное течение мысли («Неприятность»).

* * *

Тьма должна быть рассеиваема беспощадно с оружием Света и в правой, и в левой руке («Средневековье»).

* * *

Истинная профилактика будет заключаться не в глотании химических таблеток, но в оздоровлении прежде всего условий быта («Предсказания»).

* * *

Во имя профилактики нельзя молчать там, где обнаруживается несомненная злоумышленная зараза («Средневековье»).

* * *

Можно ли молчать, когда под уловкою скепсиса потрясаются вечные корни? («Зачем?»)

* * *

Если кто-то заметит поджог, то он не может в самости продолжать путь свой и не предупредить своего брата («Средневековье»).

* * *

Мир не может строиться на чьем-то унижении, умалении и на самовозвеличивании... Во всем и всегда должно быть охраняемо человеческое достоинство («Фредум»).

* * *

Неразумно выдвигать что-либо поруганием всего соседнего («Обзоры искусства»).

* * *

Не опустимся, чтобы затемнить чье-то достижение («Русскость»).

* * *

Душа на перекрестке не откроется («Непосланное»).

* * *

Заплаты ветхие, нашивки шутовские нужно суметь снять. Надо суметь открыть в полном виде трогательный облик человека («Земля обновленная»).

* * *

Всякая обветшалость, и материальная, и духовная, одинаково непригодна («Урбанизм»).

* * *

Никакое общество не может успешно разрешать свои жизненные задачи на основании обветшалых суеверий и окаменелых ужасов («Урбанизм»).

* * *

Понятие роскоши – безобразно. В нем распад и разврат. В происходящем переустройстве мира все разрушительные атрибуты роскоши должны быть отвергнуты («Сотруднику»).

* * *

Не в безработице, а в неоплатице дело («Грозы»).

* * *

Самые лучшие вещи можно убить их нелепым расположением («Борьба за Культуру»).

* * *

Разрушение музея есть разрушение страны. Будем помнить это во всех смыслах («Катакомбы»).

* * *

Без познания гуманитарного не продвинуться («Проблемы»).

* * *

От реализма могут быть пути, но абстракция – тупик («Культура»).

* * *

Нельзя думать, что сперва можно отравить человека, а потом преподать ему основы Культуры («Мясин»).

* * *

Если Культура будет загнана, как жалкая приживалка, она не сможет воздействовать на человечество («Психический каннибализм»).

* * *

Нередко попугайно твердится слово «Культура», но смысл его затемнился («Герои»).

* * *

Когда весь мир содрогается в смущениях и судорогах, тогда особенно невыносимо всякое пустословие («Значительность»).

* * *

Нужно отличать истинный глас народа от подсунутого ему преднамерения какими-либо соблазнителями («Естество»).

* * *

Можно самое замечательное явление пытаться насильственно приклеить к ничтожному основанию («Предубеждение»).

* * *

Рог Зигфрида не звучит в запертом подвале («Зигфрид»).

* * *

Помимо лопуха огородного, существует еще нечто, что мощно заставляет помыслить и отнестись внимательнее к жизни («Вехи»).

* * *

Сколько миражей! И какие привлекательные! Много опыта надо иметь, чтобы отличить очевидность от действительности («Миражи»).

* * *

Главное – избегать всего отвлеченного. Ведь, в сущности, оно и не существует, так же как и нет пустоты («Мастерская Куинджи»).

* * *

Утерянные духовные возможности напоминают о себе, как ухабы на дороге («Чаша»).

* * *

По неведению люди запнулись за многое, через что нужно было лишь перешагнуть, если ясен путь дальнейший. Но, очищая значение остальных понятий, люди получают и путь ясный, в котором «ужасные проблемы» станут лишь камнями перехода великой реки («Симфония жизни»).

* * *

Если вы чего-то хотите, вы должны магнитом сердца привлечь это («Порадуемся»).

* * *

Жизнь говорит: захоти – и увидишь, пожелай – и познаешь («Он»).

* * *

Для всего требуется упорное и бережное, зоркое устремление («Вехи»).

* * *

Вышедший искать карлика, может быть, найдет великана («Великаны и карлики»).

* * *

Где велика ставка, там и большое нахождение («Самонужнейшее»).

* * *

Иногда ищем далеко, а оно совсем близко («Грабарь»).

* * *

Творяща вера. И любовь окрыляюща («Он»).

* * *

Болезненно растут крылья («Крылья»).

* * *

Если бы вам пришлось спуститься в пещеры и в катакомбы, то вы сделаете это лишь для восхождения («Катакомбы»).

* * *

Без надежды не пройдешь («Membra disjecta»).

* * *

По лучшему и придете к лучшему («Жизнь вечная»).

* * *

Все творится «руками и ногами человеческими» не в заоблачных высях, а здесь, на... земле («Семья художества»).

* * *

Тернии далеких пустынных путей дают прекрасные цветы шиповника («Тернии пути»).

* * *

Благословенны препятствия, но и они не должны нарушать строительной гармонии («Ко времени»).

* * *

На всех путях человек должен помочь судьбе («Подвиги»).

* * *

Дорога должна быть чиста не потому, что сам по ней пойдешь, но пойдут и ближние и дальние («Молодежи»).

* * *

Закат – для восхода. Чистится обувь для нового пути («Путники»).

* * *

Прежде всего и во всем нужно знать («Видения»).

* * *

Познание всегда неподкупно («Причины»).

* * *

Незнание часто лучше кичливого малого знания: от незнания, минуя среднее знание, могут построиться мосты к Высшему (24 марта, 1940).

* * *

Вечен спор о духе и материи. Хотите – все дух, хотите – все материя. Величие Надземной Беспредельности ведет к постоянному познанию («Сотруднику»).

* * *

Без веры нет осуществления («Порадуемся»).

* * *

В вере все легко. Ведь вера есть, попросту говоря, знание («Порадуемся»).

* * *

Даже наитруднейшие обстоятельства побеждаются истинною верою, которая уже делается прямым чувствознанием («Великий Облик»).

* * *

Полюбить – уже значит ввести в сознание («Испытания»).

* * *

Совершенствование происходит лишь в условиях постоянного познания («Лики»).

* * *

Свет и звук – два ключа к познанию («Зов Роланда»).

* * *

Образ – вообще начало знания, и потому можно историю Культуры России изложить в великолепных образах («Возрождение»).

* * *

Все испытается, все миры на испытании («Испытания»).

* * *

Все нужно воспитать и испытать («Промедление»).

* * *

Испытание всегда приходит на малом («Бережливость»).

* * *

Каждое испытание будет принято в сладости познания нового («Nat-og-Dag»).

* * *

Утончение и возвышение сознания могут идти лишь рука об руку («Вехи»).

* * *

Признательность всегда отмечалась как высокая утонченность, как признак возвышенного мышления. Скажем, как признак чистой сердечности («Эпика скорби»).

* * *

Тот, кто знает значение благодарности, тот стучится в дверь светлого будущего («Русь»).

* * *

Только расширенным сознанием можно воспринимать и человеческую боль, и человеческую радость («Литва»).

* * *

Вместить – значит понять, а понять – значит простить («И это пройдет»).

* * *

Всякий не испытанный в терпении, конечно, может запнуться даже за маленькие ступени («И это пройдет»).

* * *

Искушения терпения всегда будут и учебниками терпимости и вмещения («И это пройдет»).

* * *

Допущение и терпимость редко уживаются в обиходе. Когда говорим «ждать и надеяться», это не значит сложить руки. Наоборот, ожидание есть напряжение всех способностей, повышение всех вибраций («Спешим»).

* * *

Там, где терпение, там не может быть поражения в светлых задачах («Школы»).

* * *

Мало одного терпения, нужна уверенность в правом пути (24 марта, 1940).

* * *

Поверх всех законов живет закон моральный, и на нем зиждется право («В Америку»).

* * *

Каждый может применить основы нравственности среди происходящих смятений (24 марта, 1940).

* * *

Для коммерции нужны безупречные люди («Вдаль»).

* * *

Ни одно деяние не избавлено от морального суда («Симфония жизни»).

* * *

Этическая основа охватывает всю действительность, всю человеческую деятельность («Симфония жизни»).

* * *

Истинные достойные действия всегда будут далеки от жестокости и кровожадности. Но в них будут твердость и неуклонность («Самонужнейшее»).

* * *

В троекратности действия – по способности, по надобности, по неотложности – обозначаются черты самонужнейшего («Самонужнейшее»).

* * *

Если что-то должно быть – оно и делается («Наггар»).

* * *

Разве орбита светил могла бы допустить промедление? («Промедление».)

* * *

Каждый миг остается неповторенным («Чаша»).

* * *

Не должно быть отложено на завтра все, что может быть воспринято сегодня («Чаша»).

* * *

Разберись в вестниках, в гонцах, в предтечах... Ко времени, к срокам слагаются проявления («Доступнее»).

* * *

Для всего нужны добрые сроки («Смятение»).

* * *

Приливы и отливы – тот же пульс. И это пройдет. Новое вспыхнет нежданно там, где рассудок и не предполагает («Борьба»).

* * *

Даже когда говорится о новых гранях, то можем ли мы утверждать, что они новые и что они грани? («Новые грани».)

* * *

Каждый цветок пошлет пыль свою не во зло, а во благо («Полезьа доверия»).

* * *

Крылья даны для благих полетов («Дар небесный»).

* * *

Всякая беседа о благе будет истинным наполнением пространства («Полезьа доверия»).

* * *

В служении человечеству содружники выплачивают свой долг всему существу («Содружество»).

* * *

Служение может быть принято лишь добровольно («Nat-og-Dag»).

* * *

Среди неотложных задач будет прежде всего внесение в мир доброты («Женщина»).

* * *

Главное, по добру, о добре, ради добра («Сотруднице»).

* * *

Истинное утверждение получится, когда будете собирать знаки добрые. Ведь один добрый знак покрывает многие несовершенства («Чандогия Упанишадь»).

* * *

Нужно особенно радоваться каждому доброжелательному изысканию – в нем заключено истинное добротворчество («Старинные лекарства»).

* * *

Добрыми мыслями куется добротворчество, ради него нужно напрячь все силы, все умение, всю целесообразность («Сближение»).

*** Самоусовершенствование не есть самость, но именно широкое добротворчество («Единение»).

* * *

Среди сокровищ человечества неистощимы и улыбка, и привет, и доброе пожелание. Около них раздобрее почва, и вырастут прекрасные целительные травы («Сближение»).

* * *

К доброму сердцу тянется и все доброе («Пандитджи»).

* * *

Побеседовать о добре – уже значит помыслить о пользе («Добро»).

* * *

Никогда не знаете, где и как добро отзвучит («В будущее»).

* * *

Каждое доброе дело распространяется неизмеримо далеко («Самопожертвование зла»).

* * *

Нет такого места в мироздании, где бы добротворчество было бы неуместно («Польза доверия»).

* * *

Очаги добротворчества нужны так же, как врачебно-санитарные учреждения («Единение»).

* * *

Добротворчество настолько необходимо, что во всех видах своих может быть выполняемо ежечасно («И это пройдет»).

* * *

Всякое доброе дело привлекает пристальное внимание темных сил («Самопожертвование зла»).

* * *

Насколько лучше должны быть организованы силы Добра, чтобы не принизить своего ближнего и брата-воителя («Самопожертвование зла»).

* * *

По добру всегда можно сговориться («Membra disjecta»).

* * *

Добро едино во всем своем многообразии («К дальним»).

* * *

Сойтись в добре ради блага общего уже будет истинным подвигом («Единение»).

* * *

Сердечно и просто создается помощь («Добрая мысль»).

* * *

Поверх материальной помощи стоит помощь сердечная. И в этом саду вырастают самые редкие и ценные цветы (24 марта, 1942).

* * *

Помощь не должна взвешиваться. На каких таких весах полагать доброжелательство и самоотвержение? («В рассеянии сущие».)

* * *

Песнь труда есть великое созвучие всех взыскующих («Борьба»).

* * *

Без сердца, без красоты и самый труд превратится в подъяремную работу («Привет вам, дорогие друзья!»).

* * *

Была мука, а произошла мука. Без трудности и труд не увенчается («Сокровища Российские»).

* * *

Не бывает славного труда без темных противодействий («Памятки»).

* * *

Из творчества, из собирательства, из труда крепнет мужество («Мужество»).

* * *

Всякое творчество умножает и мышление («Грозы»).

* * *

Давно сказано: «Если устал, начни еще. Если изнемог, начни еще и еще» («Борьба»).

* * *

Отдых заключается не в отуплении, но в разумной смене труда («Будущее»).

* * *

Труд, постоянное делание, творение есть лучшее тоническое лекарство («Сеятели»).

* * *

Труд, кроме того, что он полезен всему Мирозданию, он прежде всего полезен для самого трудящегося («Содружник»).

* * *

Не бойтесь постоянной работы. Напрасно сидеть у берега и ждать попутного вдохновения. Оно приходит мгновенно и неожиданно. И не знаете, какой луч света, или звук, или порыв ветра зажжет его («Молодому другу»).

* * *

Не терзайте себя методами, лишь бы вам вообще хотелось работать («Молодому другу»).

* * *

Следует, чтобы люди не только чувствовали себя допущенными, но и ощущали бы себя содеятелями («Общее дело»).

* * *

Там, где любовь к делу, там и безграничны возможности («Школы»).

* * *

Чайки надежды летят перед ладьями искателей... Нет такого труда, впереди которого не могла бы лететь чайка («Чайка»).

* * *

Трудовой источник не может быть исчерпан. В Беспредельности живет труд («Привет вам, дорогие друзья!»).

* * *

Именно творческим трудом объединены Миры («Привет вам, дорогие друзья!»).

* * *

Синтез заповедан во всем... Специализация полезна, если она служит синтезу («Вперед»).

* * *

Если творимое вами высоко в своем качестве, то можете быть спокойны – всякое подражание окажется и подлым, и пошлым и пожрет самое себя («Подражание»).

* * *

Разве не дело каждого правительства заменить пошлость явлениями высокого качества? («Serencipity».)

* * *

Слово «ладно» – от лада, от ритма. Каждая постройка нуждается в общем ритме («Нужное слово»).

* * *

Понявший строй жизни, вошедший в ритм созвучий внесет те же основы и в свою работу («Врата в Будущее»).

* * *

Чувство гармонии, соизмеримости является отличительным качеством истинного строителя («Строитель»).

* * *

Все глубоко осознаваемое не в шуме и в смятении творится, но нарастает планомерно, в высшей соизмеримости («Шри Рамакришна»).

* * *

Соизмеримость должна подсказать, насколько нужно устремлять все внимание к самому ценному и самому важному («Смерч»).

* * *

Во благе рождается соизмеримость («Нерушимость»).

* * *

Не алмазы-камни, но алмазы творчества лежат в основе строительства («В новый путь»).

* * *

Тончайшие изваяния творились мощными ударами, и такие удары рожают искры Света («Шанхай»).

* * *

Там, где строят, – там не разрушают («Наран Обо»).

* * *

Строитель должен созидать («Строитель»).

* * *

Нерушимость есть условие каждого созидания («Нерушимость»).

* * *

Если мы посмотрим историю всяких строений, то именно поразимся, как возможности нарождались вместе с возведением стен и башен («Строитель»).

* * *

Ваше единственное достоинство – крепость вашего духа («Привет вам, дорогие друзья!»).

* * *

Во всех условиях нужно хранить то, чем жив дух человеческий («Летопись искусства»).

* * *

Среди самых повседневных действий, среди самых мелочных рутинных забот происходит несменная работа духа («Испытания»).

* * *

Мы должны стремиться к разоружению не только в отношении военных кораблей и пушек, но и нашего духа («Великая Матерь»).

* * *

Дух человеческий не знает физических преград («Наран Обо»).

* * *

Никакие роботы не победят дух человеческий («Грозы»).

* * *

Никакая омертвелость не коснется живого возвышенного духа («Письмо»).

* * *

Дух, мозг разве старятся, если человек не хочет впасть в старость? («Булгаков».)

* * *

Именно с годами, с накоплением опыта человек должен становиться огненнее («Равнодушные»).

* * *

Место пусто будет лишь в неготовом духе. Но в готовности, в несломимом рвении человек оживит и пустыни («Ни дня, ни часа»).

* * *

Если есть решимость духа и самоотверженность, то создадутся такие твердыни, которые никакие яды, никакие орудия не разрушат («Сравнение»).

* * *

Нужно иметь уверенность в прочности духовных построений («Нерушимость»).

* * *

Всякий звук не только не умирает, но претворяется и далеко и высоко («Значительность»).

* * *

Наполнение пространства есть величайшая ответственность человечества («Serencipity»).

* * *

Истинная сила привлекается и усвоится там, где облагорожена мысль («Истинная сила»).

* * *

Сила мысли является тою незримою мощью, которая соединит вас с Самим Превышним («Привет вам, дорогие друзья!»).

* * *

Великую силу имеет объединенная благая мысль («Шри Рамакришна»).

* * *

Не в произнесении, а в мысли несказанной главная сила («Больной год»).

* * *

Мысль – много существеннее, нежели слово или мускульное движение («Жизнь вечная»).

* * *

Западная пословица «По одежде встречают, по уму провожают» в Азии трудноприложима. Нельзя встречать по одежде, но по огню глаз, пламенеющих мыслью («Лик Индии»).

* * *

Много значительнее человек в беседе одиночной... Лучшие слова, заветные мысли не для всех («Нутро»).

* * *

Что может быть увлекательнее, нежели мышление и творчество перед ликом природы! («Рождение скуки»).

* * *

Как радиоволны не имеют границ, так и мысль в пространстве не исчезнет («Переживем»).

* * *

Поистине, заставить себя не мыслить еще труднее, нежели заставить себя думать («Значительность»).

* * *

Чем проще и яснее мысль, тем туже она входит в человеческие мозги («Добрая мысль»).

* * *

Особенно значительно проверять мысли через несколько десятков лет. Не придется ли отказаться от чего-то? Не было ли уклона или сдвига? Или же было продвижение по верному пути... Радостно не отказываться, но утверждаться («Памятки»).

* * *

Неведомы пути крылатой мысли. Мысль и победа изображались крылатыми. Иначе их и не представить («Знамя Мира»).

* * *

Именно идеи не умирают («Знамя Мира»).

* * *

Сердце работает естественно тогда, когда мы его не замечаем («Естество»).

* * *

Доброта и сердечность – самые нежные цветы («Крылья»).

* * *

Голоса природы звучат для тех, кто вступает в нее с открытым сердцем («Легкие трудности»).

* * *

Не мозг, но именно сердце отзвучит на все космические явления («Синтез»).

* * *

Сердце всегда стукнет предупредительно, когда близка гибельная стремнина («Могуча Русь»).

* * *

Всякое подозрение, умаление, окаменение не могут быть там, где сердце болит («Оборона Культуры»).

* * *

Там, где сердце чисто, где оно раскрыто, там не может быть темных зарождений

(«Единение»).

* * *

Там, где нет предрассудков, там и понимание легко. Ведь оно не в рассудке, а в сердце («Новая Земля»).

* * *

Никакими лекциями и книгами, если к ним не раскроется сердце, нельзя просветить («Истинная сила»).

* * *

Без сердечного преображения все лучшие слова останутся мертвыми созвучиями («Дар небесный»).

* * *

Мало быть просто хорошим человеком. Надо еще проникнуть к сердцам человеческим со всею убедительностью блага («Семидесятилетие»).

* * *

Все основания жизни должны непреложно храниться в сердце человеческом («Membra disjecta»).

* * *

Красота не есть просто красивость прибаутки, но есть основа жизни («Привет вам, дорогие друзья!»).

* * *

Без Красоты жизни не одолеть тьму («Сознание Красоты спасет»).

* * *

Пути простейшие, пути вдохновенные приведут к Красоте («Реализм»).

* * *

Чем внимательнее человек, тем большие красоты для него откроются («Вехи»).

* * *

Красота – не опиум, но крылья преуспейния («Тридешатое царство»).

* * *

Знак Красоты откроет все священные врата... Красотою мы победим. Красотою мы объединены («Панацея»).

* * *

Без Красоты не построятся новые оплоты и твердыни («Красота»).

* * *

Не блеснет Красота подслеповатому глазу. Нужно захотеть увидеть красиво. Без красотости, но в величии самой Красоты («Борьба»).

* * *

Увидеть красиво – это значит и понять наилучшую композицию («Творчество»).

* * *

Даже тюрьмы должны быть украшенными и прекрасными. Тогда тюрьмы перестанут существовать («Панацея»).

* * *

Счастье в том, что Красота неиссякаема. Во всяком обиходе Красота может блеснуть и претворить любую жизнь («Борьба»).

* * *

Истинным будет то, что прекрасно и убедительно («Творчество»).

* * *

Красота – главнейшая духовная сила, движущая народами («Симфония жизни»).

* * *

Всенародная лепта во имя знания и Красоты, к счастью, уже мыслима. Надо начать («Земля обновленная»).

* * *

Живая Этика может быть живой лишь для того, в ком и слово о прекрасном всегда живет («Привет вам, дорогие друзья!»).

* * *

Около искусства все должно быть вдохновляющим («Грабарь»).

* * *

Паспорт искусства есть самый лучший, самый сердечный («Сокровища Российские»).

* * *

Искусство является лучшим посланцем человечества («Эстония»).

* * *

Семья, вдохновленная искусством, будет прочным оплотом государства («Борьба»).

* * *

Когда народ творит, тогда приходит и расцвет страны («Эстония»).

* * *

Забота об искусстве и знании является всеобщей обязанностью во вселенском масштабе («Панацея»).

* * *

В широком размахе надо открыть ворота искусства. Только на этом пути вырастает истинное братство народов («Дружество»).

* * *

Культура не может цвести без энтузиазма. Культура окаменеет без огня, верности и преданности («Страна Матери Мира»).

* * *

Чем труднее час, тем заботливее нужно оберечь сад Культуры («Досмотры»).

* * *

Культура зачинается не в далеких отвлеченностях, но в быту, в украшении и улучшении каждой жизни («Весна»).

* * *

У каждого для кого-нибудь сохранилась улыбка... Среди своих, среди близких каждый сбережет огонек Культуры («Трудные дни»).

* * *

Ничто узкое не может оставаться в Культурной программе. Прекрасное понятие всеобъемлющей Культуры ведет к познанию здоровой эволюции («Наше Латвийское общество»).

* * *

Мир через Культуру, и нет иного пути... Только Культура уберезет от губительных разделений. Только Культура устремит взоры ввысь («Культура, где ты?»).

* * *

Из обломков Культуры сложится новая эволюция. Берегите каждое Культурное зерно («Трудные дни»).

* * *

Даже при скромных средствах может жить дело Культуры, честно внося свою лепту неотложной полезности («Опять Америка»).

Мало деятелей Культуры. Во всех областях жизни эти добрые силы на счету. Их нужно хранить, о них надо радоваться, ими можно укрепляться на трудных всходах пути («Доктор Ф.Д. Лукин»).

* * *

Во взаимной охране Культурных ценностей не может быть никаких разделений, соревнований и раздражений. Пашня Культуры является общею пашнею («Эстония»).

* * *

К одному берегу пристанут труженики Культуры («К дальним»).

* * *

Не только нужно поминать имена Суворова, Кутузова и всех отечественных героев, но и осознать, что они были интеллигентны и культурны в своих великих подвигах («Герои»).

* * *

Борьба за Культуру есть геройство («Америка»).

* * *

Мир, Великий Мир живет там, где обитает истинная Культура («Знамя Мира»).

* * *

В стране Культуры будет защищено достоинство человеческое («Выдумщики»).

* * *

Век строения новой Культуры должен быть веком удачливых людей («Serencipity»).

* * *

Покуда мы действуем на защиту Блага, Прекрасного и Культуры, мы непобедимы в нашем энтузиазме (Конференция в Брюгге, 1931 год).

* * *

Победит тот, кто сумеет покрыть механическую цивилизацию истинною Культурой («Будущее»).

* * *

Победа добром будет самой блестящей и поразительной победой. Змеиным жалом можно убить, но не победить, ведь победить – будет значить и убедить («Serencipity» («Печати»)).

* * *

Удача следует за теми, кто принимает ее («Цаган Курс»).

* * *

Поистине, удачу нужно взять. Взять твердо, неотступно и единоустремленно («Serencipity»).

* * *

Достижение всего самого лучшего происходит через все самое высокое («Serencipity»).

* * *

Молодое поколение должно воспитываться в осознании истинного восхождения. Или «вперед» или «назад» – нет середины («Сотруднице»).

* * *

Мы не должны бояться энтузиазма. Только невежды и духовно бессильные могут глумиться над этим великим и чистым чувством («Знамя Мира»).

* * *

Среди потрясений именно энтузиазм выводит человека на стезю достижений («Памятный день»).

* * *

Горение должно быть питаемо («Содружество»).

* * *

Велико мгновенное озарение, но нужно суметь охранить этот огненный цветок, чтобы он преобразил всю жизнь («Борьба»).

* * *

Энергия неисчерпаема, лишь бы помнить о целесообразности («Синтез»).

* * *

Около необычных условий накапливается и значительное («Почта»).

* * *

Значительные обстоятельства обычно происходят у черты. Именно у этой грани жизни как бы опять вспоминается и напрягается все хорошее и дурное... Все природные обстоятельства и свойства особенно вспыхнут у самой черты («У черты»).

* * *

Велико сверхчеловеческое напряжение в незримой пространственной битве. Каждое живое существо причастно к ней («Битва»).

* * *

В городском ли многолюдстве или в благоухании пустыни идет та же борьба! Ее полюбить нужно, но легко ли? Но если удастся однажды возликовать борьбою за истину, за благо человека, то уже никогда не придавит тягость борения. Возникнут новые силы («Борьба»).

* * *

Должна быть радость... в извечной борьбе. Что же образует эту радость? Сознание пашни и посева! («Борьба».)

* * *

Будут часы ныряния. Будем знать и такие пороги («Борьба»).

* * *

Беда, как вода речная, смывает и омоет («В новый путь»).

* * *

Несущий благоую лампаду должен идти очень бережно («Катакомбы»).

* * *

Целесообразность учит бережности. Соизмеримость напоминает о гармонии, о ритме. Они – путь к счастью («Борьба»).

* * *

Бережность бывает нужна именно у черты («У черты»).

* * *

Не нужна ли сугубая осторожность даже с близкими? («Польза доверия».)

* * *

Лучший щит не может защитить, если он не поднят (24 марта, 1940).

* * *

Трудная жизнь есть благо. Она закаляет доспех («Синтез»).

* * *

Нельзя обессиливаться ложной надеждой. Еще велика злоба мира сего, и требуется добрый доспех, чтобы устоять (24 марта, 1940).

* * *

Герои не образуются – они рождаются. Зорко различайте признаки будущего подвижника, героя. Скромно опущены крылья героя, чтобы прекрасно взлететь в час сужденный («Доплывем»).

* * *

В грозе и молнии рождаются герои («В грозе и молнии»).

* * *

Подвиг всегда прекрасен («Единение»).

* * *

В подвиге – движение, зоркость, терпение и знание, знание, знание! («Подвиг».)

* * *

Не может быть такого века, такого года и даже такого часа, в течение которого подвиг мог бы быть неуместным («И это пройдет»).

* * *

Подвиг всегда соединен с отрешением от страха («Лики»).

* * *

Там, где мужество, там нет запертых врат («Школа»).

* * *

Нужно иметь подвижническую отвагу, чтобы и на перекрестках сутолоки напоминать прохожим о том, куда они идут и зачем идут («Зачем?»).

* * *

Лишь бы только скорей осознали, как героичны утверждения общего блага («Смерч»).

* * *

Великую ношу возлагает на себя подвижник. Берет он ее добровольно («Подвиг»).

* * *

Человечество должно беречь своих героев («Король Альберт»).

* * *

Там, где ценят своих героев, творцов и тружеников, там возможно и светлое будущее («Чюрлёнис»).

* * *

Не знающий прошлого не может думать о будущем («Старые годы»).

* * *

В будущем – благо. В будущем – магнит. В будущем – реальность. Мыслим о будущем не законами, но очарованиями будущих совершенствований («Будущее»).

* * *

Мысль о будущем должна быть прекрасна и не вместится в экономику сегодняшних будней («Будущее»).

* * *

Многооко восприятие («Молодому другу»).

* * *

Историк должен быть тончайшим психологом, чтобы удержаться в пределах истины («Леонардо»).

* * *

К чему помнить все извилины и перевалы? Не лучше ли сохранить синтез сияний, сложенных щедростью природы («Сантана»).

* * *

Очевидность – одно, а действительность – другое. Именно она слагает эволюцию («Спасительницы»).

* * *

Мир стоит на правде («Показания»).

* * *

Нет больших сказок, нежели сама жизнь («Миражи»).

* * *

Сказка не есть небылица. В сказке, сказании выражен миф жизни («Сказка»).

* * *

Реализм – сказка жизни («Сказка»).

* * *

Кто узнал сказку, тот умел постоять и за правду («Тридешатое царство»).

* * *

Ангелы благостны, но непреклонны («Знамя Мира»).

* * *

Всюду сперва должна быть проявлена воля, а к ней приложатся и средства («Мир Искусства»).

* * *

Все возможно, где есть добрая воля («Грустное»).

* * *

У каждого есть великое поручение («Единение»).

* * *

Каждый должен выполнить свое задание в плотном мире; невозможно оказаться дезертиром! («Туда и оттуда».)

* * *

Нередко люди считают своим несчастьем то, в чем заключено их высшее преуспеяние («Гора сужденная»).

* * *

Совершенство, познание, любование – беспредельны. Велик магнит счастья («Борьба»).

* * *

В счастье искореняется страх... Мужество есть щит счастья. Но такой щит должен быть выкован в огне подвига («Борьба»).

* * *

Не столько заповедано людям быть судьями, сколько дано им быть сеятелями («Польза доверия»).

* * *

Вся земная растительность напоминает людям о непрерывном сеянии («Польза доверия»).

* * *

Иногда и самое маленькое зерно перевешивает глыбы золота («Чаша»).

* * *

На произрастании злаков можно учиться многим знакам жизни («Значительность»).

* * *

Нужно быть не только обаянным, но и неотвратимо прилежным («Правда нерушима»).

* * *

Лишь бодрость и неутомимость дают убедительность творению («Правда нерушима»).

* * *

Изобретательность должна быть управляема («Легкие трудности»).

* * *

Светлое созидательное утверждение особенно драгоценно («Шри Рамакришна»).

* * *

Лучше ошибиться в хорошую сторону, нежели в дурную («Nat-og-Dag»).

* * *

Народ может жить лишь светлым допущением и утверждением («Чюрлёнис»).

* * *

Главное – бодрость. Она – как магнит («Культура»).

* * *

В трудные дни бодрость особенно ценна («Америка»).

* * *

Каждый атом радости – как самоцвет... Недра и высоты откроются, только бы порадоваться глазом добрым («Смерч»).

* * *

«Радоваться» – так в древности здоровались («Шанхай»).

* * *

Чтобы полюбить, нужно возрадоваться («Чандогия Упанишад»).

* * *

Отоприте приветливо – и радость войдет («Знамя Мира»).

* * *

Всякая обязанность не будет скудным ханжеством, если она осознана в радости духа («Чаша»).

* * *

Каждая радость уже есть новая возможность («Будем радоваться»).

* * *

Там, где радость, – там уже есть зачаток блага («Будем радоваться»).

* * *

Радостный человек добрее, доходчивее, отзывчивее («Человечность»).

* * *

Радость – в явности. Радость – в доверии. Радость – во взаимном укреплении («Будем радоваться»).

* * *

Всякая просветительная работа прежде всего должна быть радостной («Сеятели»).

* * *

Знающий о жизни вечной знает и свою радостную ответственность за каждое деяние – и мысленное и мускульное («Жизнь вечная»).

* * *

Восхищение, восторг, радость тоже должны быть приказаны себе. Приказ о радости вырастает из постоянного творческого делания... Важно, чтобы оно было, и тогда не обуяет вас отчаяние («К дальним»).

* * *

Победа радости будет всегда непоколебимым прибежищем. Через все грозы жизни вспомнится именно прекрасная радость («Победа радости»).

* * *

Испокон веков народы опасались расчленения («Membra disjecta»).

* * *

Служители социального строя не творят врагов, но создают друзей («Мир движется»).

* * *

Среди опасностей надо суметь улыбнуться друг другу («Друзьям»).

* * *

Улыбка сочувствия – одна из хороших тропинок к миру («Дорогая наша сотрудница»).

* * *

Чем труднее время, тем большее взаимное доверие и прекрасное сотрудничество

необходимы («Сравнение»).

* * *

Единение – или гибель («Единение или гибель»).

* * *

Каждое зернышко единения – уже благо непобедимое («Синтез»).

* * *

Нити возможных взаимоотношений обычно тонки до незримости. Но там, где они уже различаемы, они должны быть укреплены («Человечность»).

* * *

Объединенная мощь умножается безмерно («Привет вам, дорогие друзья!»).

* * *

Оздоровит пространство ваша преданность и крепкая дружба (24 марта, 1940).

* * *

Дружество так же, как и мысль, нерушимо («Всеславянское»).

* * *

Трудовое единение бывает так близко – стоит лишь поступиться двумя-тремя предубеждениями и привычками («Человечность»).

* * *

Не лучше ли сближаться с друзьями только? Но с друзьями вы уже близки. Для широкой пашины нужно расширять и круг друзей («Сближение»).

* * *

Говорят, что и больным легче вместе. Так же и труждающимся легче сознавать о путниках на тех же путях («К дальним»).

* * *

Велика задача и обязанность каждого светло объединяющего органа. Ведь это тот самый мост, без которого друзья и не найдут друг друга, без которого и прекрасная беседа не состоится («Зачем?»).

* * *

Объединившиеся около добра, справедливости и взаимоуважения должны быть очень объединенными («Женщина»).

* * *

Через доверие, через самоотвержение достигается и открытие сердца («Польза доверия»).

* * *

Содружество растет силою сердца («Содружество»).

* * *

Без сближения разве распознаем друг друга? («Сближение».)

* * *

Учителя и учащиеся прежде всего сотрудники («Смерч»).

* * *

Истинных воспитателей всегда любят («Рущиц-Вроблевский»).

* * *

Мудрый учитель сообщит свою опытность по частям тем ученикам, которые могут воспринять лучшие заветы («Мастерство»).

* * *

Всякое сотрудничество может процветать лишь на доверии («Nat-og-Dag»).

* * *

Доверие необходимо на всех созвучных путях («Доверие»).

* * *

Без доверия и служение человечеству невозможно («Польза доверия»).

* * *

Распознавание правильное растет в саду оптимизма («Польза доверия»).

* * *

Сад прекрасный, рассадник доверия, будет прежде всего цветником оптимизма («Доверие»).

* * *

Единственно, чего не существует, – это одиночества или безысходности. Вся Беспредельность вопиет о путях бесчисленных («Кольца»).

* * *

Подобно смерчу, соединяются эманации людские с токами пространства. Подобное и привлекает подобное («Смерч»).

* * *

Микрокосм человека живет в пространстве. Существо не земное, но пространственное («Смерч»).

* * *

В особом, вдохновенном спокойствии великой смены бытия будет настоящее великодушие,

которое всегда сопряжено с мужеством («Жизнь вечная»).

* * *

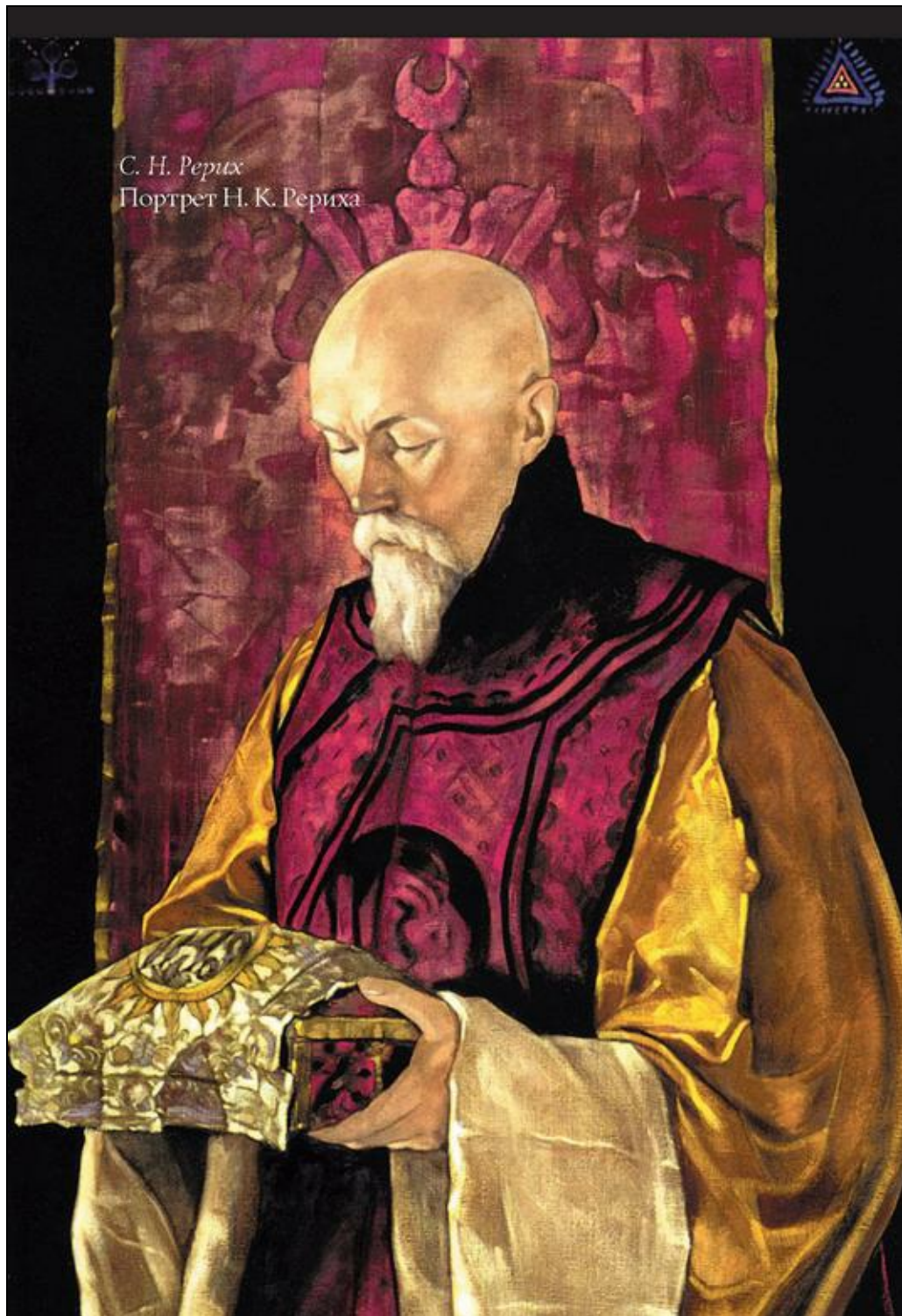
Человек, переходя, не проваливается в хладную бездну, но продолжает свой путь, применяя все накопления («Туда и оттуда»).

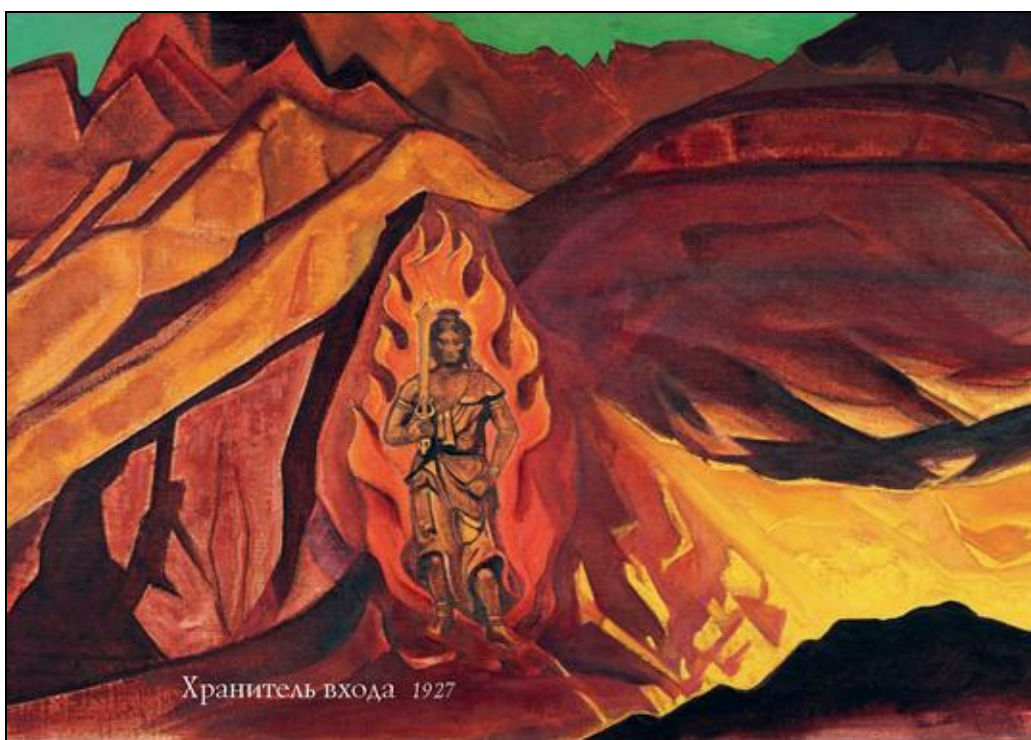
* * *

«Мы не умрем, но изменимся». В этой краткой формуле все сказано («Туда и обратно»).

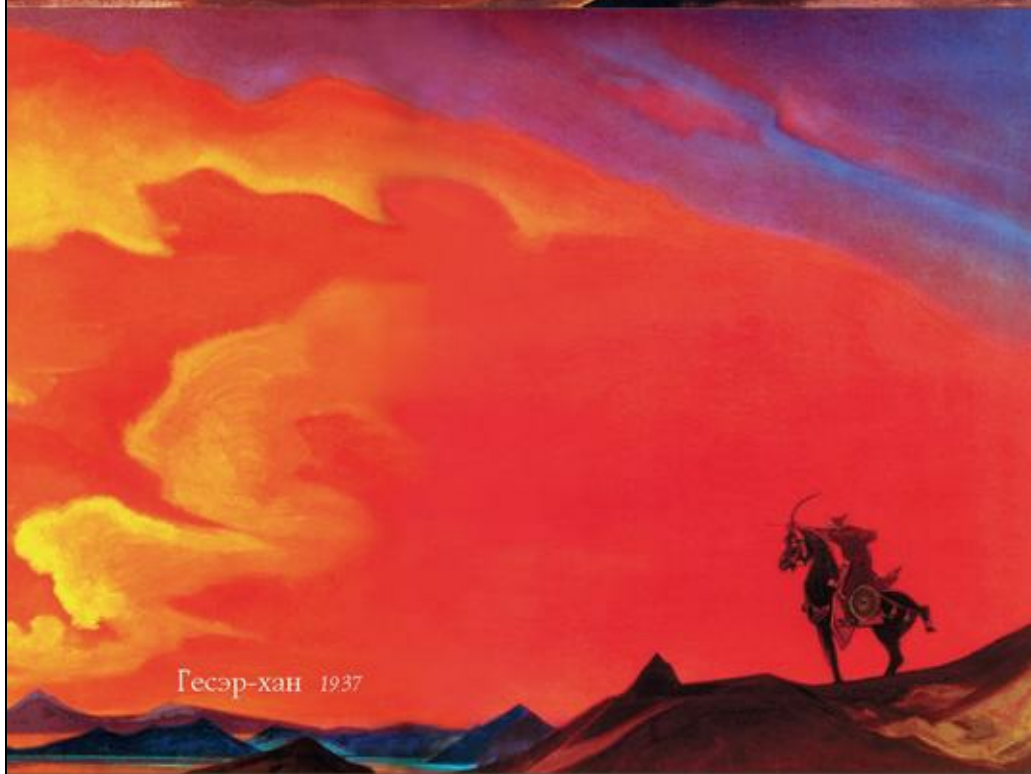
* * *

Помните: «как внизу, так и наверху», и эта аксиома вечной непрерываемой жизни должна быть всеми твердо усвоена («Туда и обратно»).

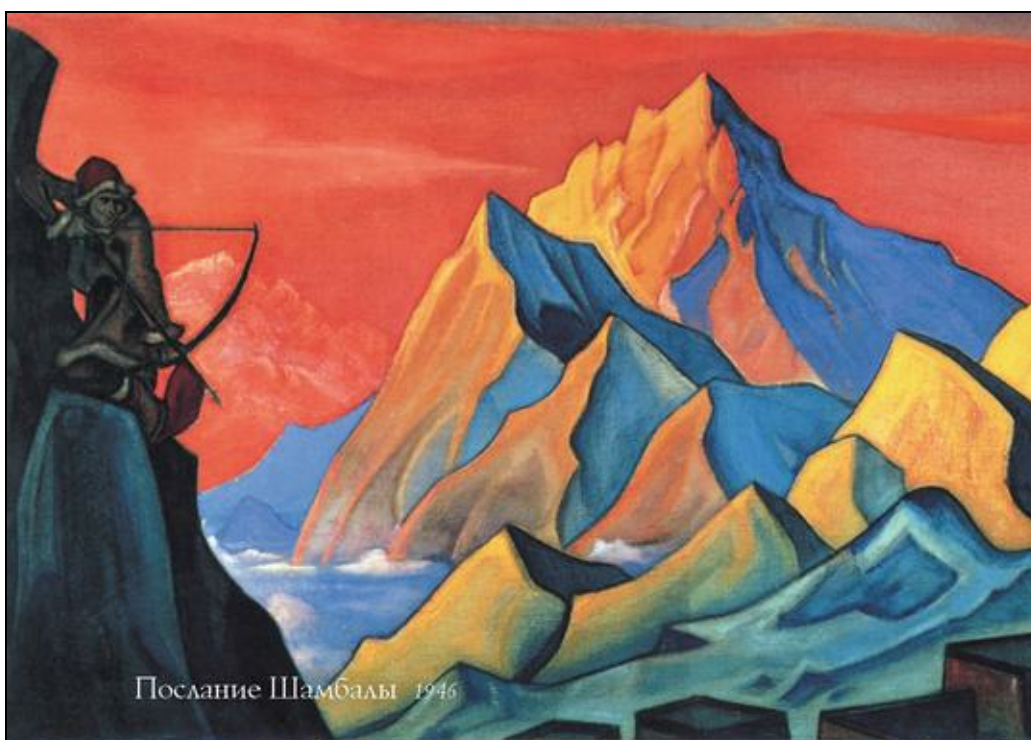

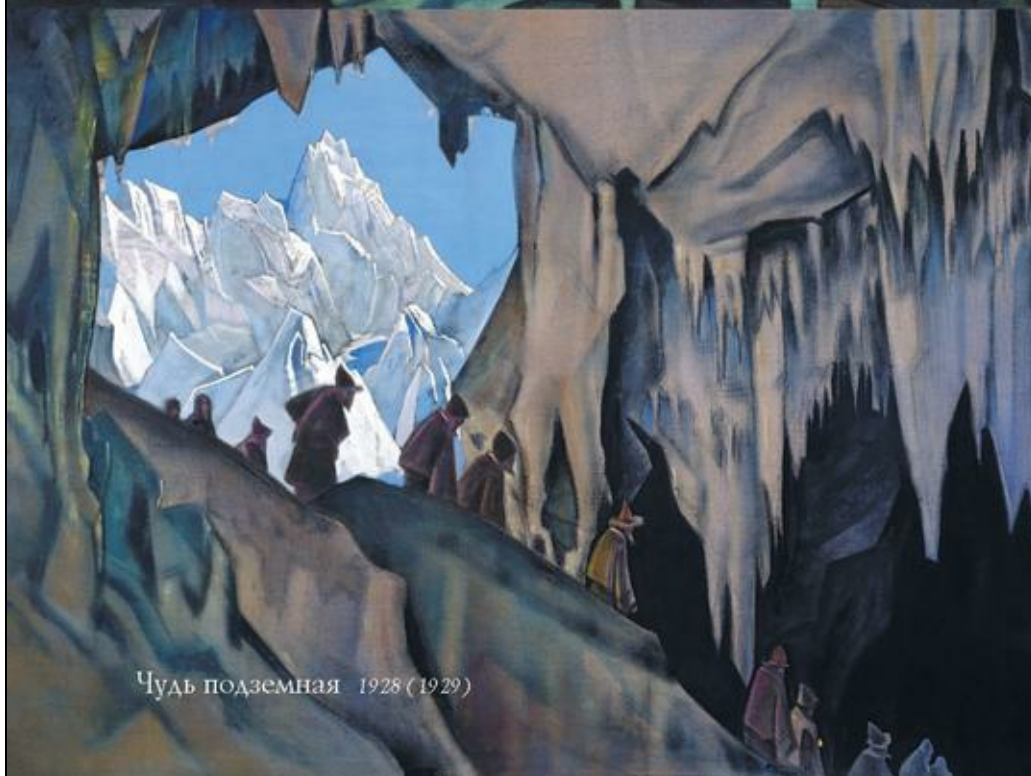
Хранитель входа 1927

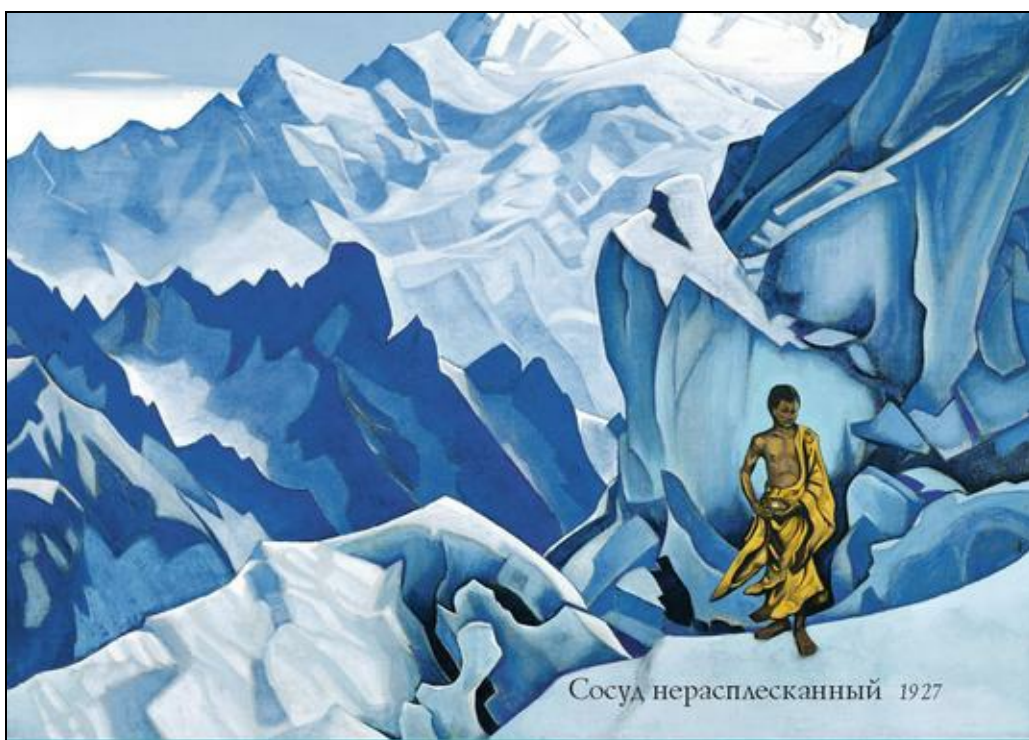
Гесэр-хан 1937

Послание Шамбалы 1946

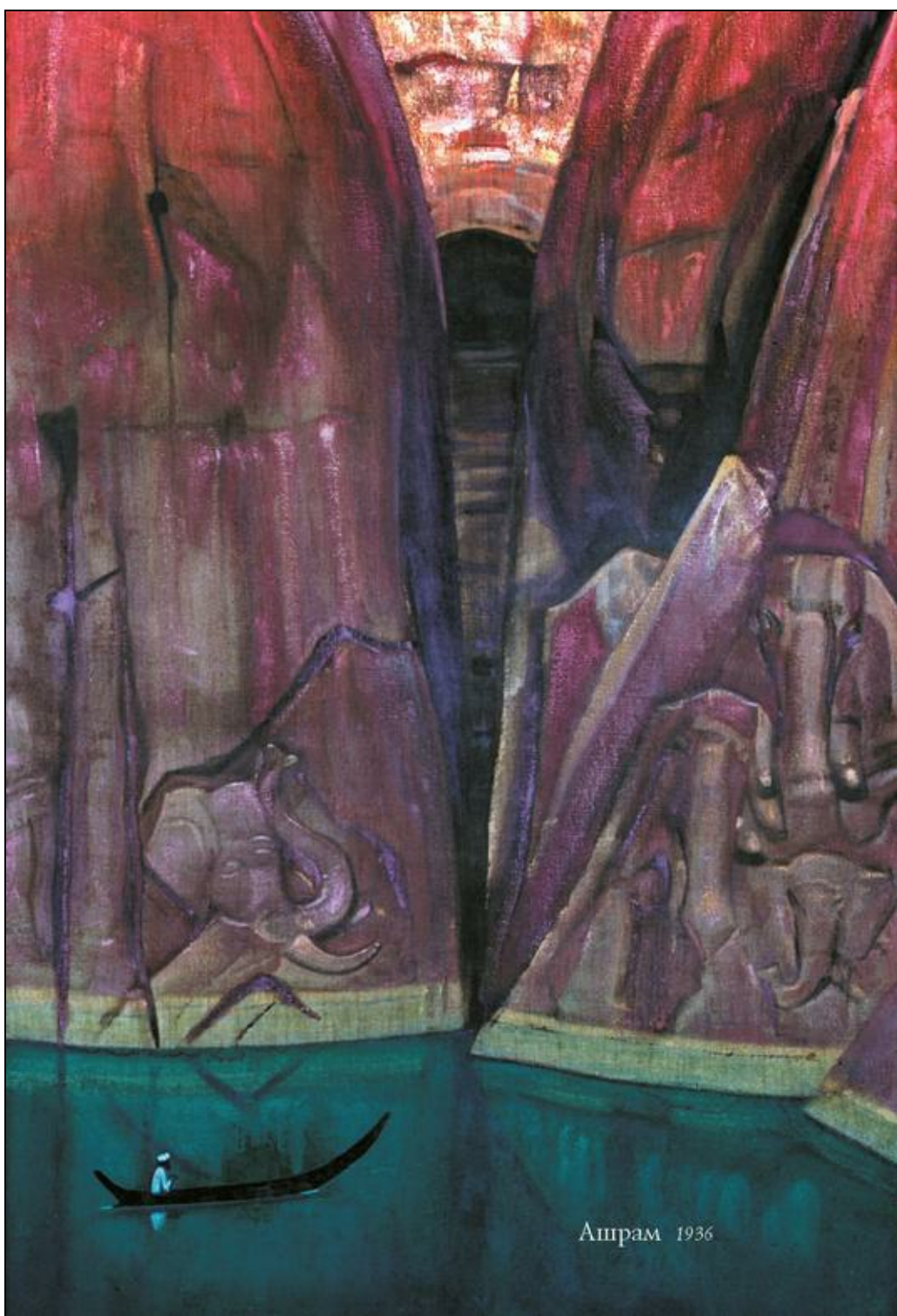
Чудь подземная 1928 (1929)

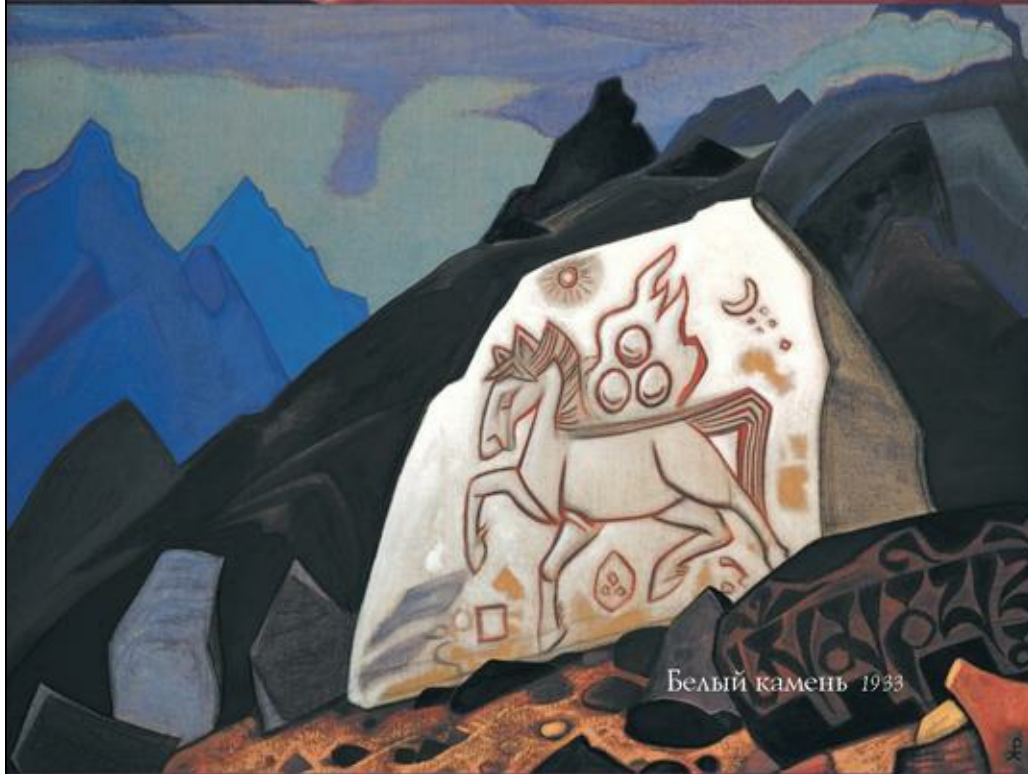
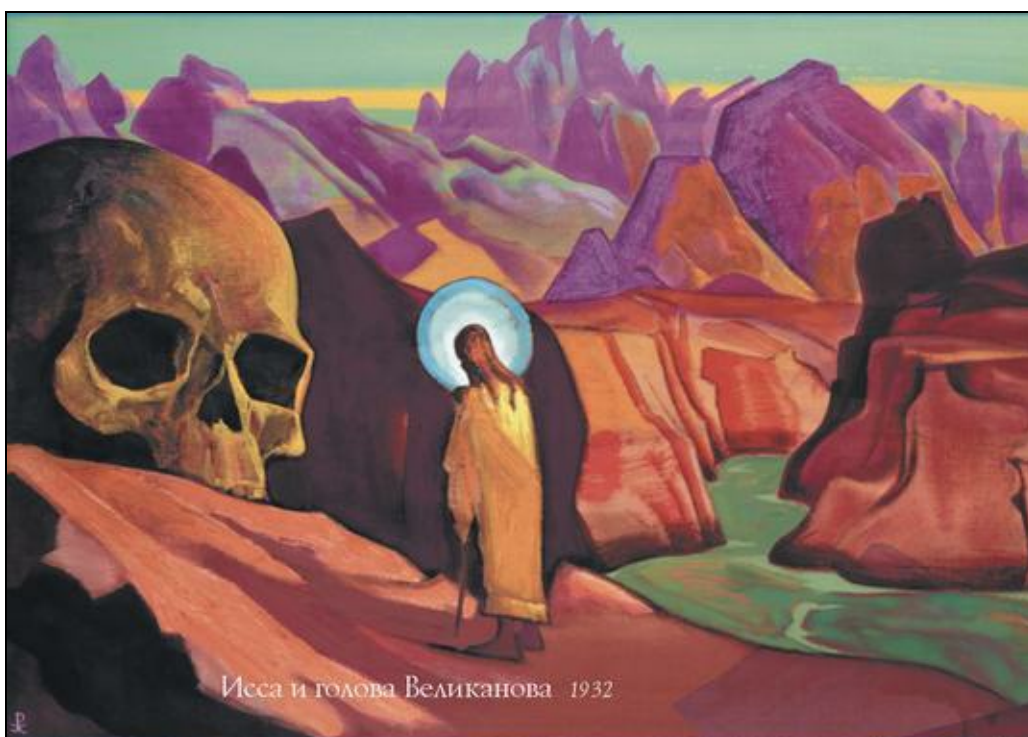
Сосуд нераспесканный 1927

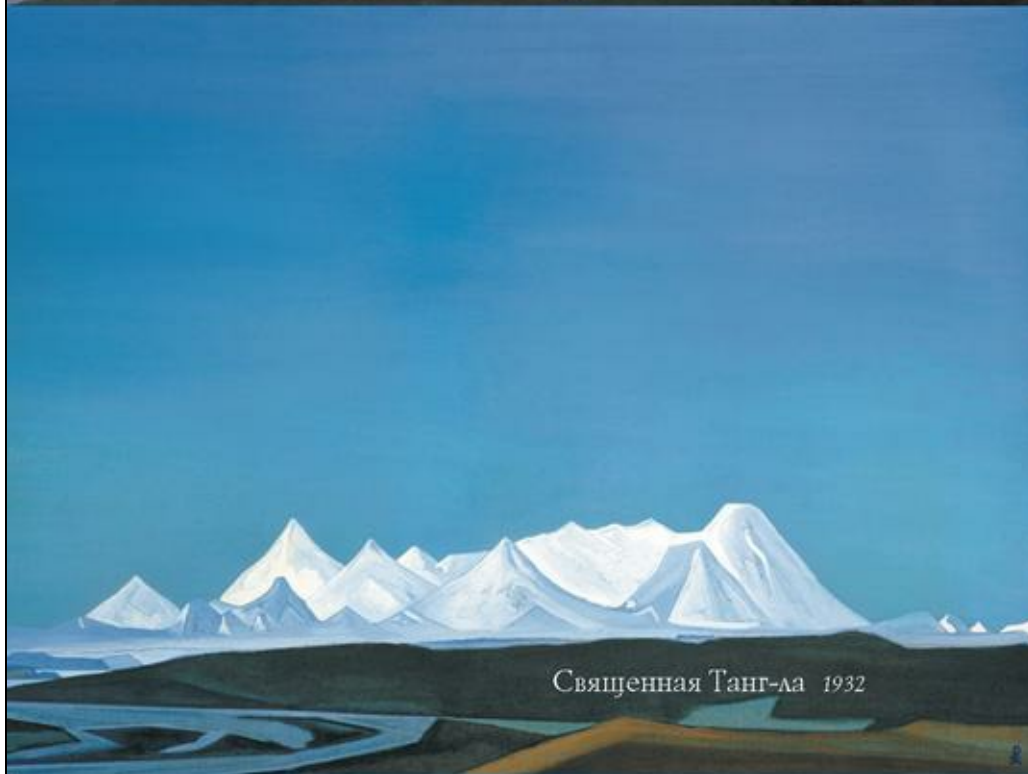

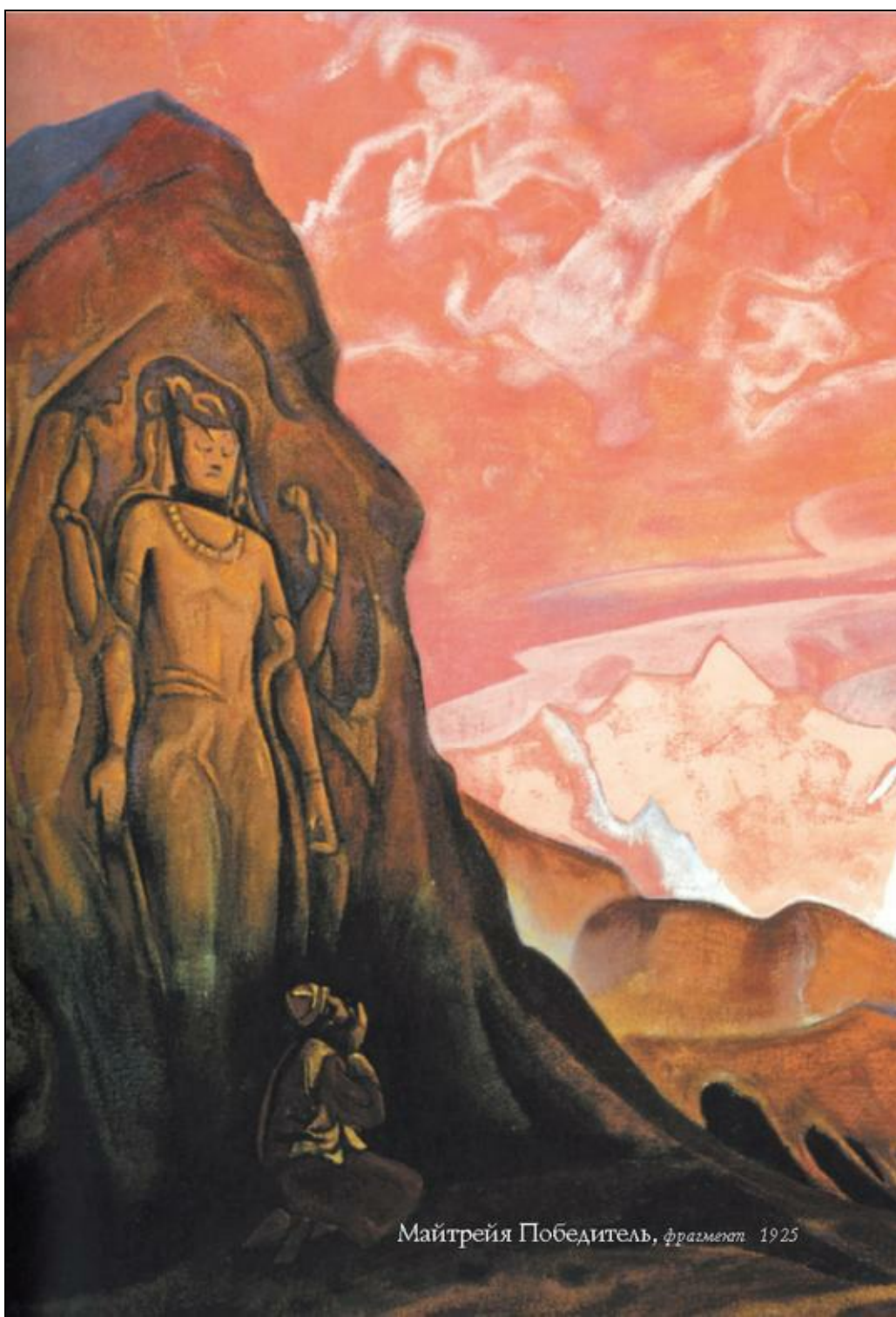
Светлый витязь 1933

Ашрам 1936

Майтрейя Победитель, фрагмент. 1925

notes

Видиа (видья) – знание; Авидиа (авидья) – незнание, невежество. – *Прим. сост.*

Имеются в виду энергетические центры сознания, чакры. – *Прим. сост.*

Центр Чаши не входит в число основных семи центров, обычно упоминаемых в литературе по йоге, но относится к группе центров, связанных с сердцем (Анахата-чакрой). Располагается посередине груди немного выше центра сердца. – *Прим. сост.*

Держателями на Востоке называются духовные Учителя, сотрудники Шамбалы. – *Прим. сост.*